
**С О В Р Е М Е Н Н О Е   О Б Щ Е С Т В О :
В О П Р О С Ы   Т Е О Р И И ,   М Е Т О Д О Л О Г И И ,
М Е Т О Д Ы   С О Ц И А Л Ь Н Ы Х   И С С Л Е Д О В А Н И Й**

Пермь 2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»
Кафедра социологии и политологии
Пермское отделение Российского общества социологов

**СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XIII (заочной) Всероссийской научной конференции,
посвященной памяти профессора З.И. Файнбурга
(г. Пермь, ноябрь 2014 г.)*

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
2014

УДК 316, 343.6
ББК С534+С542.2
С56

Рассматриваются философские, социальные, культурные, политические и другие аспекты трансформации российского общества, анализируются особенности переходных процессов, динамика реформ, перспективы и направления решения социальных проблем.

Предназначено для социологов, философов, экономистов, политологов и всех, кто интересуется судьбой России.

Материалы включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

В.Н. Стегний (ответственный редактор)
Г.В. Разинский (ответственный секретарь)
В.В. Левченко

Захар Ильич Файнбург
доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В. Авдеева.</i> Оплата труда в сфере образования на основе дорожной карты	8
<i>А.И. Агафонов</i> Этнокультурная жизнь украинцев Прикамья на рубеже XX–XXI веков.....	12
<i>С.В. Анненкова, Д.П. Морозов, В.Д. Паначев.</i> Студенты Перми.....	19
<i>Н.И. Асанова.</i> Основные механизмы воспроизводства и закрепления образованием социального неравенства в обществе	23
<i>Л.И. Белова.</i> Особенности освещения проблемы миграции в современных российских СМИ	30
<i>В.Ю. Бочаров.</i> Состояние условий и охраны труда работников сельскохозяйственных предприятий.....	36
<i>Ю.М. Вассерман.</i> Дифференциация студенческих оценок мероприятий пермского культурного проекта в зависимости от уровня модернизации культуры респондентов	44
<i>А.Я. Зарипов, М.А. Зарипов.</i> Либеральные ценности и традиционные установки общества в процессе личностной идентификации	50
<i>Т.Е. Зерчанинова, Н.П. Мудрецова.</i> Методология исследования региональной государственной поддержки работающей молодежи	56
<i>М.Б. Колесниченко.</i> Современные направления исследований в социологии организаций и экономики.....	63
<i>Д.А. Кормициков, Т.М. Хусяинов.</i> Социально-культурные установки в неформальной молодежной среде	71
<i>А.А. Костригин.</i> Дошкольное образовательное учреждение как среда формирования социальной идентичности ребенка	77
<i>Э.Б. Кощев.</i> Наука в открытом обществе: рецепты Карла Поппера.....	84
<i>Е.Ю. Куликовская.</i> Организация контрольно-ревизионной деятельности. Проблемы развития.....	88
<i>Л.Н. Курбатова.</i> Оценка учебной активности студентов (по материалам социологического исследования).....	92
<i>Е.А. Лазукова.</i> Карьера молодежи в сфере управления.....	97
<i>В.В. Левченко.</i> Онтологический аспект анализа состоятельности	102

<i>В.В. Левченко, Г.В. Разинский.</i> Состязательность и патернализм как форма взаимодействия в современном российском обществе: региональный аспект (к постановке социологического исследования).....	110
<i>Н.Е. Малахов, К.Г. Фурман.</i> Современное видение постмарксистских изменений российского общества	117
<i>С.В. Нарейкин.</i> Развитие института правотворческой инициативы граждан	122
<i>О.А. Немова.</i> Социальный менеджмент как инструмент построения партнерских отношений между государством и обществом	128
<i>П.А. Никитин.</i> Молодежь в политике: зарубежный опыт	136
<i>С.П. Парамонова, Ю.В. Сунцов.</i> Гражданское сознание групп общества.....	142
<i>В.Д. Разинская.</i> Социокультурные типы студентов.....	152
<i>Г.В. Разинский.</i> Материальный статус и потребительское поведение сквозь призму патерналистского синдрома.....	161
<i>Е.В. Ракевич.</i> Визуальная часть имиджа Екатеринбурга	166
<i>И.Л. Сизова, А.В. Ермилова, Н.С. Лукин.</i> Внеучебная деятельность и студенческие объединения.....	173
<i>Ю.Г. Хайлов.</i> Проблемы социально-экономического развития Урала... ..	180
<i>О.В. Хамадянова.</i> Государственная поддержка сельского туризма в России.....	188
<i>Д.А. Хрущев.</i> Защита прав субъектов персональных данных в условиях развития информационного общества при предоставлении государственных и муниципальных услуг	194
<i>Г.З. Файнбург.</i> Лицом к будущему: методология формационного перехода (из архивных материалов З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой)	199
<i>З.И. Файнбург, Г.П. Козлова.</i> Могло ли наше общество стать социалистическим? Опыт прогностического исследования, опрокинутого в прошлое	213
<i>Э.Б. Кощев.</i> В мире З.И. Файнбурга (на материалах его личной библиотеки).....	238

CONTENTS

<i>L.V. Avdeeva</i> . Wages in education based road map	8
<i>A.I. Agafonov</i> . Ethno-cultural life of ukrainians Prikamyie at the turn XX–XXI century	12
<i>S.V. Annenkova, D.P. Morozov, V.D. Panachev</i> . Students of Perm	19
<i>N.I. Asanova</i> . Basic mechanisms of reproduction and secure form of social inequalities in society	23
<i>L.I. Belova</i> . Special features the problem of migration in modern Russian media	30
<i>V.Y. Bocharov</i> . The state of working conditions and occupational safety of employees of agricultural enterprises	36
<i>Yu.M. Vasserman</i> . Student’s estimations differentiation of Perm cultural project events depending on respondent’s cultural modernization level	44
<i>A.Y. Zaripov, M.A. Zaripov</i> . Liberal values and the traditional placements of society in the process of personal identification	50
<i>T.E. Zerchaninova, N.P. Mudretsova</i> . Research methodology of the regional state support for working youth	56
<i>M.B. Kolesnichenko</i> . Current research in sociology of organizations and economics	63
<i>D.A. Kormshchikov, T.M. Khusyainov</i> . Formation of sociocultural attitudes in informal youth communities	71
<i>A.A. Kostrigin</i> . Preschool educational institution as an environment of social identity of child	77
<i>E.B. Koshcheev</i> . Science in the open society: recipes of Karl Popper	84
<i>E.U. Kulikovskaya</i> . Organization of control and auditing activity. Development problems	88
<i>L.N. Kurbatova</i> . Evaluation of educational activity of students (based on the survey)	92
<i>E.A. Lazukova</i> . The career of young people in the sphere of management	97
<i>V.V. Levchenko</i> . Ontological aspect of the analysis of rivalry	102

<i>V.V. Levchenko, G.V. Razinskii.</i> Competitiveness and paternalism as a form of interaction in contemporary russian society: the regional dimension (to the sociological research)	110
<i>N.E. Malakhov, K.G. Furman.</i> Modern interpretation of post marxism`s changes russian society.....	117
<i>S.V. Nareykin.</i> The development of the institute of law-making initiative of citizens	122
<i>O.A. Nemova.</i> Social management as a tool of partnership relations between the state and society	128
<i>P.A. Nikitin.</i> Youth in politics: foreign experience	136
<i>S.P. Paramonova, U.V. Suntsov.</i> Civil consciousness groups society	142
<i>V.D. Razinskaya.</i> Sociocultural types of students	152
<i>G.V. Razinskii.</i> Material status and consumer behavior in the light paternalistic syndrome	161
<i>E.V. Rakevich.</i> The visual part of the image of Ekaterinburg.....	166
<i>I.L. Sizova, A.V. Ermilova, N.S. Lukin.</i> Nonlearning activity and student associations	173
<i>Y.G. Khailov.</i> Problems of social and economic development of the Urals.....	180
<i>O.V. Khamadyanova.</i> Government support of rural tourism.....	188
<i>D.A. Khrushchev.</i> Protection of the rights of subjects of personal data in the context of information society development in the provision of public and municipal services	194
<i>G.Z. Fainburg.</i> Facing the Future: The methodology of formation transition (From the archival materials by Z.I. Fainburg and G.P. Kozlova).....	199
<i>Z.I. Fainburg, G.P.Kozlova.</i> Whether there could be our society socialist? Experience of prognostic research, overturned in the past.....	213
<i>E.B. Koshcheev.</i> The world Z.I. Fainburg (by materials of his personal library)	238

Л.В. Авдеева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

ОПЛАТА ТРУДА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ДОРОЖНОЙ КАРТЫ

Данная статья посвящена анализу изменений в системе образования. Мероприятия по реализации «Дорожной карты» охватят всю сферу образования, затронут всех участников образовательного процесса. Региональные «дорожные карты» должны соответствовать майским указам президента. Это значит, что среди задач – повышение зарплат работникам образования.

Ключевые слова: дорожная карта, региональный план, эффективный контракт, повышение эффективности, стимулирующие выплаты.

L.V. Avdeeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow

WAGES IN EDUCATION BASED ROAD MAP

This article focuses on changes in the education system. «Road map» will cover the whole education sector, will affect all participants in the educational process. Regional «road map» should correspond to the May presidential orders. This means that among the objectives – to increase the salaries educators.

Keywords: road map, regional plan, effective contract, increase in efficiency, incentive payments.

Повышение эффективности образовательных учреждений сегодня является вопросом государственного значения. Поэтому 30 декабря 2012 года Правительство России утвердило план («дорожную карту») мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».

На основании этого документа всеми регионами страны разработаны и утверждены региональные планы («дорожные карты»). План содержит ответы на значимые для людей вопросы: когда и как будет решена проблема с очередями в детские сады? сколько планируется построить новых образовательных учреждений? как учреждения внедряют и реализуют государственные стандарты и др.?

Другими словами, «дорожная карта» – это максимально конкретизированный план действий региональной власти по исполнению тех изменений, которые ожидают отрасль образования в период до 2020 года. Так, например, к 2016 году очереди в детские сады не будет, для этого в 2014 году откроют 418 тыс. мест, в 2015 году – еще 219 тыс. мест. Главная задача регионов заключается в своевременном освоении федеральных средств – направление их на строительство новых объектов, реконструкцию имеющихся зданий, а также на завершение проектов, начатых в предыдущие годы.

«Дорожная карта» – это инструмент, позволяющий обозначить приоритеты как образовательной политики конкретных субъектов Федерации, так и социальной политики государства в целом.

Главный из этих приоритетов – увеличение зарплаты педагогов. Возрастут доходы педагогических работников дошкольного и общего образования, преподавателей и мастеров производственного обучения среднего профессионального образования. Зарплата преподавателей и научных работников аккредитованных муниципальных вузов также увеличится.

Повышение заработной платы – одно из обязательных условий «дорожной карты». Но параллельно с этим запускается процесс увязки размера заработной платы работников образования с требованиями к качеству педагогического труда. Подразумевается, что требования к качеству труда должен выставить при заключении контракта с педагогом сам работодатель.

Программа предполагает некие единые принципы качества для всей отрасли. И эти сквозные показатели отслеживаются сверху донизу: эффективность работы отрасли, конкретного учреждения, конкретного работника. С опорой на них и должны разраба-

тываться конкретные требования к стимулирующей части оплаты труда в образовании.

Иными словами, программа предусматривает комплекс методических, организационных и контрольных мероприятий, направленных на повышение «привлекательности» и престижности работы в государственных (муниципальных) учреждениях, а также обеспечение соответствия оплаты труда работников качеству оказания ими государственных (муниципальных) услуг, т.е. выполнение работ. Новая система оплаты труда должна быть ориентирована прежде всего на достижение конкретных показателей количества и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг – создание прозрачного механизма оплаты труда работников организаций.

При переходе на «эффективный контракт», а он прописан в «дорожной карте», основной акцент делается на совершенствование системы стимулирующих выплат, т.е. установление зависимости повышения оплаты труда работников с достижением конкретных показателей эффективности работы. Предполагается введение взаимоувязанной системы отраслевых показателей эффективности от федерального уровня до образовательного учреждения и конкретного работника. В образовательных учреждениях должны быть установлены соответствующие показатели стимулирующих выплат, критерии и условия их назначения в локальных нормативных актах учреждения, а также в трудовых договорах с работниками. Если установлены «неэффективные стимулирующие выплаты», то они подлежат отмене.

Термин «эффективный контракт» заимствован из институциональной экономики. Существует теория контрактов, которая показывает, как с помощью этого инструмента организация может добиться максимальной эффективности от нужного ей сотрудника. Главное – четко зафиксировать, что ожидает организация при заключении контракта и что хочет получить сотрудник, причем не только в отношении оплаты труда, но и условий деятельности, режима работы и т.д. Каждый заявляет свои требования, и после со-

гласования контракт заключается. Это обеспечивает осознанную работу человека на интересы организации, притом что он достигает и свои цели. Считается, что нетиповой договор позволяет более полно использовать потенциал работника.

Все определенные Указом Президента задачи в сфере образования и социальной сфере отражены в долгосрочных целевых программах развития образования регионов на ближайшие годы. Они практически имеют формат госпрограммы, и поэтому все направления, цели и задачи, которые есть в дошкольном образовании, в системе общего образования, в системе повышения заработной платы, практически сведены к долгосрочным целевым программам. Они обеспечены финансово и мероприятиями, а также достаточно четко и жестко структурированы, увязаны по времени, показателям, срокам.

Список литературы

1. Об образовании в РФ: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.05.2013). Ст. 99.
2. Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2018 года: утв. Правительством РФ 31.01.2013.
3. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»: утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2012 № 2620-р.
4. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы: утв. Распоряжением Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р.

Авдеева Людмила Викторовна – студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), e-mail: lyudmila_viktorovna@list.ru.

А.И. Агафонов

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ УКРАИНЦЕВ ПРИКАМЬЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Рассматриваются культурные ценности украинцев на рубеже двух веков в различных формах: в языке, письменности, обрядах.

Ключевые слова: этнос, ассимиляция, урбанизация, украинское сообщество, А. Вознюк, Н.Е. Кобышно.

A.I. Agafonov

Perm National Research Polytechnic University

ETHNO-CULTURAL LIFE OF UKRAINIANS PRIKAMYE AT THE TURN XX – XXI CENTURY

We consider the cultural values of Ukrainians at the turn of the century in various forms in the language, literature, ceremonies.

Keywords: ethnicity, assimilation, urbanization, the Ukrainian community, A. Voznyuk, N.E. Kobyshno.

На процессе проживания украинцев в Пермском крае повлияло этнокультурное развитие выходцев из Украины. Современные этнокультурные процессы среди украинцев Прикамья обусловлены несколькими факторами. Распад СССР и создание независимых государств, с одной стороны, вызывали определенный отток выходцев из Украины с территории Прикамья. С другой стороны, стали менее интенсивными миграции из Украины в регионы Урала, характерные для советского времени. Кроме того, украинцы, проживающие в окружении преобладающего русского населения, близко родственного славянского народа, достаточно быстро и органично вписываются в этнокультурную среду народа, что, несо-

менно, приводит к ассимиляционным процессам. Эти причины стали основными в снижении численности украинцев в регионе в последние десятилетия. В 2010 году украинцами себя называли 16 269 человек, что составляло 0,61 % от общей численности населения Пермского края [1, с. 8]. Так, в 2002 году в Пермской области и Коми-Пермяцком автономном округе проживало 25 948 украинцев [1, с. 8], что показывает снижение их численности почти вдвое с 1989 года. Последняя перепись 2010 года также показала дальнейшее снижение численности населения Пермского края [1, с. 8].

Главная причина снижения численности украинцев в последние годы – ассимиляционные процессы. Устойчивую этническую идентичность показывают, как правило, лишь выходцы с Украины первого поколения, тогда как второе поколение, выросшее в доминирующей русской среде, чаще всего определяет себя русскими. Наблюдается значительное число среди украинского населения смешанных браков с представителями других народов края. В подтверждение этим выводам приведем данные переписи 1989 года, согласно которым 21 % из записавшихся украинцами родились на территории Пермского края, остальные, соответственно, мигранты в первом поколении [2, с. 2]. Информаторы также отмечают высокую степень интегрированности в местный социум, значительное влияние русской культуры и языка. Украинцы, приехавшие в Прикамье во второй половине XX века, в интервью отмечали, что обрусели, а их дети считают себя русскими.

Языковая ситуация среди пермских украинцев по материалам переписи 2010 года представлена следующим образом: подавляющее большинство украинцев – 99,8 %, или 16 831, человек указали на владение русским языком. Украинским языком, согласно данным переписи, владеет 10 704 жителя Пермского края, при этом только украинским из них владеет 41 [3]. В то же время следует отметить, что, поскольку в регионе не образовалось территорий компактного проживания украинцев, ни в одной из школ региона не ведется изучение украинского языка.

Современное украинское сообщество региона представлено в основном городскими жителями. У украинцев очень высокая степень урбанизации в регионе. Так, в 1989 году их доля в городском населении составляла 73 %, в то время как среди русских граждан – только 52 %. Перепись 2010 года также показала высокую степень урбанизации – 79,8 %. По половому составу распределение мужчин и женщин украинцев примерно одинаковое – 50,7 % женщин и 49,3 % мужчин. Наибольшая численность украинцев сегодня сосредоточена в крупных городах: Пермь (6507), Березники (1267), Соликамск (740), Чайковский (729), Пермский район (517), Добрянский район (494) [4, с. 185].

Определенное влияние на современную этнокультурную ситуацию оказывают миграционные процессы. Приток с территории Украины отмечается в Пермском крае и сегодня. Ежегодно на миграционный учет в Прикамье становится до нескольких тысяч выходцев из Украины [4, с. 185]. Динамику миграционного притока с территории Украины в Пермский край за последние годы показывают материалы Управления федеральной миграционной службы России по Пермскому краю, согласно которым в 2008 году на территории Пермского края пребывало 5668 мигрантов из Украины, в последующие годы число их снижалось, в 2009 году – 4732, в 2010 – 3439 [4, с. 185]. Пермские украинцы начали общественную деятельность по сохранению и популяризации своей культуры еще в начале 1990-х годов. Презентация украинского народа и украинской культуры в контексте культур других славянских народов являлась задачей и в деятельности Славянского культурного центра, созданного в 1992 году. Пермский славянский культурный центр в Прикамье был первой общественной организацией, представлявшей интересы славянских народов. Славянские центры также были созданы в Березниках, Октябрьском, Уинском, Чернушинском районах [5, с. 130].

В ноябре 1996 года начала свою деятельность пермская общественная организация «Украинское общество „Просвита“» [5]. 9 марта 2001 года (в день рождения Т.Г. Шевченко) инициативной

группой пермских украинцев создан культурно-деловой центр «Украинский дом», расположившийся на базе ДК «Телта»: «Сначала просто начали искать людей, которые работают в различного рода структурах, органах власти, первый костяк был из людей достаточно интересных. Начал работу выходец из Винницкой области А.Н. Вознюк, который стал директором «Украинского дома». Главными задачами в деятельности организации были провозглашены: «социальная защита представителей украинской диаспоры, сохранение исторических, культурных особенностей украинцев, их языка; развитие межнациональных и деловых связей между Украиной и Россией» [6]. У организации были установлены партнерские отношения с Посольством Украины в Российской Федерации [6, с. 13]. В октябре 2005 года «Украинский дом» был переименован в Украинский культурно-деловой фонд «Прикамье», его возглавил пермский предприниматель Н.Е. Кобычно [7, с. 30–31].

В 2011 году в Прикамье была зарегистрирована автономная некоммерческая организация «Уральско-Украинское содружество в области культуры, науки, спорта и творчества, развития межнационального согласия», созданная пермяком Д.Г. Бондаренко, уставной целью которой было «развивать межнациональное согласие и уважение к культурным ценностям народов Украины и Пермского края» [8, с. 1].

В настоящий момент украинское национальное культурное движение Пермского края развивается: украинцы участвуют в массовых этнокультурных акциях и мероприятиях, входят в состав краевого координационного совета по национальным вопросам, совета руководителей национально-культурных объединений Пермского края.

Близость восточнославянских языков, этнокультурных традиций, приверженность православию способствовали быстрой адаптации и ассимиляции украинцев в близкородственной русской среде Пермского края. В этих условиях трансляция и передача молодому поколению этнокультурных традиций, наоборот, затруднена, поскольку украинцы Пермского края не имеют мест ком-

пактного расселения, представлены большей частью городским населением, сохранение этничности и этнокультурных комплексов происходит на уровне семейных и родственных коллективов.

Практически все прикамские украинцы сохраняют представления о своей этнической принадлежности. При этом нет противопоставления русского и украинского народов. «Что значит быть украинцем? – сложный вопрос. Наверное, чувствовать свою связь с 45 миллионным народом, быть его частью вне зависимости от того, в какую часть планеты тебя занесла судьба. Этническое самосознание для большинства украинцев проблема. Люди старшего поколения еще помнят, что украинцы и русские были «практически одним народом».

Многие из украинцев, оказавшихся вне родины в советское время, не раз вставали перед выбором, что указывать в графе «национальность». «У меня в паспорте всегда было указано, что я украинец. Хотя была возможность записаться русским, и многие так делали. Я своей национальности не изменил». Даже записавшись русским, многие сохраняют свою этничность: «Я в паспорте и во всех документах всегда была записана как русская, хотя чувствую себя украинкой» [9].

Несмотря на то, что подавляющему большинству украинцев, живущих в Прикамье, проще общаться на русском языке, украинский язык они стараются не забывать. «Я и сейчас свободно говорю по-украински, своих детей и внуков я тоже научила». В семьях, где оба супруга украинцы, язык сохраняется намного лучше: «Я отлично понимаю и спокойно могу говорить на украинском даже сейчас, дома с мужем часто разговариваем на украинском» [9, с. 1–2].

Своих детей, родившихся и выросших в России, украинцы в большинстве случаев не пытаются научить говорить на родном языке. Однако в некоторых семьях, где язык сохраняется, детей обучают украинскому.

Схожесть праздничного календаря, традиционной материальной и духовной культуры русских и украинцев затрудняет оценку уровня сохранения украинцами своей этнической культуры в При-

камне. Однако в семейных коллективах еще и сегодня сильны украинские традиции.

Наиболее устойчивым и востребованным оказался комплекс праздничной культуры. Известно, что пермские украинцы сохраняют особенности празднования Сочельника («Богатый» или «Щедрый» вечер), Троицы, хотя часто и указывают на схожесть традиций, например празднование Пасхи и Рождества.

Сохраняются и другие обычаи празднования календарных праздников: На старый Новый год (Святого Васыля) – посевание, 19 декабря на Николая Чудотворца есть обычай класть детям подарок под подушку.

Таким образом, этнокультурные ценности украинцев Прикамья, имея общие восточнославянские корни, во многом схожи с русской культурой, продолжают жить и обогащаться.

Список литературы

1. Национальный состав населения Пермской области. – Пермь, 2005. – С. 8.
2. Газета «Звезда». – 1982. – 9 мая.
3. Распространенность владения языками по данным Всероссийской переписи населения 2010 года в Пермском крае [Электронный ресурс]. – URL: <http://permstat.gKS.ru/perepis10/2010/Formz/Alltems.aspx>.
4. Данные Управления Федеральной службы статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2013. – С. 185.
5. Народы Пермского края. Истоки. Становление. Развитие. – Пермь, 2010. – С. 30, 130.
6. Некоммерческое партнерство «Украинский дом» // Пермь великая – Пермь многолика. Национально-культурные центры и автономии Прикамья – кто есть кто? Буклет. – Пермь, 2002. – С. 13.
7. Кобышно Н.Е. С надеждой на успех // Народы Пермского края. Альманах. – Пермь, 2007. – С. 30–31.

8. Устав АНО «Уральско-Украинское содружество в области культуры, науки, спорта и творчества, развития межнационального согласия». – Пермь, 2011. – С. 1.

9. Опросы Полевые материалы авторов (ПМА) / Т.Г. Свистак, З.И. Галайда, С.Б. Данилов, Б.Г. Мазука, Л.П. Барнэ, В.И. Качуровский. – Пермь, 2012. – С. 1–2.

Агафонов Александр Иосифович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное управление и история» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: agafonov_alex@mail.ru.

С.В. Анненкова, Д.П. Морозов, В.Д. Паначев

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

СТУДЕНТЫ ПЕРМИ

Рассматриваются студенческое самоуправление и деятельность студенческих общественных организаций с социологической точки зрения. Политическая ситуация современной России такова, что активность студентов просто необходима на данном этапе развития социума.

Ключевые слова: студенты, университет, Пермь, общественные организации, исследования.

S.V. Annenkova, D.P. Morozov, V.D. Panachev

Perm National Research Polytechnic University

STUDENTS OF PERM

In article are considered with sociological standpoint student home rule and activity of the student public bodies. The political situation to modern Russia such of that activity student simply necessary at the point developments of socium.

Keywords: students, university, Perm, public bodies, studies.

В рамках исследования интересно было проанализировать историческую активность молодого поколения студентов вузов Перми. Как показывают социологические исследования, лишь около 3 % юношей и девушек в возрасте от 15 до 25 лет принимают участие в деятельности молодежных общественных организаций [1]. Данная тенденция наталкивает на определенные выводы о социально-экономических и политических процессах, протекающих в обществе на современном этапе его развития. Отсюда налицо такие проблемы, как когнитивный вакуум современной молодежи, смена ценностей на потребительские, индивидуализм, отсутствие социальной мобильности в обществе и ограниченность равного доступа

к распределению ресурсов [2]. Таким образом, приобретает актуальность исследование деятельности студенческих общественных организаций Перми – анализ данных, полученных в ходе экспертного интервью с руководителями студенческих общественных объединений разной направленности, а также специалистами, работающими со студентами. Содержание и специфика их деятельности рассматривается с точки зрения институционального подхода, который детерминирует приоритеты при методологическом анализе их сущности на институциональном, организационном, субъективном уровне. Фундаментальное основание исследования заключается в изучении студенческих организаций как специфических социальных организмов, обладающих структурой, функциями, связями, а также эволюционно и поэтапно развивающихся и функционирующих по законам общественной системы, в которой они функционируют [3].

Стандартизированный опрос экспертов в количестве 22 человек обеспечил обширность рассматриваемого диапазона, что обусловило многообразие мнений и позиций опрошенных респондентов. Главными критериями отбора экспертов являются их формальный статус, компетентность, опыт и авторитетность, поэтому численность и представительность группы респондентов в данном случае оценивается не столько количественными, сколько качественными показателями. На первом этапе формировался список категорий экспертов (теоретическая выборка), которых следовало бы опросить, а на втором – проводился отбор в рамках уже составленных списков. С учетом поправок на критерии компетентности и отказы экспертов в результате была сформирована окончательная выборка. Как считают 19 из 22 экспертов, формирование гражданского общества предполагает воспитание и становление молодого поколения, обладающего определенными качествами и имеющего соответствующие жизненные ориентиры. Очевидно, что в той или иной мере студенческие организации участвуют в процессе социализации молодежи, предлагая различные возможности развития и самореализации данной категории населения.

Основной целью деятельности студенческих организаций, по мнению 55 % экспертов, является обеспечение возможностей для реализации прав студентов. Выполнение этой функции студенческими организациями во многом носит компенсаторный характер и следует из недостаточности внимания к проблемам молодежи со стороны государства, а также невыполнения определенным количеством семей своих обязанностей по обеспечению нормальной жизнедеятельности молодых людей. Всестороннее развитие молодых людей является еще одной целью деятельности студентов Перми – об этом заявили 25 % экспертов. Далее следует группа ответов экспертов, связанных с получением молодыми людьми опыта и навыков социального взаимодействия в неформальной группе (15 % экспертов высказали эту точку зрения). Здесь эксперты упоминают виды деятельности студенческих организаций по раскрытию способностей студентов в различных сферах жизнедеятельности, необходимых для реализации активной жизненной позиции. Обобщив позиции экспертов в отношении целей и направлений деятельности студенческих организаций Перми, можно сказать, что они, играя роль своеобразного посредника между обществом и молодым сообществом граждан должны создавать условия для формирования у студентов необходимых личностных качеств, отвечающих современному уровню общественного развития, т.е. непосредственно участвовать в процессе их социализации. Участники экспертных интервью часто упоминали о недостаточном профессионализме и компетентности, акцентируя внимание на развитии у студентов коммуникативных и профессиональных компетенций. Важная оценка экспертов заключается в том, что из основных тенденций в нынешнем студенческом движении является преобладание внеучебных мероприятий вместо программно-целевого подхода, характеризуемого четким определением целей, программ. Кроме того, 90 % опрошенных экспертов отметили отсутствие стратегического плана развития студенческой организации, и лишь около 5 % утверждают, что в студенческих организациях есть план студенческого самоуправления.

Список литературы

1. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/socis_2000_03.html (дата обращения: 11.04.2014).

2. Положение молодежи в России: материалы аналитического доклада по заказу ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – URL: <http://window.edu.ru/resource/115/28115> (дата обращения: 15.04.2014).

3. Паначев В.Д. Формирование культуры личности // Традиция. Духовность. Правопорядок: материалы IV Всерос. науч. конф., г. Тюмень, 22–23 мая 2009 г. / Тюмен. юрид. ун-т. – Тюмень, 2009. – С. 34–40.

4. Паначев В.Д. Роль высшего профессионального образования в подготовке современных менеджеров // Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ: XVIII Урал. социол. чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Челябинск, 28–29 октября 2010 г. / Челяб. ин-т (фил.) УрАГС. – Челябинск, 2010. – Ч. 1. – С. 78–84.

Анненкова Светлана Викторовна – соискатель кафедры «Физическая культура» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: panachev@pstu.ru.

Морозов Дмитрий Павлович – студент гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: panachev@pstu.ru.

Паначев Валерий Дмитриевич – доктор социологических наук, профессор, академик МАНПО, РАЕ, заведующий кафедрой «Физическая культура» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: panachev@pstu.ru.

Н.И. Асанова

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБЩЕСТВЕ

Образование как фактор воспроизводства и закрепления социального неравенства использует три вида социальных механизмов: наиболее распространенные, основные и специфические механизмы. Основные социальные механизмы селекции (предметное содержание обучения, уровень освоения предметного содержания, отбор по формам занятий, учебно-дисциплинарный корпус знания) вступают в действие в образовательных учреждениях, преимущественно в школе. Использование системы образования основных механизмов воспроизводства и закрепления социального неравенства позволяет сохранять стабильность общества.

Ключевые слова: основные социальные механизмы воспроизводства и сохранения социального неравенства: предметное содержание обучения и уровень его освоения (качество образования), отбор по формам занятий, учебно-дисциплинарный корпус знания, стриминг, лингвистические маркер, ограниченность и дифференциация знания.

N.I. Asanova

Perm National Research Polytechnic University

BASIC MECHANISMS OF REPRODUCTION AND SECURE FORM OF SOCIAL INEQUALITIES IN SOCIETY

Education as a factor of reproduction and preservation of social inequality uses three species of social mechanisms: the most common, basic and specific. Basic social mechanisms of selection (subject of training, the level of its development of subject content, the choice of the forms of exercise, education and disciplinary body of knowledge) come into effect in educational institutions, more so in schools. Use the education system of the main mechanisms of

reproduction and retention of social inequality allows maintaining the stability of society.

Keywords: the basic social mechanisms of reproduction and preservation of social inequality, subject content of training, the level of its development (quality of education), the choice of the forms of exercise, education and disciplinary body of knowledge, streaming, linguistic markers, the limitations and differentiation of knowledge.

Исторически образование является фактором воспроизводства и сохранения социального неравенства в обществе и для этого использует разнообразные социальные механизмы. Различают наиболее распространенные, основные и специфические механизмы. В данной статье будут рассмотрены основные социальные механизмы образования как социального института, участвующие в воспроизводстве и закреплении социального неравенства: *предметное содержание обучения, уровень освоения предметного содержания (качество образования), отбор по формам занятий, учебно-дисциплинарный корпус знания.*

Предметное содержание как социальный механизм. Иван Иллич считал, что к началу XVII века пришло осознание того, что человек может стать полезным обществу только при условии, если он получит образование. Эта установка привела к тому, что для многих людей образование превратилось одновременно в предмет потребления и в первую необходимость [1, с. 306]. Но реализация предмета потребления и первой необходимости (в данном случае это образование) зависит от множества факторов: социального происхождения, культурной среды, материального положения семьи и т.д. Первоначально влияние этих факторов проявляется в действии наиболее распространенных социальных механизмов (территориально-административная запись в учебное заведение по месту жительства, тип образовательного учреждения, успешность/неуспешность прохождения конкурсного отбора, экономические механизмы). Затем вступают в действие основные социальные механизмы селекции, благодаря которым школьное образова-

ние распределяет учащихся (и выпускников) по предметному содержанию учебных дисциплин. В *содержании дисциплин* уже предусмотрено деление знаний на академические и обыденные, расширенные и узкопрофессиональные. Причем если в прежних цивилизациях основными факторами социальной стратификации были профессии и межпрофессиональный обмен, то в современном обществе все в большей мере ими становятся дискурс (система мышления в определенной области общественной жизни) и концептуальная модель, заложенная в школьном образовании. Таким образом, люди распределяются на либералов, консерваторов, демократов, лириков или физиков, технологов и пр.

Следующий социальный механизм – это *уровень освоения предметного содержания обучения* (соответственно, воспроизводства и закрепления социального неравенства), который выражается в *качестве образования*. Главным критерием качества образования является его результат, а результаты бывают разного уровня: высокого, среднего, низкого – и зачастую зависят от влияния культурной среды (культурного капитала семьи), в которой индивид находится по своему социальному происхождению. Уровень освоения (высокий/низкий) предметного содержания дает (или не дает) возможность социальной группе (и личности в том числе) быть мобильной. Качество образования, его функциональность также зависят от «принудительной» иерархии учебных заведений: обычные/специализированные школы; настоящие/ненастоящие, ведущие/периферийные вузы; как вузы занимаются трудоустройством своих выпускников. Сегодня трудоустройство выпускников также становится показателем эффективности российских вузов, однако эту «заботу» о выпускниках государство предпочитает переложить как на региональные, так и частные вузы [3, с. 28–29].

Отбор по формам занятий как социальный механизм чаще всего использует *систему стриминга* (распределение учащихся по параллельным классам с учетом их способностей). Система стриминга является обычным приемом «сортировки» учеников на будущих профессиональных, квалифицированных и неквалифициро-

ванных работников. Стриминг используется в школах для ориентации детей с различными способностями на разные экзаменационные результаты. Использование стриминга позволяет школе решать свою главную задачу – задачу подготовки работников, необходимых для господствующей системы производства и уровня технологии, требуемого обществом. Школа в данном случае выступает как «сортировочное агентство» или «клиринговая палата» для трудовой занятости молодежи [6, с. 224–225]. Исходя из вышесказанного можно с уверенностью утверждать, что система стриминга позволяет школьному образованию влиять на социальную мобильность учащихся, используя для этого такие формы влияния, как развитие конкретных способностей; приобщение к определенной культуре, характеризующей тот или иной срез социальной дифференциации; сертификат; имидж учебного заведения [2, с. 126–142]. Окончание школ определенного профиля (например, элитных) чаще всего служит основанием дальнейшего продвижения выпускников (при поступлении в учебное заведение, при приеме на работу, при продвижении по должностным, квалификационным ступеням) и создает дополнительные преимущества для карьеры [5, с. 126–142].

Учебно-дисциплинарный корпус знания как социальный механизм селекции. Каждый тип образовательных учреждений передает определенный объем знаний, умений и навыков, а также занимается (как – это уже другой вопрос) воспитанием (формированием определенных качеств личности, которые необходимы обществу). Ограничение и дифференциация знаний являются устойчивыми моделями социальных барьеров, лежащих в основе социальных устройств, и позволяют сохранить не только стабильность в обществе, но и баланс рабочей силы в регионах, а также стабильность социальной структуры. И в данном случае у образования появляется еще одна функция – функция «ремонта» общества (Б. Бернштейн). Б. Бернштейн указывал на то, что если выпускники ПТУ, колледжей будут поступать в престижные вузы или находить работу по более престижной специальности, нежели они по-

лучили, то стабильность общества может нарушиться. Это выразится в массовом оттоке выпускников этих учебных заведений из районов получения образования. А учебное заведение (ПТУ, колледж) в данном случае будет нефункциональным, его образование – некачественным (не будет соответствовать задачам обучения). Образование – идеальный инструмент «ремонта» общества. «Ремонт» общества может выражаться в сближении/увеличении дистанции между классами при помощи образовательной политики (через квоты на поступление в вуз); в разделении вузов на элитные (где готовят элиту) и простые (где готовят специалистов для нужд регионов); колледжи (ССУЗы) – где готовят специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих; периферийные (нестатусные) образовательные учреждения – для низших слоев населения, которые таким образом удерживаются от окончательной маргинализации. Основанием для такого ремонта (деления) выступают как актуальные потребности общества, так и деление потребителей образовательных услуг на три группы: учащиеся, родители и заинтересованные лица (работодатели, преподаватели вузов). Считается, что для обоснования этих общественных потребностей успешно используют такие лингвистические маркеры (теория кодов, Бэзил Бернстейн), как: «социальный заказ», «государственные приоритеты», «удовлетворение общественных потребностей», «воспроизводство социальной структуры». Такое ограничение и дифференциация объема знаний реально осуществляется на практике во всех образовательных системах, независимо от политического режима. Например, в СССР создавались условия для равных стартовых позиций в доступе к образованию для любого члена общества и ставилась задача выравнивания образования, получаемого в ПТУ и средней школе. Сегодня же российские чиновники в сфере образования имеют желание элиминировать образование в целом, вводя ограниченный перечень обязательных бесплатных предметов. Но интереснее всего пример, приведенный Д.Л. Константиновским: российские чиновники от образования сделали весьма интересное предложение по реформе начального

профессионального образования: учащимся давать только те знания, умения, навыки, которые нужны для практической профессиональной деятельности (создание вместо ПТУ учебных центров, где будут получать высшее рабочее образование) [3, с. 28–29].

Селекция продолжается при приеме в профессиональные учебные заведения, а также в ходе обучения в них. Это выражается в дифференциации учебных планов, методик, квалификационного потенциала учащихся и других факторов. Воспроизводство и закрепление социального неравенства проявляется: в создании сословных и иных привилегированных учебных заведений; влиянии на структуру и формы обучения; протекционистской политике в системе образования, которая реализуется прямым управлением, финансированием и навязывается общественному мнению, а по окончании учебных заведений – в виде выдачи дипломов, характеристик, ценность которых зависит не только от результатов обучения, но и от престижа учебного заведения. И, как отмечал П. Сорокин, несмотря на то, что роль селекции неоднозначна в различных обществах и в разные периоды времени, она «работает» в любом обществе, в том числе демократическом [4, с. 410].

Таким образом, основные социальные механизмы селекции, используемые в образовании, продолжают воспроизводить и закреплять социальное неравенство в обществе, тем самым определяя в нем место каждого молодого человека, вступающего во взрослую жизнь. В ограничении и дифференциации объема знаний проявляется функциональность образования: для этого используются различные способы, которые в большинстве случаев являются латентными. А использование теории кодов (лингвистических маркеров) расширяет возможности социологии как таковой. В этом случае социология претендует на статус социальной инженерии [3, с. 30].

Список литературы

1. Гэббард Д., Стачал Д. Иван Иллич // Пятьдесят современных мыслителей об образовании. От Пиаже до наших дней. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 488 с.
2. Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 381 с.
3. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования / Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, О.Я. Дымарская, Г.А. Чередниченко. – М.: ИСП, 2006. – 264 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
5. Теория стигмации (наклеивания ярлыков или клеймения) // Большой толковый социологический словарь (Collins): в 2 т. – М.: Вече: Изд-во АСТ, 1999. – Т. 2. – 528 с.
6. Томпсон Д.Л., Пристли Дж. Социология: Вводный курс. – М.: Изд-во АСТ; Львов: Инициатива, 1998. – 496 с.

Асанова Надежда Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: asanova85@yandex.ru.

Л.И. Белова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

**ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ**

На основе проведенного социологического исследования автор выявляет особенности освещения современными российскими СМИ проблемы миграции и формирования образа мигрантов в СМИ в восприятии молодежи.

Ключевые слова: социальная проблема, миграция, национальный вопрос, образ мигранта в СМИ.

L.I. Belova

South Ural State University, Chelyabinsk

**SPECIAL FEATURES
THE PROBLEM OF MIGRATION
IN MODERN RUSSIAN MEDIA**

On the basis of sociological research, the author reveals the features of the modern Russian media coverage of the issue of migration and the formation of the image of migrants in the media in the perception of young people.

Keywords: social problems, migration, ethnicity, the image of a migrant in media.

В глобализирующемся обществе СМИ выступают на первый план в конструировании социальной реальности. Однако не все социальные проблемы в равной степени освещаются СМИ. Социальные проблемы *конкурируют* между собой за то, чтобы попасть в публичную повестку дня [1, с. 151].

В декабре 2013 – феврале 2014 г. автором проведено социологическое исследование с целью выяснения особенностей восприятия социальных проблем, репрезентирующих через СМИ соци-

альную реальность, современной молодежью. Для получения первичной информации использовались методы фокус-групп, интервьюирование, в котором приняли участие 109 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, а также анализ публикаций СМИ.

Лидирующую позицию, по мнению респондентов, на сегодняшний день занимает комплекс проблем, связанных с национальными вопросами, сюда же можно отнести и ряд вопросов, связанных с миграцией. Респонденты отмечали, что последнее время национальные вопросы их сильно беспокоят в связи с «засильем мигрантов», участвовавшими случаями агрессии со стороны мигрантов из стран ближнего зарубежья и террористических актов.

Как отмечает Ж. Зайончковская – один из крупнейших специалистов в области миграции, неблагоприятный демографический фон в сочетании с экономическим подъемом создали импульс для взрывоподобного развития трудовой миграции иностранной рабочей силы, которая быстро стала самым массовым миграционным потоком и главной болевой точкой миграционной политики.

По официальным данным, доля иностранных работников в 2009 году составила 3,1 % общей численности занятых в России; с учетом неурегулированной занятости эта доля экспертно определяется в пределах 8–10 %. Указанные данные сопоставимы с пропорцией мигрантской занятости в таких странах, как Германия, Англия, Италия [2].

На официальных сайтах миграционных служб и близких к ним источниках ситуация описывается довольно радужно: да, иммиграция есть, но ее не так много, кроме того, с ней активно ведется борьба, перспективы для России скорее положительные [3].

В публикациях качественной прессы, посвященных вопросам миграции и межнациональных конфликтов, подчеркивается, что, несмотря на побочные негативные явления нелегальной миграции, российскому государству просто необходимы потоки иммигрантов, как организму, подключенному к аппарату искусственного дыхания. Например, М. Гладкий и В. Дятликович в статье «Передел именем Бирюлево» («Русский репортер») высказывают мысль

о том, что мигрантов держать в стране выгодно всем, так как получают огромный доход и те, кто привозят мигрантов в страну, и те, кто проверяют наличие мигрантов, и те, кто «арестовывают» мигрантов и их работодателей: «Зарабатывают все – бандиты, чиновники, полицейские, ловцы мигрантов...» [4]. Е. Мостовщиков в статье «Усталый дворник» пишет о том, что в одном из московских домов депортировали всех дворников, а на их место никто работать не идет: «народ наш избаловался, работать задарма никто не хочет» [5].

В то же время в «желтой» прессе, в «правых» и «ультраправых» источниках масштабы миграции и ее негативные последствия «раздуты» до невероятных пределов. СМИ пестрят сообщениями о преступлениях на национальной почве, отдельные случаи вызывали широкий резонанс в обществе и приводили к акциям на Манежной площади, событиям в Бирюлево и Пугачеве (например, сюжет ИноТВ «Битва в Бирюлево: район Москвы стал центром межнационального конфликта» от 14.10.2013 г.; статьи портала NEWSru.com «Новые сообщения о крупных межнациональных конфликтах: в Рязани и Краснодарском крае» от 16.08.12 г.; «Межнациональный конфликт дорос до негласного комендантского часа» от 15.10.2012 г. и мн.др.).

Вследствие манипулирования чиновников проблемами иммиграции в собственных целях, непрофессионализма журналистов в освещении этнических проблем все более заметны в обществе этнические и конфессиональные барьеры.

С одной стороны, экономика ни одного развитого государства не обходится без рабочих рук мигрантов, а с другой, – основные претензии, предъявляемые к мигрантам, – это захват рабочих мест у коренного населения, насаждение своей культуры, т.е. вымирание русской культуры и противоправные действия, совершаемые гостями.

Исследователь В.А. Ачкасов утверждает, что многие россияне не хотят признать, что с помощью привлечения рабочей силы из-за пределов России в определенной степени восполняется нехватка

трудовых ресурсов, заполняются непрестижные для коренного населения, но общественно необходимые трудовые вакансии и смягчается демографическая проблема. Наоборот, растут опасения, что массовый приток иммигрантов будет способствовать снижению общего уровня заработной платы, создаст напряжение на рынке труда и жилья. В худшую сторону начнут меняться условия и качество жизни, социальное окружение, под вопрос будет поставлена самобытность русской культуры [6, с. 45–46].

Какой же образ мигранта рисуют современные СМИ России? С одной стороны, по результатам многочисленных исследований можно заключить, что в последние годы российские СМИ активно культивируют негативный образ мигранта. Некоторые журналисты всеми силами стараются придать мигрантам криминальный облик. В публикациях СМИ журналисты, обращаясь к своей аудитории, иногда даже сами того не замечая, обращаются, не к гражданам России, а к русским как доминирующему большинству. В таком контексте «мигрант» или «иногородний» не только воспринимается как «чужак», но однозначно ассоциируется с «нерусским».

С другой стороны – ряд публикаций показывает мигранта как бесправного, униженного и лишённого минимальных бытовых благ существа. Яркий пример – статья о журналистском эксперименте И. Каримова – корреспондента «Русского репортера», перевоплотившегося в московского гастарбайтера [7]. В статье явно прослеживается сочувствие к нелегкой доле мигрантов: голод, холод, унижения, отношение к мигрантам как к людям третьего сорта и при этом небольшая зарплата.

Если к трудовым мигрантам из азиатских стран наши респонденты относились довольно терпимо и даже с сочувствием, то в оценках мигрантов с Кавказа присутствовали экспрессивные выражения и явно выраженное негативное отношение: «они чувствуют себя хозяевами в нашей стране и ведут себя как будто так и есть», «...они не считаются с нашими религиозными и нравственными принципами. Причем в своей стране они требуют, чтобы

их обычаи строго соблюдались...», «...они считают себя хозяевами жизни и ведут себя так же», «... как быть толерантным, если государство защищает права не своих граждан, а приезжих, которые иногда и в страну-то попадают незаконно...». В качестве примеров своих высказываний респонденты ссылались на новостные порталы (МК.ру, Лента.ру, Newsru.com и многие другие), где размещалась информация о преступлениях мигрантов.

Также респонденты отмечали достаточное количество публикаций в СМИ, посвященных «цыганскому» вопросу, большая часть которых связана с сообщениями о преступлениях, совершенных цыганами. Серьезное внимание общественности к цыганскому вопросу отмечалось осенью 2013 года в связи с убийством в Санкт-Петербурге полуторагодовалого цыганского мальчика.

По мнению респондентов, цыгане представлены в СМИ социально незащищенными, не имеющими никакого правового статуса, ни беженцев, ни граждан какого-либо государства, которые пытаются выжить в самых сложных условиях. В связи с невозможностью получить работу без регистрации они вынуждены зарабатывать на пропитание как придется. Мужчины воруют металл, занимаются наркоторговлей, а женщины и дети промышляют воровством и прошением милостыни. В этом их отличие от других этнических групп мигрантов, которые могут силой и крепкими родственными связями защитить себя. Оценка большинства материалов СМИ скорее негативная, выражает явную неприязнь коренного населения РФ к данной этнической группе, отношение как к ворам, наркоторговцам и шарлатанам.

Мы видим, что и центральные и региональные СМИ создают практически стереотипные образы мигрантов. Первый образ носит преимущественно негативный характер. Мигранты – это люди, которым свойственно девиантное или преступное поведение, агрессия по отношению к окружающим, уверенность в своей силе благодаря клановости, безнаказанность, неуважение к местному населению. Второй образ, создаваемый СМИ: мигрант – это бедный, забитый и бесправный человек, выполняющий тяжелую

и непрестижную работу за низкую зарплату, проживающий в условиях, зачастую не пригодных для жизни.

Стереотипный характер этих образов очевиден, как очевидна и их противоречивость, связанная с противоречивостью такого явления, как общественное сознание.

Список литературы

1. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. – Казань, 2007. – С. 145–184.

2. Зайончковская Ж. Миграция в современной России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского Совета по международным делам. – 2013. – 16 апреля. – URL: http://russian-council.ru/inner/?id_4=1714#top.

3. Егорова Е. Нелегальная миграция в России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского Совета по международным делам. – 2013. – 21 июня. – URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top.

4. Гладкий М., Дятликович В. Передел имени Бирюлево // Русский репортер. – 2013. – № 46 (324). – 21 ноября.

5. Мостовщиков Е. Усталый дворик // Русский репортер. – 2013. – № 44 (322). – 5 ноября.

6. Ачкасов В.А. Интеграция трудовых мигрантов в принимающее сообщество: роль СМИ // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2011. – Т. 7, № 4. – С. 41–51.

7. Каримов И. Тележка надо? // Русский репортер. – 2013. – № 44 (322). – 7 ноября.

Белова Людмила Ивановна – кандидат культурологии, доцент кафедры «Средства массовой информации» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), e-mail: belova2005@inbox.ru.

В.Ю. Бочаров

Самарский государственный университет

**СОСТОЯНИЕ УСЛОВИЙ И ОХРАНЫ ТРУДА
РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

На основе данных мониторинговых исследований социально-трудовой сферы сельского хозяйства, проведенных в 2011 и 2013 годах в одном из поволжских регионов, приводится анализ состояния условий и охраны труда работников сельскохозяйственных предприятий.

Ключевые слова: мониторинг социально-трудовой сферы, сельскохозяйственное предприятие, условия труда, охрана труда.

V.Y. Bocharov

Samara State University

**THE STATE OF WORKING CONDITIONS
AND OCCUPATIONAL SAFETY OF EMPLOYEES
OF AGRICULTURAL ENTERPRISES**

In the article, based on data from monitoring studies of the social-labour sphere of agriculture held in 2011 and 2013, in one of the Volga regions, provides an analysis of working conditions and occupational safety of workers of agricultural enterprises.

Keywords: monitoring research of social-labour sphere, agricultural enterprise, working conditions, occupational safety.

Развитие и успешная модернизация социально-трудовой сферы общества зависит от реализуемой менеджерами социальной политики управления предприятиями и организациями. При этом важнейшим условием эффективной социальной политики в области трудовых отношений, наряду с адекватной оплатой труда наемного персонала и механизмами ее повышения, является создание благоприятных условий труда и проведение мероприятий по охране труда персонала.

В социологических исследованиях под условиями труда принято понимать воспринимаемое работником в процессе трудовой деятельности воздействие совокупности различных производственных факторов на его физическое и психическое состояние [1, с. 379–380]. Известно, что от состояния удовлетворенности работника условиями труда зависит его отношение ко многим элементам производственной ситуации, а также его стабильность либо склонность к потенциальной и реальной текучести.

В 2011 и 2013 годах НИИ социальных технологий СамГУ были проведены очередные комплексные социально-экономические исследования состояния социально-трудовой сферы сельскохозяйственных предприятий (коллективных хозяйств) в рамках мониторинга социально-трудовой сферы сельского хозяйства. В ходе каждого из этих исследований был проведен анкетный опрос работников сельхозпредприятий и проведены интервью с работниками и руководителями этих предприятий, а также специалистами муниципальных управлений сельского хозяйства (всего в каждом из этих исследований приняло участие около 700 респондентов). (Методологию и программу мониторинговых исследований сельскохозяйственных предприятий, а также полученные ранее результаты подробно см.: [2, с. 72–74; 3].) Одной из задач проведенных мониторинговых исследований была задача оценки степени удовлетворенности работников сельхозпредприятий условиями труда.

Переходя к анализу данных исследований, отметим, что по сравнению с данными опроса 2011 года заметно увеличилась доля работников сельхозпредприятий, удовлетворенных условиями своего труда, и сократилась доля неудовлетворенных ими (табл. 1).

По данным, полученным в ходе опроса работников сельхозпредприятий в 2013 году, почти 3/4 (74,8 %) из них в той или иной мере удовлетворены условиями труда а в той или иной мере не удовлетворен ими только примерно каждый девятый опрошенный (11,5 %). Значение индекса удовлетворенности возросло с 0,36 в 2011 до 0,51 в 2013 году.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы условиями своего труда в коллективном хозяйстве?»
(в % к числу опрошенных)

Показатель	В той или иной мере удовлетворены	В той или иной мере не удовлетворены	Трудно сказать	Индекс удовлетворенности условиями труда	Итого
Данные опроса 2011 г.	65,7	20,9	13,4	0,36	100,0
Данные опроса 2013 г.	74,8	11,5	13,7	0,51	100,0

Примечание. Индекс удовлетворенности/неудовлетворенности может иметь максимальное и минимальное значение от +1,0 до -1,0. Методика подсчета этого индекса основана на придании каждому варианту ответа на вопрос об удовлетворенности определенного веса от +1,0 до -1,0 (+1,0; +0,5; 0,0; -0,5; -1,0).

Респондентам, в той или иной мере не удовлетворенным условиями своего труда в коллективном хозяйстве, задавался уточняющий вопрос: «Если Вы в той или иной мере не удовлетворены условиями своего труда, то чем именно Вы больше всего не удовлетворены?». Вопрос был открытым, т.е. не содержал готовых вариантов ответа, но, как и в 2011 году, мнения многих из отвечавших касались низкой заработной платы, нерегулярности ее выплаты и отсутствия роста ее размера. В то же время отвечавшие обращали внимание на необходимость труда в неблагоприятных условиях и отсутствие нормальных санитарно-гигиенических условий труда («нет отопления в мастерской», «нет никакого обновления в сетях водоснабжения», «нет воды, теплого туалета, зимой холодно в помещении», «холодно, нет комнаты отдыха»).

Остальные респонденты обращали внимание на такие причины своей неудовлетворенности условиями труда, как: изношенную и устаревшую технику; тяжелый физический труд; нарушение техники безопасности; напряженный рабочий ритм.

В ходе интервью с руководителями сельхозпредприятий ими подчеркивались позитивные перемены, отражающиеся на улучшении условий труда персонала сельхозпредприятий. Многие руководители коллективных хозяйств отмечали, что за последние два года серьезно обновился парк техники, произведен ремонт производственных помещений, внедрены новые системы механизации труда. Приведем две типичные цитаты из интервью с руководителями сельхозпредприятий:

«Ручной труд у нас постепенно отходит. Раньше было – скотники вилами, а доярки ведрами таскали. Сейчас все механизировано. Ручной труд постепенно уменьшается. Если раньше его процентов 90 было, то сейчас процентов 40 остается».

«Покупаем технику более современную, те же комбайны. На новых комбайнах условия современные, легче на них работать по сравнению с „Доном“. Условия совершенно разные. Взять молокопровод – ручной труд раньше был, флягами таскали молоко. Теперь молокопровод. Бытовые условия стараемся улучшить, помещения».

Сами работники коллективных хозяйств в интервью признавали, что условия труда улучшаются и также связывали этот процесс с обновлением техники и ремонтом производственных помещений. Приведем типичный отрывок из интервью с работником сельхозпредприятия:

«Наверное, на 30–40 % обновили тракторный парк. Комбайны новые – и кормоуборочный, и зерноуборочный у нас... Ремонт зданий, коровников. Можно сказать, капитально отремонтировали ферму... Вот техника – высокопроизводительная, к тому же кондиционируемая. Удобнее работать. На ферме очистка навоза происходит автоматически. Ручной труд применяется по минимуму».

Таким образом, очевидно, что успехи в улучшении условий труда персонала сельхозпредприятий, связанные с модернизацией парка сельскохозяйственной техники и производственных помещений, имеют место. Тем не менее решение проблем по улучше-

нию условий труда работников сельхозпредприятий также тесно связано с усилением мер по охране труда. Случаи нарушения правил охраны труда и норм техники безопасности на сельскохозяйственных предприятиях относительно распространены. По данным Федеральной службы по труду и занятости, в 2012 году в РФ произошло 8553 несчастных случая с тяжелыми последствиями, из них две трети приходится на обрабатывающие производства (2132 несчастных случая), строительство (1710 несчастных случаев), транспорт и связь (897 несчастных случаев). Что касается сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, то здесь имело место 782 несчастных случая. При этом число работников, погибших в результате несчастных случаев в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве, составило 10,3 % от общего количества пострадавших со смертельным исходом по стране [4, с. 6–7].

В регионе, где проводилось наше мониторинговое исследование, в 2012 году наибольшее количество нарушений в области охраны труда наблюдалось в организациях обрабатывающих производств – 20 %, оптовой и розничной торговли – 12 %, строительства – 11 %, здравоохранения – 9,5 %, транспорта – 9 %, сельском хозяйстве – 8 % [5, с. 18].

Вместе с тем данные опроса работников сельхозпредприятий показывают, что в 2013 году ситуация с соблюдением норм охраны труда на обследованных сельхозпредприятиях улучшилась. В целом по массиву опрошенных в 2013 году по сравнению с 2011 произошло сокращение доли работников сельхозпредприятий, которым приходилось работать с нарушением требований техники безопасности: с 21,5 % в 2011 году до 13,2 % в 2013 (доли утвердительно ответивших на вопрос: *«Приходилось ли Вам в последнее время выполнять работу, где не соблюдались требования техники безопасности?»*).

Респондентам, указавшим, что в последнее время им приходилось работать с нарушением техники безопасности, в анкете задавался уточняющий вопрос: *«В чем конкретно проявляется несоответствие требованиям техники безопасности?»*. Вопрос был

открытым, т.е. не содержал готовых вариантов ответа. Большинство отвечавших (примерно 4/5) затруднились ответить на этот вопрос. Учитывая, что на вопрос отвечали только 13,2 % общего числа опрошенных, полученные ответы не были многочисленными, и мы имеем возможность привести практически весь перечень конкретных нарушений техники безопасности, с которыми сталкивались опрошенные работники:

1. Нарушение техники безопасности при работе с электрооборудованием.
2. Работа без обеспечения необходимой по инструкции спецодеждой и спецсредствами.
3. Работа на неиспытанном оборудовании.
4. Нарушение техники безопасности при ремонтных работах.
5. Нарушение правил пожарной безопасности.

Итак, можно отметить, что по сравнению с 2011 годом в 2013 произошло улучшение условий труда работников сельскохозяйственных предприятий и сокращение доли работников, которым приходилось трудиться с нарушением техники безопасности. Полученные в ходе исследования данные согласуются с официальной статистикой, свидетельствующей о снижении более чем в 2 раза случаев травматизма со смертельным исходом, зарегистрированных в сельском хозяйстве. Тем не менее специалистами Государственной инспекции труда региона, где проводилось мониторинговое исследование, отмечается, что причины двукратного снижения численности погибших кроются не в качественном улучшении условий труда, а в сокращении численности занятых в наиболее травмоопасных видах экономической деятельности, к которым относится сельское хозяйство, а также в сокращении «формальной занятости – когда отношения между работником и работодателем не оформляются трудовым договором либо маскируются договором гражданско-правового характера» [5, с. 15].

Таблица 2

Зависимость оценки работниками состояния своего здоровья, желания сменить место работы и оценки вероятности массового трудового конфликта от удовлетворенности условиями труда (в %)

Доля работников	Среди вполне удовлетворенных условиями труда	Среди совершенно не удовлетворенных условиями труда
Оценивающих свое здоровье как «скорее плохое»	9,0	50,0
Желающих сменить место работы	4,1	50,0
В той или иной мере высоко оценивающих вероятность массового трудового конфликта («конфликт возможен» и «вероятность конфликта высока»)	11,4	75,0

Таким образом, согласно данным опроса в 2013 года, увеличилась доля работников коллективных хозяйств, удовлетворенных условиями труда, и сократилась доля работавших с нарушением техники безопасности. Тем не менее проблемы в сфере условий и охраны труда еще остаются. Необходимо понимать, что решить эти проблемы только административными мерами с помощью инспектирования сельхозпредприятий и штрафных санкций к работодателям – невозможно. Для успешного решения проблем безопасности труда и создания комфортных условий труда необходимо желание и возможности самих руководителей сельхозпредприятий. Приведенные ниже данные корреляционного анализа демонстрируют влияние оценки работниками сельхозпредприятий условий своего труда на такие важные элементы производственной деятельности, как состояние здоровья, стабильность персонала и уровень социальной напряженности. Эти данные убедительно демонстрируют резервы по улучшению обстановки на сельхозпредприятиях (табл. 2).

Список литературы

1. Карапетян Р.В. Условия труда // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. – СПб.: Наука, 2006. – С. 379–380.
2. Бочаров В.Ю. Мониторинг социально-трудовой сферы сельского хозяйства Самарской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 11. – С. 72–74.
3. Социально-трудовая сфера сельского хозяйства Самарской области: состояние, тенденции, перспективы / под ред. А.Ф. Бокоренко, В.Ю. Бочарова, Е.Ф. Молевича. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2010. – 528 с.
4. Охрана труда: информ.-аналит. бюл. – Вып. 3 / Департамент условий и охраны труда Министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области. – Самара, 2013.
5. Панов А.С. О состоянии охраны труда по результатам государственного надзора // Охрана труда: информ.-аналит. бюл. – Вып. 1 / Департамент условий и охраны труда Министерства труда, занятости и миграционной политики Самарской области. – Самара, 2013.

Бочаров Владислав Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Самарского государственного университета, e-mail: vladislav_bocharov@rambler.ru.

Ю.М. Вассерман

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ОЦЕНОК
МЕРОПРИЯТИЙ ПЕРМСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ МОДЕРНИЗАЦИИ
КУЛЬТУРЫ РЕСПОНДЕНТОВ**

Статья базируется на конкретном социологическом исследовании, проведенном среди студентов ПНИПУ в течение 2013/14 учебного года. Было опрошено около 700 студентов. Проанализированы связи между уровнем культурной модернизации студентов и различием оценок мероприятий пермского культурного проекта. Также рассмотрена связь между уровнем культурной модернизации студентов и их электоральным поведением.

Ключевые слова: культурная модернизация, молодежная культура, студенческая культура, пермский культурный проект, электоральное поведение.

Yu.M. Vasserman

Perm National Research Polytechnic University

**STUDENT'S ESTIMATIONS DIFFERENCIATION
OF PERM CULTURAL PROJECT EVENTS
DEPENDING ON RESPONDENT'S CULTURAL
MODERNIZATION LEVEL**

Paper is based on social survey. The survey was carried out among PNRPU students in 2013/2014 academic year. The sample was equal 700 students approximately. The research analyses correlation between student's culture modernization and their estimations differentiation of Perm cultural project events depending on respondent's cultural modernization level. Also research analyses correlation between student's culture modernization and their electoral behavior.

Keywords: culture modernization, youth culture, student's culture, Perm cultural project, electoral behavior.

Целью работы являлось изучение некоторых связей, указывающих на то, что некоторые аспекты социокультурной дифференциации современного российского общества есть результат его модернизации. Эти аспекты отражают общественные противоречия как результат столкновения социокультурных феноменов, которые связаны с различными этапами процесса модернизации общества. Социальная модернизация понимается как переход от традиционной стадии развития общества к современной, образующей общественный прогресс. Технологические изменения лежат в основе этого перехода.

Выполненная работа базируется на понимании культуры следующей линии, проводимой в работах Лесли Уайта [1], Пола Боханана [2], Эшли Монтегю [3], и в узком смысле понимается как система не биологически наследуемых регуляторов человеческого поведения (ценностей, норм, установок и т.п.).

Всего несколько поколений назад большая часть населения России была сельской, вовлеченной в натуральное хозяйство. Их культура соответствовала низкому уровню развития технологий. Процесс модернизации изменил эту ситуацию за несколько десятилетий, и многие люди не смогли адаптироваться к этим изменениям. Опыт многих людей пришел в противоречие с последствиями и вызовами модернизациями, такими как новое положение женщины в обществе, политическая демократия, рыночная экономика и т.п. Мы можем видеть культурную дифференциацию в непрерывной культурной модернизации. Можно обнаружить два полюса на этих непрерывных осях. Один из них – полюс принятия современной культуры, другой – полюс отвержения современной культуры. Оба полюса являются идеальными типами в понимании Макса Вебера. Шкала Ликерта использовалась в нашем исследовании для измерения культурной модернизации [4, с. 225–239]. Шкала была валидизирована по 4-пунктному индексу Р. Ингелхарта [5].

Социокультурные типы часто различаются в соответствии с условиями социализации, которые, в свою очередь, меняются от

поколения к поколению. Более модернизированный тип культуры приспосабливается к более модернизированному типу социального окружения. Новое поколение имеет возможность существовать в более модернизированной культуре, чем старое. В нашей работе мы попытались количественно оценить культурные изменения между полярными социокультурными типами.

Две полярные группы выявляются по результатам исследования, это первая и десятая децильные группы (рисунок). Первая децильная группа имеет минимальный балл по шкале модернизации культуры, десятая децильная группа имеет максимальный балл по шкале модернизации культуры в выборке.

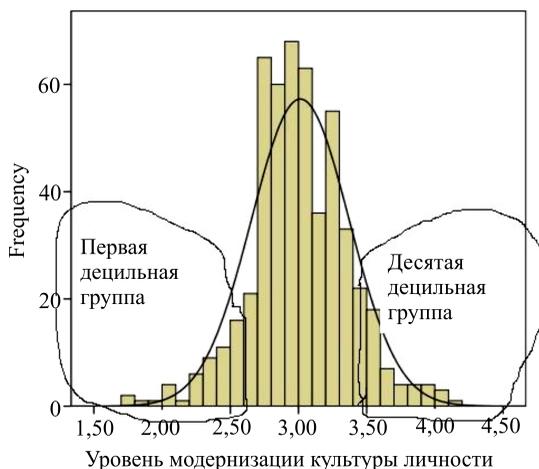

Рис. Распределение показателя уровня модернизации культуры личности

Данные опроса 2013–2014 годов были кросстабулированы (табл. 1). В этом случае вместо полярных децильных групп (охватывающих 20 % опрошенных) были использованы квартильные группы (охватывающие 100 % опрошенных).

Данные табл. 1 показывают, что люди, принадлежащие к разным с точки зрения модернизации культурным группам, голосуют

по-разному. В. Путин был лидирующим кандидатом только в первой квартильной группе, а в четвертой квартильной группе лидирующим кандидатом был М. Прохоров.

Т а б л и ц а 1

Различия в форме голосования на последних российских президентских выборах (2012) между респондентами всех квартильных групп (%)

Показатель	1-я квартильная группа	2-я и 3-я квартильные группы	4-я квартильная группа
Не участвовали в голосовании	58,1	65,0	56,1
Голосовали за других кандидатов	15,8	13,3	10,6
Голосовали за В. Путина	20,7	14,1	13,4
Голосовали за М. Прохорова	5,6	13,0	19,8
Всего	100	100	100

Социокультурная модернизация, модернизация ценностей может служить фактором приведенных различий реальных электоральных практик. Увеличение баллов по шкале культурной модернизации связано с более либеральным выбором респондентов. Исследование показало и другие последствия модернизации ценностей.

Различие групп студентов по уровню модернизации культуры показывает также различия оценок пермского культурного проекта. Данный проект развивал современное искусство в целях городского развития. Он был представлен в 2007 году и охватывал стрит-арт, концерты, выставки, театры, фестивали, музеи современного искусства и т.п., жители Перми оценивали его по-разному. Студенческие оценки пермского культурного проекта представлены в табл. 2.

Социокультурная модернизация, модернизация ценностей может служить фактором найденных различий оценок мероприя-

тий пермского культурного проекта между респондентами всех квартильных групп. Увеличение баллов культурной модернизации связано с повышением позитивных оценок респондентов мероприятий пермского культурного проекта.

Т а б л и ц а 2

Различия оценок мероприятий пермского культурного проекта между респондентами всех квартильных групп в исследовании 2014 г. (%)

Показатель	1-я квартильная группа	2-я и 3-я квартильные группы	4-я квартильная группа
В культурной жизни Перми появились хорошие изменения	69,4	84,8	87,1
В культурной жизни Перми нет изменений или изменения носят отрицательный характер	30,6	15,2	12,9
Всего	100	100	100

Таким образом, исследование показало, что существует связь между уровнем культурной модернизации, модернизацией ценностей и установками, а также практиками респондентов в различных сферах жизни.

Список литературы

1. White L.A. The science of culture: A study of man and civilization 2nd ed. – N.Y., 1969.
2. Bohannan P. Rethinking Culture. Current Anthropology // A World Journal of the Sciences of Man. – Oct. 1974. – Vol. 14, № 4.
3. Culture: Man's Adaptive Dimension / ed. by Ashley Montague. – N.Y. 1968.

4. Вассерман Ю.М. Анализ социокультурных последствий модернизации российского общества (некоторые результаты пилотажного исследования) // Ученые записки гуманитарного факультета. – Вып. 7. – Пермь, 2004. – С. 225–239.

5. Inghart R. Modernization and Postmodernization. – Princeton University Press, 1997.

Вассерман Юрий Михайлович – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: imv@pstu.ru.

А.Я. Зарипов, М.А. Зарипов

Уфимский государственный авиационный технический университет

**ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ
УСТАНОВКИ ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ
ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ**

Рассматриваются проблемы идентификации личности в эпоху постмодерна, которая выявила некоторые особенности данного процесса. В период глобализации усиливаются трансформационные явления, которые создают уникальные культурные, этнические, политические ситуации. В связи с этим представляет интерес сочетание либеральных ценностей и установок традиционного общества в ходе социальной идентификации индивида в эпоху глобализации.

Ключевые слова: личность, общество, ценности, либерализм, традиционное общество, идентификация, глобализация, идеология, самосознание.

A.Y. Zaripov, M.A. Zaripov

Ufa State Aviation Technical University

**LIBERAL VALUES AND THE TRADITIONAL PLACEMENTS
OF SOCIETY IN THE PROCESS OF PERSONAL
IDENTIFICATION**

Problems of personal identification in the postmodern era, that revealed some of the features of this process are discussed in this article. Transformational facts that create the unique cultural, ethnic, political situation are increasing in the period of globalization. This is the reason of great interest for the combination of liberal values and attitudes of a traditional society during the social identification of the individual in an era of globalization.

Keywords: individual, society, values, liberalism, traditional society, identity, globalization, ideology, self-consciousness.

Современная черта нашей цивилизации – это смешанность разных стилей, направлений, идеологий, культур, ментальностей, традиций и т.д. Такая мозаичность характерна для эпохи глобализации, поскольку происходят огромные трансформации на уровне всей цивилизации. Все приходит в движение – техника, технологии, огромные массы людей, цивилизационные ценности, культуры, языки, традиции. При этом перемещения осуществляются в разных направлениях – и от передовых, экономически развитых стран в менее развитые, и наоборот. В первом случае мы имеем дело с трансляцией, как принято считать, прогрессивных форм политической, социальной, экономической организации общества, а следовательно, и политических режимов, мировоззрений, технологий, а в другом – архаику, выражающуюся в форме традиционных ценностей, противостоящих либеральным понятиям личной свободы, индивидуализма, прагматизма, демократии и т.д.

Действительно, если посмотреть на этническую структуру стран Европы, то мы увидим, что в так называемых либеральных странах очень много выходцев из Азии, Востока, Африки, в которых культивируются традиционные ценности. Мигранты создают новую этнокультурную, социальную, религиозную, политическую ситуацию, которая претендует на признание. А поскольку западные ценности включают в себя идеи индивидуальной свободы, толерантности, то отсюда и возникает идея мультикультурализма, призванная не только уравнивать шансы всех культур, но и предоставить им возможность быть реализованными на практике. Однако с течением времени выяснилось, что если на первых порах данная доктрина была в состоянии снять социальное и этническое напряжение в обществе, то на сегодняшний день она уже не может полностью удовлетворять потребности мигрантов.

Вся эта поликультурная, полиэтничная среда оказывает колоссальное воздействие на сознание индивида, его внутренний мир, заставляет пересматривать маркеры собственной идентичности. Изменения, происходящие вокруг него, рефлексированы им и

определяют его жизненное пространство, заставляя постоянно приспосабливаться к новой ситуации, вырабатывать собственную линию поведения, выбирать определенный круг ценностей [1, с. 63]. Противоречия между либеральными и традиционными ценностями не могут ужиться в индивидуальном сознании, возникает внутриличностный конфликт, результатом которого являются фрустрации, девиации, депрессии, возникновение ненависти к мигрантам в виде ксенофобии и другие негативные общественные явления.

Несомненно, либеральные ценности гораздо привлекательнее традиционных. Они дают личности возможность самовыразиться, индивидуализировать собственное бытие, подняться над теми табу, которые сковывают его поведение в традиционном обществе. Принципы коллективизма, семейные привязанности, следование традициям отцов и дедов порождают патриархальное сознание. Индивид, выросший в среде данных ценностей, попав в другую, пытается от них освободиться. Но насколько бы ни были привлекательны либеральные ценности, социальная среда индивида до конца не позволяет ему жить только одними ценностями и ориентироваться на них. И потому происходит трансформация и либеральных и традиционных ценностей. Противоречия, возникшие в сознании индивида, решаются путем предпочтений ценностей одной группы, которая позволяет либо перейти в новую социальную реальность, либо остаться в системе старых ценностей, но в новых условиях.

Либерализм сложился в Европе как новая форма организации общества, ее производительных сил, социального и политического строя. Но прежде чем либеральные идеи приобрели статус ценностей, им пришлось пройти сложный и драматический путь. И сегодня общества, выбравшие либеральные ориентации, проходят тот же самый путь, но гораздо быстрее и с минимальными потерями. Однако ценности либерального общества, как бы они не были соблазнительны и привлекательны, не могут предложить какой-то универсальной модели жизнеустройства для всего человечества,

так как в них не содержится общечеловеческих «естественных» ценностей [2].

Можно ли интегрировать традиционные ценности в либеральное общество? Очевидно, что нельзя, так как именно ориентация на ценности определяет соответствующий тип общества. При идентификации индивид, отдавая предпочтение либеральным ценностям, теряет связь со своей семьей, народом, страной, превращаясь в маргинала (или в свободного гражданина), а при предпочтении традиционных – выглядит не современным, консерватором, не преемлющим нового (но оставаясь «сыном своего народа»). Сторонники либеральных ценностей – приверженцы демократии, гражданского общества, правового государства, частной собственности, свободных половых и сексуальных отношений; сторонники традиционных выступают за примат государства над личностью, наличие сильной авторитарной власти, коллективистской формы собственности, унитарной идеологии, культуры, семейных и духовных традиций. Противоположность ценностей, их разновекторность практически не способствует их совмещению. Поэтому для личности в области идентичности сложилась сложная альтернатива – выбор между ценностями.

В российском социуме либеральные идеи и ценности не получили достаточно широкого распространения. Это можно объяснить тем, что в государстве сильна именно традиционалистская идеология, патриархальный тип мышления, тоталитарность сознания, преклонение перед традициями и т.д. Фрагменты либерализации все же в нашем обществе есть, они проявляются в виде выборности органов власти, демократизации некоторых сторон жизни, формальном предоставлении свободы слова, совести, многопартийности, введения института частной собственности, разговорах о гражданском обществе и т.д. Но они не являются доминантными в жизни общества и не возведены в ранг ценностей. Поэтому в нашем обществе в плане идентификации индивиду гораздо легче. Его выбор происходит не между цивилизационными ценностями,

а на уровне традиционных – между ценностями традиционного общества и своей этнической общности.

Отсюда мы имеем тот тип мировоззрения, который и характерен для подавляющего большинства нашего населения – традиционалистский. К этому можно относиться по-разному, но пока реальность такова. Даже подрастающее поколение заражено идеологией традиционализма. Подтверждением этого служит тот факт, что молодежь в выборе профессиональной деятельности ориентируется не на свободное предпринимательство, а выбирает государственные органы, в которых все регламентировано, подчинено инструкциям, циркулярам, внутреннему распорядку. Это еще раз подчеркивает, что наше общество пока не готово к принятию и внедрению либеральных идей и ценностей. К тому же трудовые мигранты также не оказывают влияние на наши ценности, так как они в подавляющем большинстве выходцы из общества такого же типа. Конфликты, возникающие между ними и россиянами, – это столкновение традиций, поскольку мигранты продолжают следовать своим, не признавая местные. Таким образом, конфликты основаны на уровне признания или непризнания традиций, а ценности у обеих групп одинаковые.

Общеизвестно, что идеи свободы невозможно усвоить в приказном порядке, они должны быть осознанными, к ним общество должно прийти само. Либеральные ценности невозможно навязать, как это происходит в современном мире. Общество должно быть подготовлено к их принятию. Как заметил И. Кант, «сделать человека счастливым невозможно, если он сам того не хочет» [3, с. 285].

Список литературы

1. Неганов Ф.М. Природа ценности // Национальные и языковые процессы в РБ: история и современность: информ.-аналит. бюл. – 2009. – № 10.

2. Кара-Мурза С.Г. Либеральные ценности или Россия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russsdom.ru/oldsayte/2003/200312i/20031224.html>.

3. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1994. – Т. 1.

Зарипов Айрат Янсурович – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Уфимского государственного авиационного технического университета, e-mail: zaya62@rambler.ru.

Зарипов Мурат Айратович – аспирант кафедры «Философия» Уфимского государственного авиационного технического университета, e-mail: desscou@rambler.ru.

Т.Е. Зерчанинова, Н.П. Мудрецова

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

Излагается алгоритм анализа региональной государственной поддержки работающей молодежи с точки зрения теории деятельности, включающий характеристики, структуру и логическую структуру региональной государственной поддержки работающей молодежи, а также ее этапы.

Ключевые слова: работающая молодежь, государственная поддержка, молодежная политика, деятельность.

T.E. Zerchaninova, N.P. Mudretsova

Ural Institute of Management – a Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
the President of the Russian Federation, Ekaterinburg

RESEARCH METHODOLOGY OF THE REGIONAL STATE SUPPORT FOR WORKING YOUTH

The article describes the algorithm for analysis of regional state support for working youth in terms of the theory of activity. Algorithm includes characteristics, logical structure of a regional state support for working youth and its stages.

Keywords: working youth, state support, state youth policy, activities.

В зарубежных странах молодежь преимущественно рассматривают как источник проблем, уязвимую социальную группу, которую необходимо защищать. Меры, предпринимаемые государством, при таком дискурсе направлены на решение проблем инте-

грации молодежи в общество, проблемы девиантного поведения, проблемы гражданского участия. Современная государственная молодежная политика России, в том числе регионального уровня, представляет собой преобладание ресурсно-ориентированного подхода, а именно – «мобилизационную молодежную политику», которая строится на понимании молодежи как активного субъекта социально-экономических и политических процессов.

Актуальность темы исследования обусловлена двумя основными обстоятельствами. Во-первых, «работающая молодежь является многочисленной и наиболее социально развитой частью российской молодежи, для которой характерна социальная активность и социальная ответственность» [1]. Количественный состав данной молодежной группы составляет оценочно 847 тыс. человек, или 70 % от общего количества молодежи, проживающей в Свердловской области [2]. Во-вторых, проведение политических реформ, направленных на «инвестирование в молодежь», приводит к тому, что основные усилия должны быть направлены на анализ механизмов государственной поддержки молодежи и выявление тех из них, которые нацелены на достижение долгосрочных, позитивных результатов. Свердловская область имеет уникальный опыт концептуального подхода к реализации государственной молодежной политики поддержки работающей молодежи, это единственный регион России, имеющий и реализующий Концепцию поддержки работающей молодежи начиная с 2004 года [1]. В связи с этим требуется объективный анализ и оценка региональной модели государственной поддержки работающей молодежи.

В качестве методологической базы данного исследования использован деятельностный подход. Теоретическая модель региональной поддержки работающей молодежи строится на основе теории деятельности М.С. Кагана, дополненной алгоритмом анализа деятельности А.М. Новикова и Д.А. Новикова.

В самом общем виде деятельность можно определить как специфическую форму социальной активности, направленную на изменение меры в интересах людей или социальных групп. Совет-

ский философ М.С. Каган под деятельностью понимает «способ существования человека» [3, с. 5] и рассматривает ее как целостную характеристику именно человеческого способа отношения к миру. Человек, по его мнению, является действующим существом. Основная функция деятельности, согласно М.С. Кагану, – это обеспечение сохранения и непрерывного развития человеческого общества. Отсюда деятельность призвана создавать и поддерживать «вторую природу» и направлена на удовлетворение потребностей человека [3, с. 5].

Польский социолог П. Штомпка под деятельностью понимает потенциальную способность к саморазвитию, самопреображению. По его мнению, деятельность представляет собой некий суммированный итог действий и взаимодействий различных субъектов (индивидуальных и коллективных) в конкретный исторический момент. Субъекты детерминированы как собственными потребностями, мотивами, интересами, навыками, талантами, так и структурами – определенными рамками, ограничивающими действия, организационными формами и пр. Таким образом, деятельностный подход позволяет учесть активное начало множественных и разнородных действующих субъектов государственной поддержки работающей молодежи, а также тот контекст, в котором происходит взаимодействие данных субъектов, нормы, детерминирующие их активность и пр.

В соответствии с особенностями деятельностного подхода региональная государственная поддержка работающей молодежи понимается в данной статье как деятельность органов государственной власти субъекта Российской Федерации, реализуемая посредством социальных программ, в целях развития ее потенциала и, соответственно, обеспечения социального, экономического и культурного развития региона.

Нами предложен алгоритм анализа региональной государственной поддержки работающей молодежи с точки зрения деятельностного подхода, разработанный на основе алгоритма анализа деятельности, предложенного А.М. Новиковым и Д.А. Новиковым

[5, с. 25–26]. Указанный алгоритм адаптирован нами для анализа региональной государственной поддержки работающей молодежи следующим образом:

1. Характеристика региональной государственной поддержки работающей молодежи:

1.1. Особенности региональной государственной поддержки работающей молодежи. На данном этапе необходимо охарактеризовать проблемную ситуацию, обусловившую необходимость поддержки работающей молодежи, содержание принятого решения и его мотивировку.

1.2. Принципы региональной государственной поддержки работающей молодежи. Принципы – это основополагающие идеи (начала, требования), определяющие идеальную модель деятельности. У любой деятельности можно выделить общие принципы, отличающиеся универсальностью, общей значимостью, императивностью, и специальные.

1.3. Условия осуществления региональной государственной поддержки работающей молодежи (экономические, политические, нормативно-правовые, финансовые, материально-технические, организационные, кадровые, информационные и др.).

1.4. Нормы, регулирующие предоставление региональной государственной поддержки работающей молодежи (совокупность нормативных актов, формирующих систему региональной государственной поддержки работающей молодежи).

2. Структура региональной государственной поддержки работающей молодежи:

2.1. Субъект региональной государственной поддержки работающей молодежи (кто (какие органы, должностные лица) оказывает поддержку работающей молодежи).

2.2. Объект и предмет региональной государственной поддержки работающей молодежи.

Подробный анализ данного этапа предполагает уточнение:

а) целевой группы (в данном случае целевая группа (работающая молодежь) может быть дифференцирована по различным признакам – возраст, социальный статус и т.д.);

б) целей (ожидаемых результатов для общества от реализации региональной государственной поддержки работающей молодежи).

2.3. Формы, методы и средства региональной государственной поддержки работающей молодежи.

2.3.1. Формы региональной государственной поддержки работающей молодежи. Любая деятельность может осуществляться в различных формах, которые можно классифицировать в зависимости от числа участников, по организации процесса деятельности и т.п.

2.3.2. Методы региональной государственной поддержки работающей молодежи (разнообразные способы воздействия для достижения заданных целей).

2.3.3. Средства региональной государственной поддержки работающей молодежи (материальные, информационные, логические, математические, языковые и т.п.).

На данном этапе необходимо оценить, насколько используемые формы и методы региональной государственной поддержки работающей молодежи, имеющиеся в распоряжении исполнителей средства, достаточны для достижения целей деятельности.

2.4. Результаты региональной государственной поддержки работающей молодежи.

На данном этапе оценивается:

– управленческая эффективность (какие результаты нормативно закреплены и насколько они были достигнуты);

– экономическая эффективность (анализ материальных затрат и результатов);

– социальная эффективность (анализ произошедших социально значимых изменений);

– символическая эффективность (соотношение материальных затрат и нематериальных результатов);

– интегральные показатели эффективности реализации региональной государственной поддержки работающей молодежи.

3. Временная структура региональной государственной поддержки работающей молодежи:

3.1. Этапы региональной государственной поддержки работающей молодежи (анализ последовательных этапов осуществления государственной поддержки работающей молодежи).

3.2. Фазы региональной государственной поддержки работающей молодежи (цикл деятельности состоит из трех фаз: 1) фаза проектирования, или процесс разработки модели деятельности и плана ее реализации; 2) фаза реализации; 3) рефлексивная фаза, направленная на оценку результатов деятельности.).

Итак, нами был предложен алгоритм анализа региональной государственной поддержки работающей молодежи, позволяющий рассмотреть ее по определенным завершенным циклам – проектам. В целом применение данного алгоритма дает возможность системно представить региональную государственную поддержку работающей молодежи.

Список литературы

1. О Концепции поддержки работающей молодежи Свердловской области на период до 2020 года: Постановление Правительства Свердловской области от 20 ноября 2009 г. № 1683-ПП // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Данные переписи населения Российской Федерации 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.06.2014).

3. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – С. 5.

4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2008. – С. 551.

5. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. – М.: СИНТЕГ, 2007. – С. 25–26.

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Региональное и муниципальное управление» Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: Tatiana_Z@uara.ru.

Мудрецова Наталья Петровна – аспирант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: mudretsova@list.ru.

М.Б. Колесниченко

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ
ОРГАНИЗАЦИЙ И ЭКОНОМИКИ**

Рассматриваются особенности современных исследований в экономической социологии и социологии организаций. Указаны разработки социэкономии, направленной на реализацию системного подхода, постмодернистской теории, описывающей процессы самоорганизации, нелинейности, а также неформальной экономики. Сделаны выводы о дальнейшей направленности исследований в отраслевой социологии.

Ключевые слова: социология организаций, экономическая социология, предпринимательство, системный подход, постмодернизм, междисциплинарный подход, неформальная экономика.

M.B. Kolesnichenko

Perm National Research Polytechnic University

**CURRENT RESEARCH IN SOCIOLOGY
OF ORGANIZATIONS AND ECONOMICS**

This article discusses features of modern research in the field of economic sociology and sociology of organizations. Studies in the field of socio-economy aimed at implementation of systematic approach, postmodern theory which describes processes of self-organization, non-linearity, as well as informal economy were considered. In conclusion further research trends in the field of the above branches of sociological studies were revealed.

Keywords: sociology of organizations, economic sociology, entrepreneurship, systematic approach, postmodernism, interdisciplinary approach, informal economy.

Если обратить внимание на современные исследования в области социологии организаций и экономической социологии, главное, что можно отметить – это междисциплинарный характер данных исследований. Так, новое актуальное междисциплинарное направление социозкономики развивает в настоящее время отечественный социолог М.А. Шабанова на основе идей А. Этциони [1, с. 64]. Только в русле социозкономики осуществится поворот субъектов экономики и всей сферы в целом к «сбережению людей», к поиску наиболее эффективных решений социальных проблем.

В первую очередь, на основе социологических исследований выявляются социальные факторы экономического развития, социальные ресурсы, оценивается более широкий социальный контекст событий. Кроме того, выясняется дифференциация аспектов экономики и конкретных организаций в отношении различных социальных групп. Социозкономический взгляд также позволяет учесть социальные ограничения с использованием основных подходов: 1) системного, 2) двусторонней социально-экономической связи сторон жизнедеятельности, 3) экономической оценки социальных процессов и явлений, 4) признания социального характера экономического действия, 5) экономического подхода к социальным процессам и проблемам, приводящего к разделению данных проблем на экономически релевантных и экономически обусловленных, 6) выработки практических рекомендаций [1, с. 68–70].

Однако системной теории недостаточно, и именно в указанных отраслях социологического знания активно внедряются анти-системные и постмодернистские концепции, что обуславливает их современный характер. В то же время в них остаются центральными базовые, классические направления социологии, что, по мнению социолога В.В. Щербины [2, с. 40], происходит вследствие особой практической значимости социологии организаций и экономической социологии, их управленческой, прогностической, консультативной функций, востребованности как чиновниками, так и экспертами, внедрения социальных технологий в условиях риска.

Социологические теории постмодернистского типа обращают внимание на специфические тенденции современной социально-экономической жизни. К ним относятся «краткосрочность взаимодействий, трансформации социально-экономических пространств под влиянием информационных потоков, автономия виртуальных денег от реальной экономики, отсутствие конвертации экономического роста в улучшение качества жизни в глобальном масштабе и др.» [3, с. 11].

В постмодернистской парадигме Ж. Бодрийера отмечен парадокс экономического роста в современном обществе: при росте производительности, высокой скорости обращения капитала и процессов потребления, непрерывном совершенствовании технологий в экономически развитых странах в мировом сообществе не решены проблемы бедности, голода и т.д. Практически получается, что современная экономика детерминируется не реальными потребностями людей, а собственными закономерностями и воздействует сама на себя [3, с. 18].

Авторы теорий «дезорганизованного капитализма» и социологии мобильностей С. Лэш и Дж. Урри доказали, что качественная специфика современной экономики заключается в приоритете знаковых систем, гиперреальности над реальным производством и потреблением. Социальная реальность изменилась, динамика развития общества усложняется, складывается состояние социальной турбулентности. Социальные процессы протекают с огромной скоростью. Социологи стали говорить о текучих средах, текучей современности. Становится сложно определить, что является причиной, а что следствием. В ситуациях сложной причинности элементы социальных систем приобретают новое свойство – способность к самодетерминации и саморефлексивности [4, с. 5].

Современные проблемы – становящиеся, неопределенные. По мнению социолога Ч. Перроу, их можно назвать социальными уязвимостями. Места концентрации экономической и политической власти – один из источников уязвимостей. Ч. Перроу называет новые социальные уязвимости «нормальными авариями»,

дающими «нормальные» сбои, которые возможны и в условиях наилучшего менеджмента [4, с. 6].

Тем не менее менеджмент должен учесть нелинейность формирования человеческого капитала и динамично сложные причинно-следственные связи. Востребованы учет латентных функций, описанных Р. Мертоном, изучение человеческой деятельности в контексте возникновения непредвиденных и ненамеренных последствий, сопровождающих рациональную активность людей. С позиции экономической социологии особенно важно предусмотреть латентные и отложенные опасности для человеческого капитала как производные от научной, инновационной деятельности людей [4, с. 9].

Социология постмодерна по-новому описывает процессы трудовой деятельности организаций, акцентируя знаковую, символическую составляющую постмодернистского труда взамен прежнего противопоставления труда и досуга. Трудовой процесс все больше наполняется элементами творчества и игры, а в постмодернистской трудовой этике размываются концепты трудолюбия, преданности делу, формальные признаки профессионального статуса [5, с. 114].

Итак, с точки зрения постмодернистских социальных теорий идет раскрытие множественности, нелинейности, парадоксальности социально-экономических трансформаций. Постмодернистская детерриториализация ослабляет функцию надзирающего контроля управленческих структур бизнеса и организаций [6, с. 97].

С 1980-х годов популярным разделом экономической социологии становится предпринимательство как межотраслевая дисциплина на стыке социологии, эконометрики, демографии, социальной психологии, теории организации, стратегического менеджмента и др. [7, с. 32]. Например, изучаются бизнес-ангелы в венчурной индустрии в инновационном предпринимательстве, устойчивое и социальное предпринимательство, «газели» – предпринимательские компании и т.д. Социолог П. Рейнольдс (1991) выделил четыре типа социальных контекстов современных иссле-

дований предпринимательства: социальные сети, концепция жизненного цикла, этническое, популяционная экология.

Особая тема – неформальные практики российского предпринимательства. Данные о предпринимательской активности россиян довольно низкие, что обусловлено, по мнению А.Ю. Чепуренко, самооценкой агентов, которые занимаются предпринимательской деятельностью эпизодически и не относят себя к предпринимателям, а также развитием фрилансерства, которое можно охарактеризовать как потенциальное предпринимательство.

Для адекватной оценки роли современной экономики необходимо исследование такой ее части, как неформальная экономика – совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом [8, с. 31]. Происходит определенный сдвиг норм («ненормативная экономика»), она не регулируется непосредственно государственными правилами и законами.

Первоначально неформальность трактовалась как неразвитость и отсталость. Считалось, что неформальная экономика лишь частично соответствует принципам и правилам «нормальной», фирменной, формальной экономики. Примерно с 1980-х годов в экономических теориях постепенно складывается понимание, что формальные структуры и процессы включают неформальные. Так, плановая экономика имела в себе множество внеплановых механизмов.

В центре внимания неформальной экономики такие темы, как неформальный найм, экономика мигрантов, исследуются нерегулярная занятость, крестьяноведение (исследование крестьянских сообществ), теневая экономика и др. Таким образом, концепция неформальной экономики повествует о том, что данная экономика – повсеместно распространенное явление, которое существует как в виде отдельной области, «зоны», так и в виде неформальных практик, правил внутри формальной зоны. «Практики *кажутся* неформальными, поскольку со стороны не видны их регулятивные основы» [8, с. 34].

С.Ю. Барсукова выделяет следующие подходы к изучению неформальной экономики [8, с. 35]:

1. Статистическое направление. Современная операционализация неформальной экономики осуществляется на основе характеристик *предприятий*, а не отдельных рабочих мест. Многие фирмы неоднородны внутри (формальные и неформальные работники). Неформальную занятость фиксировать довольно сложно, поскольку ее работники не подлежат социальной защите, налогообложению, могут иметь рабочие места как в формальном, так и неформальном секторе экономики.

2. Структурный подход. Неформальная экономика рассматривается как совокупность сегментов, находящихся вне зоны формальной экономики. Основные сегменты неформальной экономики: теньевая (нарушение закона в процессе производства), криминальная (производство запрещенных товаров и услуг), домашняя (внутреннее потребление членов домохозяйств), реципрокная (т.е. дарообменная с помощью соседей, родственников и знакомых внутри локальной общности).

Структурный подход имеет три направления:

– дуализм, т.е. разделение, разведение формальной и неформальной экономики, попытки поддержать неформальную экономику с помощью специальных программ, кредитов;

– функционализм рассматривает области формальной и неформальной экономики как элементы единой системы через конкуренцию между ними;

– легализм рассматривает процессы теневилизации и легализации бизнеса. Государственное дерегулирование создает среду, стимулы для легализации неформалов.

3. Институциональный подход. Главный недостаток структурного подхода – разделение экономики на сегменты по степени легальности – в какой-то мере сглаживает институциональный, который изучает неформальную экономику как универсальную характеристику экономической практики. На основе закрепленных правил действуют формальные институты в бюрократическом ре-

жиге. Неформальные институты в режиме самоорганизации реализуются с помощью личных взаимодействий и репутации.

Социологи отмечают важность создания научно-исследовательских структур. Безусловно, возрастает роль университетов в формировании сетей инновационных стартапов. На базе российских университетов создана Российская ассоциация бизнес-образования (РАБО). Осуществляется стимулирование малого и среднего предпринимательства через бизнес-инкубаторы. Распространяются международные организации, например, в 50 странах мира действует Международное общество развития социэкономик (SASE – International Society for the Advancement of Socio-Economics).

На основании анализа социологической литературы можно сделать следующие выводы: все авторы отмечают необходимость углубления исследований по социально-экономической проблематике; несмотря на то, что сочетание классических, модернистских и постмодернистских парадигм остается дискуссионным, именно в социологии организаций и экономической социологии оно раскрывается наиболее полно; возрастает актуальность новых теоретических концепций, «нового теоретизирования», которое весьма динамично.

Список литературы

1. Шабанова М.А. Социэкономика как актуальное междисциплинарное направление: вклад социологии // Социс. – 2013. – № 11. – С. 64–75.
2. Щербина В.В. Существует ли сегодня наука социология? // Социс. – 2012. – № 8. – С. 31–41.
3. Зарубина Н.Н. Социально-экономическая проблематика в теориях постмодернистского типа // Социс. – 2012. – № 11. – С. 9–19.
4. Кравченко С.А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социс. – 2013. – № 5. – С. 3–12.
5. Мартьянова Н.А. Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 10 (36): в 2 ч. – Ч. II. – С. 112–115.

6. Колесниченко М.Б. Пересмотр идентичности в социологии // Общество и человек. – 2013. – № 1 (4). – С. 95–98.

7. Чепуренко А.Ю. Предпринимательство как сфера социальных исследований: Россия и международный опыт // Социс. – 2013. – № 9. – С. 32–42.

8. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социс. – 2012. – № 2. – С. 31–39.

Колесниченко Милана Борисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: milana72000@mail.ru.

Д.А. Кормщикова, Т.М. Хусьянова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В НЕФОРМАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Традиционные социальные институты, такие как семья или школа, в настоящее время не в состоянии всесторонне воздействовать на процесс воспитания и формирования личности, закладывая в подрастающее поколение порой лишь общепринятые культурные и нравственные нормы. В свете трансформации общественных отношений с начала 1990-х годов, развития Интернета (и, как следствие, доступа к большим объемам информации) именно субкультуры и сетевые кумиры молодежи способны влиять на формирование личности молодого человека.

Ключевые слова: молодежь, субкультура, неформальные группы, социализация, личность.

D.A. Kormshchikov, T.M. Khusyainov

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

FORMATION OF SOCIOCULTURAL ATTITUDES IN INFORMAL YOUTH COMMUNITIES

Traditional social institutions, such as family or school, can't influence to socialization process to the full at the moment. Take into account transformation in public relations and development of the internet leads to high influences of subcultures and popular bloggers for socialization of young people.

Keyword: youth, subculture, informal groups, socialization, personality.

Молодежь как наиболее динамично реагирующая на инновации группа обнаруживает наибольшую активность в освоении новых возможностей и форм проведения свободного времени [1, с. 119]. При всем многообразии видов досуга, доступных в данный момент, представители молодежной группы (особенно младшего возраста) могут быть не до конца удовлетворены существующими

общепринятыми развлечениями и способами проведения досуга. Именно поэтому они порой нуждаются в создании инокультуры, в рамках которой они в состоянии развить свои творческие и интеллектуальные способности и, возможно, донести до общества свои специфические интересы потребности.

В Советском Союзе молодежные движения находились под контролем государства, регулировались пионерскими организациями и комсомолом (ВЛКСМ). Членство в них являлось формально обязательным («так надо»). Довольно часто после вступления в организацию большинство молодых людей занимали пассивную позицию. Если в школе еще были возможности административными методами вовлечь детей в какие-либо мероприятия, то после ее окончания сделать это было значительно сложнее. Даже в то время молодежь не была гомогенной, однако ее многообразие носило скрытый, «подпольный» характер. Ненормативная активность подавлялась, считалась результатом тлетворного влияния буржуазного Запада [2, с. 82]. Исчезновение идеологизированного патерналистского государства в начале 1990-х годов освободило современную молодежь от страха санкционного давления, порицаний со стороны общества за инакомыслие, дало больше возможностей для самовыражения.

Современная молодежь отличается большей информированностью и широтой кругозора, а также стремлением к максимальной независимости и самореализации. Вместе с тем для нее характерны прагматизм и все более явное отчуждение от общепринятой культуры – традиций, идеалов, ценностей [3]. Другой важной характеристикой является снижение политической активности в пользу культуры, молодежь начинает искать пространство для культурного самовыражения [4].

Как в зарубежной, так и в российской науке было предпринято немало попыток дать определение понятию субкультуры, а также классифицировать молодежные движения. Традиции классической социологической школы противоречат современной интерпретации термина «субкультура», который часто соотносился

с понятием «контркультура» (эти термины имеют совершенно разные социокультурные смыслы). В результате размытого понимания этих категорий в обществе формируются негативные стереотипы, связанные с неофициальными молодежными движениями и субкультурами. На наш взгляд, определение, данное З.В. Сикевичем, наиболее отвечает современной интерпретации: «субкультура» – это культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов [5, с. 79].

Современные российские исследователи отмечают, что термин «субкультура» недостаточно точно определяет специфику молодежных общностей, а точнее, внутренней коммуникации в них. Е.Л. Омельченко предлагает использовать понятие «солидарность», которое относится к особому типу коммуникации, осуществляемой посредством разделяемых идей, а также интуитивным доверием индивидов к группе, с которой их связывает нечто большее, чем возраст, стиль или общие практики досуга [6].

Особое внимание при исследовании солидарностей следует обращать как на внутригрупповые коммуникации субкультурных и стилевых групп, так и на их межгрупповое взаимодействие в контексте современной городской жизни. Использование в исследовании солидарного подхода может помочь определить основы молодежных формирований, объединенных ценностями и идеями, общим представлением о «чужих», т.е. альтернативных, оппозиционных группах [5], а также выявить социально-культурные установки представителей этих неформальных молодежных групп.

Как уже указывалось выше, культурное самовыражение становится все более значимым для современной молодежи, даже по сравнению с политической активностью, а желание изменить мир у молодых людей может проявляться в творчестве [4, с. 152]. Даже в тех случаях, когда формируется группа политически активной молодежи, существенное значение приобретает эстетическая и культурная составляющая имиджа той или иной политической силы, так как спрос на культурную активность среди молодежи существенно выше.

Важным фактором формирования социально-культурных установок современной молодежи являются средства массовой информации (СМИ) и средства массовой коммуникации (СМК), причем стоит отметить снижение роли традиционных СМИ (телевидения, газет и радио) и возрастающее значение интернет-порталов, интернет-блогов, интернет-форумов и пр. [7, 8]. Доступность языка (отсутствие сложных речевых оборотов, сленг), современное визуальное оформление и широкий круг тем для обсуждения – все это делает интернет-сферу привлекательной для молодежи. Многочисленные интернет-блоги (как текстовые, так и аудио/видео) способны объединять вокруг себя колоссальное количество людей, а их авторы становятся кумирами, обозначая определенный образ мыслей и жизни, формируя новые солидарности вокруг себя и своего блога.

Виртуальная реальность, созданная на просторах Интернета, позволяет состоять в каком-либо молодежном объединении удаленно: либо не выходя из дома, сидя перед экраном ПК, либо в любом доступном и удобном месте посредством мобильного устройства – гаджета. Также появляется возможность интеграции в молодежные неформальные объединения людей с ограниченными возможностями, что само по себе является положительной тенденцией.

При включении в новые круги у молодежи чаще всего преобладает желание приобщения к определенной социальной группе, потребности обрести новый круг общения или компанию по интересам, ощутить чувство сплоченности, возможно, избавиться от одиночества. Приобщение же молодежи к деструктивным субкультурам требует определенного состояния (например, угнетенного эмоционального состояния – эмо, готы; азарт, агрессии – группировки футбольных фанатов, скинхеды; радикального неприятия существующего уклада жизни – панки, нацболы (приверженцы национал-большевистской партии)). Склонность к этому проявляется часто еще в младшем возрасте, на что должны обратить внимание в первую очередь в семье, в образовательных учреждениях.

Доступность большинства субкультур, открытость их в Сети приводит к тому, что современная молодежь, разбираясь во всем многообразии, порой не ограничивается принадлежностью к определенному движению, а наоборот, старается не соотносить себя с какой-то конкретной группой, или объединение происходит по принципу неприятия – так появляются в Интернете группы противников, так называемые «хейтеры».

В заключение можно сделать вывод о значительном влиянии современного информационного поля на формирование социально-культурных установок в неформальной молодежной среде, где Интернет занимает центральное место, так как это позволяет любому пользователю найти необходимую информацию о молодежном движении, субкультуре, а также единомышленников и образовать неформальную группу или солидарную связь.

Данная работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 14-33-01001 «Габитус факультета» и социализация студентов классического университета (на примере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)».

Список литературы

1. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: аналит. доклад / науч. ред. Н.И. Покида. – М., 2007. – 143 с.
2. Омельченко Е.Л. Молодежь России из XX в XXI век // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2007. – № 3(8). – С. 82–87.
3. Орлова З.Н. Молодежная субкультура: особенности и парадоксы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2011. – № 2 (22). – С. 102–108.
4. Омельченко Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве со-

временности // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 151–183.

5. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. – 2002. – № 10. – С. 79–87.

6. Омельченко Е.Л. Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу концептуализации новых форм коммуникации в молодежной среде // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. – Кн. 3. – М., 2012. – С. 478–488.

7. Кормщиков Д.А. Феномен популярности интернет-блогов и их влияние на социализацию молодежи [Электронный ресурс] // Междунар. науч.-практ. конф. «Современное общество глазами молодежи». – URL: http://www.conf.muh.ru/images/doc/140417/140417_Kormshikov.doc.

8. Хусяинов Т.М. Влияние СМИ на социализацию современной молодежи [Электронный ресурс] // Междунар. науч.-практ. конф. «Современное общество глазами молодежи». – URL: http://www.conf.muh.ru/images/doc/140417/140417_Husyainov.doc.

9. Воронова А.В. Неформальные социальные практики самореализации молодежи в системе социокультурных образований [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/7/voronova.pdf>.

Кормщиков Даниил Андреевич – аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: hectix@rambler.ru.

Хусяинов Тимур Маратович – магистрант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: timur@husyainov.ru.

А.А. Костригин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РЕБЕНКА**

В работе рассматривается проблематика идентичности человека, в частности социальной идентичности. Обосновывается, что дошкольное образование участвует в формировании личностной и социальной идентичности ребенка. Описывается пилотное эмпирическое исследование заведующих дошкольными образовательными учреждениями. Выводы исследования показывают, что образ дошкольника-выпускника, сформированный у заведующих, может влиять на организацию образовательной среды и формирование социальной идентичности ребенка.

Ключевые слова: дошкольное образование, дошкольное образовательное учреждение, социальная идентичность личности, образ дошкольника-выпускника, ценности, образовательная программа, образовательная среда.

A.A. Kostrigin

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

**PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION
AS AN ENVIRONMENT OF SOCIAL IDENTITY
OF CHILD**

This paper considers the problems of human identity, in particular, social identity. It is proved that preschool education takes part in the formation of personal and social identity of the child. The author describes a pilot empirical study of the heads of preschool educational institutions. Findings of the study show that the image of a preschooler-graduate formed at the heads can influence the organization of the educational environment and the formation of social identity of the child.

Keywords: preschool education, preschool educational institution, social identity of personality, image of preschooler-graduate, values, educational program, educational environment.

Идентичность личности – одна из центральных проблем психологии. По мнению А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой, «благодаря ей в самосознании личности гармонично уживаются индивидуальное и коллективное, что способствует максимально успешной адаптации человека к социуму» [1, с. 4].

В основе социальной идентичности личности лежит чувство принадлежности к какой-либо группе людей. Человек, таким образом, относит себя к определенной группе и отождествляет себя с ней. Однако идентичность является избирательной: человек считает себя принадлежащим не ко всякой группе, а к той, ценности и убеждения которой совпадают с ценностями личности.

А.В. Микляева и П.В. Румянцева считают, что социальная идентичность имеет смысловую природу, и личность идентифицирует себя с такими группами, «членство в которых отвечает тем или иным его потребностям» [1].

В состав социальной идентичности личности входит несколько компонентов: гендерная, этническая, возрастная, гражданская идентичность и др.

Идентичность начинает формироваться уже с детства, по мере вовлечения ребенка в социальное взаимодействие и включения его в социальные институты (детский сад и школа).

А.Г. Асмолов предлагает социокультурную модернизацию образования, одной из задач которой является формирование гражданской идентичности через «проектирование программ дошкольного и школьного образования, обеспечивающих формирование социальных норм толерантности и доверия как условия диалога культур в многонациональном российском обществе» [2, с. 17].

Таким образом, нам представляется, что дошкольное образование участвует в формировании социальной и личностной идентичности ребенка (скорее всего, в ее начальном этапе), прививая ему те или иные ценности и взгляды. Несмотря на то, что дошкольное образование регулируется Федеральным государственным образовательным стандартом [3], каждое конкретное дошкольное образовательное учреждение (далее – ДООУ) имеет собственную

образовательную программу, которая направлена на развитие ребенка и формирование определенных ценностей, традиций и норм. Огромную роль в социализации детей играет также та образовательная среда, которую создает персонал и руководство ДООУ.

Нами было проведено пилотное эмпирическое исследование представлений заведующих ДООУ о том, какие ценности должны быть сформированы у дошкольника по окончании ДООУ. Мы предполагаем, что образ дошкольника-выпускника (а в данном случае – представления об усвоенных ценностях), присутствующий в конкретном ДООУ, у управляющего и педагогов, влияет на то, что будет сформировано у ребенка по окончании дошкольного образования. Данное исследование является одним из начальных этапов магистерской диссертации, в которой будет изучаться вышеуказанная проблема.

В исследовании участвовали 14 заведующих ДООУ г. Н. Новгорода и Нижегородской области. С респондентами проводилось групповое интервью, в результате которого они перечисляли ценности, которыми должен обладать дошкольник-выпускник, выбирали самую значимую на их взгляд ценность и описывали, как данную ценность формируют в их ДООУ и как она должна проявляться в поведении дошкольника. Для обработки эссе использовался метод контент-анализа. Были получены следующие результаты, представленные в таблице.

Уже в начале интервью заведующие посчитали данное задание трудным, так как они никогда так детально не прорабатывали проблематику формирования ценностей у дошкольников. Это может свидетельствовать о том, что «ценностному» воспитанию детей уделяется недостаточное внимание.

Анализируя данные таблицы, можно сказать, что, по мнению заведующих ДООУ, самыми важными ценностями, которыми должен обладать дошкольник-выпускник, являются «любовь и уважение к семье» и «здоровый образ жизни» (по 3 упоминания). Значимость остальных выделенных ценностей одинакова (по 1 упоминанию).

Представления заведующих ДОУ о наиболее значимых ценностях, которые должны сформироваться у дошкольника-выпускника

Ценность	Количество упоминаний
Патриотизм	1
Осознание своей личности в социуме	1
Все	1
Воспитанность	1
Любовь и уважение к семье	3
Сформированные представления о добре и зле, хорошем и плохом, справедливости	1
Здоровый образ жизни (ЗОЖ)	3
Эмпатия и уважение к другим людям и окружающему миру	1
Доброта	1
Бережное отношение к природе	1

Таким образом, по окончании ДОУ у ребенка должны быть сформированы ценности семьи и ценности здоровья. Можно предположить, что заведующие ДОУ будут уделять наибольшее внимание формированию этих ценностей у детей.

Значимость ценностей семьи и здоровья можно объяснить культурными особенностями заведующих. В нашей культуре важны семейные традиции и коллективная принадлежность.

Необходимо также обратить внимание на то, что только один человек указал ценность «осознание своей личности в социуме», что можно понимать как осознание собственной идентичности. Конечно, дошкольники пока не могут обладать четко сформированной социальной идентичностью, однако очевидно, что детский сад должен ставить и такие задачи формирования у детей собственной личностной и социальной идентичности.

Далее заведующие указывали, как ДОУ, в которых они работают, формируют ценности и как эти ценности должны выражаться у ребенка поведенчески. Укажем здесь только те данные, которые относятся к выявленным нами значимым ценностям «любовь и уважение к семье» и «здоровый образ жизни».

Ценность «любовь и уважение к семье» ДОУ формируют в процессе бесед, дидактических игр, чтения и обсуждения прочитанного, игровых проблемных ситуаций, совместных с родителями мероприятий, проведения тематических праздников, изготовления подарков для родственников, организации родительского клуба «Дошкольник», создания фотогалереи «Как я с семьей провел лето», газеты «Моя папа» (к 23 февраля и другим праздникам), организации походов с семьей. Данная ценность проявляется, когда ребенок с удовольствием рассказывает о своей семье, о традициях семьи, праздниках, с удовольствием делает подарки родственникам, имеет желание помогать родителям, оберегает их, имеет чувство любви и уважения к родителям, близким людям.

Ценность здорового образа жизни формируется с помощью здоровьесберегающих технологий, соблюдения режима двигательной активности, проведения походов, дней здоровья, спортивных соревнований, олимпиад, проведения бесед, проведения закаливающих процедур, деятельности специалистов медицинского кабинета, реализации программы «Разговор о правильном питании», работы с родителями. У ребенка должен быть интерес к двигательным играм и упражнениям, желание устраивать походы и поездки, он должен делать утреннюю гимнастику по выходным, самостоятельно чистить зубы, заниматься в спортивных секциях, без напоминания мыть руки перед едой, правильно одеваться (по сезону), быть выносливым, любить полезную пищу, редко болеть.

Также результаты исследования показали, что наиболее распространенными способами формирования ценностей у дошкольников являются беседы, использование художественной литературы, проведение тематических праздников, создание проблемных ситуаций, проведение районных тематических мероприятий и курсов, изготовление стенгазет, подарков для родственников.

Среди критериев определения наличия ценностей у дошкольников заведующие отмечают конкретные поведенческие проявления (мыть руки, чистить зубы, изготовление подарков для родственников, уступать место в транспорте и др.). Однако для таких

ценностей, как «добро и зло», «эмпатия и уважение к другим людям и окружающему миру» и «доброта», критерии не указаны, что может свидетельствовать о недостаточном понимании заведующими данных ценностей.

В заключение необходимо сделать некоторые выводы:

1. Дошкольное образование играет важную роль в становлении личности ребенка. Как и чему будет обучаться ребенок, а также какие ценности у него будут сформированы зависит от того, какой образ дошкольника-выпускника присутствует в конкретном ДОУ.

2. Представления заведующих о ценностях дошкольников можно считать элементом образа дошкольника-выпускника, ценностной основой построения образовательной программы и образовательной среды.

Согласно S. Schwarz и W. Bilsky, ценностями считаются убеждения и понятия, которыми человек руководствуется при принятии решений и реализации деятельности, а также при оценке событий [4, с. 551]. Исходя из этого определения, образ идеального выпускника ДОУ у заведующих является ценностным явлением, которым заведующий ДОУ руководствуется в своей управленческой деятельности.

3. По мнению заведующих ДОУ, самыми важными ценностями, которыми должен обладать дошкольник-выпускник, являются «любовь и уважение к семье» и «здоровый образ жизни» (ЗОЖ). Ценность «осознание своей личности в социуме» хотя и указана, имеет недостаточный вес и значимость у заведующих.

4. Выявлено, что заведующие считают, что ценности в ДОУ формируются с помощью бесед, дидактических игр, чтения и обсуждения прочитанного, игровых проблемных ситуаций, совместных с родителями мероприятий, проведения тематических праздников, изготовления подарков для родственников, организации родительского клуба.

5. По результатам данного пилотного исследования уже можно сформулировать некоторые рекомендации для составления образовательной программы в ДОУ. В процессе дошкольного воспи-

тания необходимо уделять внимание такому разделу, как формирование ценностей, поскольку усвоенное в дошкольный период играет важную роль в становлении личности человека, его социализации и идентификации.

Список литературы

1. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

2. Асмолов А.Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования [Электронный ресурс] // Проблемы современного образования. – 2010. – № 4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-metodologiya-sotsiokulturnoy-modernizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 09.07.2014).

3. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 // Российская газета. – 2013. – 25 ноября. – № 6241.

4. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 53, №. 3. – С. 550–562.

Костригин Артем Андреевич – магистрант отделения «Психология» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, e-mail: artdzen@gmail.com.

Э.Б. Кошчев

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

НАУКА В ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕЦЕПТЫ КАРЛА ПОППЕРА

Анализируется проблема взаимодействия науки и общества, вмешательства науки в общественные процессы. Обращение к наследию К. Поппера позволяет не только рассмотреть, но и заострить отмеченную проблему. Определяются условия продуктивного и безопасного внедрения научных достижений в жизнь общества.

Ключевые слова: наука, общество, рационализм, научный разум, рационализация, социальная инженерия.

E.B. Koshcheev

Perm National Research Polytechnic University

SCIENCE IN THE OPEN SOCIETY: RECIPES OF KARL POPPER

The author addresses the problem of interaction between science and society, science intervention in social processes. Appeal to the legacy of Karl Popper can not only see, but also sharpen the mentioned problems. Author establishes the conditions productive and safe introduction of scientific achievements in the life of society.

Keywords: science, society, rationalism, scientific reason, rationalization, social engineering.

В современном мире разговоры о роли науки в общественных изменениях вызывают определенное неудобство. Все больше наблюдателей сходятся во мнении, что наука утратила монополию на право говорить от имени истины. Это отчасти объясняется стиранием границ между научным знанием и всевозможными квазинаучными учениями, возникновением рынка экспертных услуг,

а также дискредитацией науки теми учеными, которые поставили свой ум и авторитет на службу диктаторским режимам.

Последнее обстоятельство особенно волновало Карла Поппера, который считал, что особого рода научные учения немало способствовали установлению диктатур. Именно такие учения он причисляет к врагам открытого общества.

Карл Поппер стоит на позиции прагматического рационализма, которому с одной стороны противостоит некритический рационализм, а с другой – иррационализм. Используемое различие Поппер поясняет следующим образом: «К примеру, некритический рационализм может утверждать, что мир рационален, а задачей науки является раскрытие этой рациональности. В то же время иррационалист может настаивать на том, что мир, будучи в своей основе иррациональным, должен исследоваться и использоваться с помощью чувств и страстей (или нашей интеллектуальной интуиции), а не методами науки. В отличие от них прагматический рационализм может, признавая, что мир не рационален, требовать, чтобы мы рассматривали его с помощью разума или подчиняли его разуму в той мере, в какой это возможно»¹.

Важным здесь является то обстоятельство, что Поппер выступает с критикой не столько иррационализма, сколько «некритических» версий рационализма (от Платона до Маркса). Сохранить важную роль науки и ценность разума в жизни общества и в то же время отказаться от опасной и невыполнимой мечты об «окончательном решении»² вопросов познания – вот ключевой смысл позиции и спасительного рецепта Карла Поппера. Однако следовать этому рецепту не так-то просто, что видно уже из некоторой двойственности положения в обществе науки и научного разума.

---

¹ Поппер К. Открытое общество. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Марк и другие оракулы. М., 1992. С. 427.

² Данное выражение используется нами не случайно, поскольку ярлык «некритического рационализма» отсылает нас к другому известному ярлыку «инструментального разума», который представители Франкфуртского института социальных исследований использовали для раскрытия трагической логики (диалектики) не только XX века, но и всей истории человечества.

«Мир» не рационален, утверждает Поппер, но задача науки состоит в том, чтобы рационализировать его. «Общество» не рационально, но задача социального инженера состоит в том, чтобы рационализировать его. При этом наука не должна вмешиваться в управление обществом, а социальные конструкторы не должны использовать методы централизованного или коллективного планирования. К. Поппер еще раз настойчиво проводит водораздел между платоновским «псевдорациональным авторитетом» и «сократическим разумом». Критерием правильности выступает осведомленность («сократического разума») о своей собственной ограниченности³. Вопрос о том, как оградить один разум от другого, осуществить общественную рационализацию с помощью науки, но без ее контроля за проектированием свободы, остается открытым.

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, стоит еще раз отметить главную максиму К. Поппера: «разум ограничен, но не невозможен». Именно это обстоятельство оставляет место и для научного познания, и для социальной инженерии. Мы уже привыкли думать, что наука имеет дело не самим миром, но с моделью мира, которая может и должна быть фальсифицирована. Именно на такой защите от всевозможных научных ошибок настаивает К. Поппер. Возникает вопрос: «Как возможны преобразования в мире с опорой на науку? Чем может помочь наука, если она сама нуждается в помощи?»

Любая научная теория имеет несколько уровней абстрагирования, приближения к действительности; разную силу исходных посылок и базовых допущений. Иначе говоря, никакая научная теория не может быть использована для практического применения, например социального реформирования, исходя только из ее базовых допущений и представлений о фундаментальных принципах организации мира. Особо отметим тот факт, что такие представления часто бывают скрыты от самих ученых, не поняты и не оценены ими. И наконец, такого рода допущения и представления не могут быть ни доказаны в ходе научных проверок, ни опровергнуты. Нельзя, на-

---

³ Поппер К. Указ. соч. С. 275–276.

пример, знать об исходе тех или иных социальных проектов и планов, если положить в их основу представление о (не)рациональной природе человека и его поведении. Такое представление является слишком общим допущением для практических выводов и решений. Оно может служить лишь отправной точкой для формулирования меньших по своему объяснительному охвату теорий, которые к тому же будут опираться на эмпирические исследования.

Таким образом, мы можем сформулировать своего рода правило в отношениях между научным разумом и общественной рационализацией: «Чем более общими, абстрактными суждениями оперирует ученый, тем менее они пригодны для общественного употребления». Фундаментальные принципы должны быть освобождены от внедрения в жизнь. Неудивительно, что К. Поппер одной из главных мишеней для критики выбрал учение К. Маркса, которое изобиловало как общими рассуждениями (о природе, человеке, истории и т.д.), так и вполне частными эмпирическими наблюдениями. Их (будем думать) ненамеренное смешение и стало главной трудностью в дискуссиях о претворении марксистского учения в жизнь. Поэтому же существенная часть всей критики К. Маркса будет бить мимо цели, так как некоторые из его идей никак не могли быть приняты за руководство к действию, они были и остаются лишь отправными точками в вопросах познания и преобразования мира.

Еще раз повторим вопрос: «Может ли наука помочь в деле общественной рационализации?» Может, если будут соблюдены по меньшей мере два условия: 1) наука будет воплощать в себе идеал прагматического рационализма, т.е. помнить об ограниченности своих методов и выводов в поиске истины; 2) научные достижения будут рассматриваться как «сырой материал», требующий дополнительного «очищения» (от абстрактных принципов) и обработки перед «внедрением» в общественную жизнь.

Кошечев Эдуард Борисович – старший преподаватель кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: manikul@list.ru.

Е.Ю. Куликовская

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

**ОРГАНИЗАЦИЯ
КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ**

В статье предпринята попытка обнаружения и систематизации проблем в развитии контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения на современном этапе. Актуальность настоящей работы заключается в необходимости совершенствования контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения, так как данный вид деятельности упорядочивает бюджетный процесс, а также организует планирование и выполнение расходной составляющей бюджетов всех уровней. Эти вопросы рассмотрены на проблемном уровне. Также предложены мероприятия по совершенствованию контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения.

Ключевые слова: контрольно-ревизионная деятельность, занятость населения, проблемы, информационные технологии.

E.U. Kulikovskaya

Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

**ORGANIZATION
OF CONTROL AND AUDITING ACTIVITY.
DEVELOPMENT PROBLEMS**

In article an attempt of detection and systematization of problems in development of control and auditing activity in the sphere of employment of the population at the present stage is made. Relevance of the real work consists in need of improvement of control and auditing activity for the sphere of employment of the population as this kind of activity orders the budgetary process, and also will organize planning and performance of an account component of budgets of all levels. These questions are considered at problem level and

actions for improvement of control and auditing activity in the sphere of employment of the population were offered.

Keywords: control and auditing activity, employment of the population, problem, information technologies.

Контрольно-ревизионная деятельность в сфере занятости населения является, пожалуй, одним из основных инструментов обеспечения контроля над финансовой деятельностью различных предприятий и организаций. Данный вид деятельности упорядочивает бюджетный процесс, а также организует планирование и выполнение расходной составляющей бюджетов всех уровней.

Существующий в настоящее время институт финансового контроля имеет ряд недостатков, которые проявляются в том, что часть государственного имущества расходуется не в соответствии со своим назначением, что свидетельствует о том, что нередки случаи злоупотребления чиновников в распределении финансовых средств. Это представляет собой значительную проблему, чем и обусловлена актуальность исследований в данной сфере.

Такое положение обуславливает необходимость совершенствования организации контрольно-ревизионной деятельности, усиление финансового контроля, что, в свою очередь, вызывает необходимость повышения эффективности контрольно-ревизионной деятельности [1, с. 16].

Контрольно-ревизионную деятельность в сфере занятости населения в настоящее время осуществляет целый ряд надзорных органов, как-то: Государственная контрольно-ревизионная служба, Счетная палата, Федеральная налоговая служба, Министерство финансов РФ [1, с. 23]. За счет многочисленности надзорных органов одной из важных проблем в развитии контрольно-ревизионной деятельности является частичное дублирование одних и тех же функций разными ведомствами, что, в свою очередь, ведет к путанице и несогласованности действий государственных органов.

Для решения данной проблемы предлагается введение более четкой регламентации прав и обязанностей каждого из надзорных

органов, осуществляющих контрольно-ревизионную деятельность, распределение их полномочий и обеспечение согласованности их действий.

Для совершенствования контрольно-ревизионной деятельности необходимо, в частности, дальнейшее совершенствование бюджетного законодательства, четкое определение предмета и объема финансового контроля, а также наказание за нарушения этих норм [2, с. 70].

Традиционные формы контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения на современном этапе не отвечают требованиям времени и нуждаются в адаптации к современным условиям.

Современным методом проведения контрольно-ревизионной деятельности является создание единого контрольного поля по надзору за соблюдением бюджетного законодательства [2, с. 72].

Для дальнейшего совершенствования и развития контрольно-ревизионной деятельности необходимо подготовить и подписать соглашения о сотрудничестве между органами финансового контроля, что также обеспечит слаженность и согласованность их действий [3, с. 17–18].

Важную роль в совершенствовании организации контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения должны сыграть современные информационные технологии. На основе современных баз данных требуется создание единого центра сбора и обобщения данных о результатах прохождения контрольно-ревизионных мероприятий, которые дадут возможность формировать сводную информацию о проведенных проверках, что позволит быстрее принимать те или иные управленческие решения [4, с. 21].

Решение современных проблем контрольно-ревизионной деятельности в сфере занятости населения должно быть направлено на повышение эффективности контрольно-ревизионных мероприятий, упрощение сбора материалов и взаимодействия между различными органами государственного надзора, снижение затрат

труда и времени на контрольно-ревизионную деятельность, ее частичную или полную автоматизацию.

Таким образом, контрольно-ревизионная деятельность в сфере занятости населения должна развиваться в ногу со временем и претерпевать ряд усовершенствований, направленных на наиболее эффективное достижение стоящих перед ней целей.

Список литературы

1. Булуктаева Н.Б. Повышение эффективности контрольно-ревизионной работы в сельском хозяйстве: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Астрахань, 2006. – 24 с.

2. Епихин А.Ю. Правовые проблемы контрольно-ревизионной деятельности безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства и пути их разрешения // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на европейском Севере: материалы итог. всерос. науч.-теор. конф. – Сыктывкар, 2013. – С. 70–76.

3. Казаков Ю.В. Автоматизация контрольно-ревизионной деятельности органов госвласти и местного самоуправления // Финансы. – 2011. – № 8. – С. 17–18.

4. Салихов З.А. Методология, методика и организация контрольно-ревизионной работы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2005. – 51 с.

5. Проблемы работы органов государственного финансового контроля [Электронный ресурс]. – URL: www.altyn-nn.ru (дата обращения: 16.06.2014).

Куликовская Елена Юрьевна – магистрант кафедры «Государственное и муниципальное управление» Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург), e-mail: kulikovskaya335@mail.ru.

Л.Н. Курбатова

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**ОЦЕНКА УЧЕБНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Учебная активность студентов определяется по следующим показателям: уровень успеваемости, оценка уровня и характера школьной подготовленности, нравственная позиция в оценке знаний и диплома. Исследование проведено среди студентов и преподавателей ПНИПУ. Опрошено 452 студента и 122 преподавателя.

Ключевые слова: студенты, преподаватели, высшее учебное заведение, учебная активность, уровень и характер школьной подготовки, отношение к дополнительному образованию.

L.N. Kurbatova

Perm National Research Polytechnic University

**EVALUATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY
OF STUDENTS (BASED ON THE SURVEY)**

Educational activity of students is determined by the following factors: the level of performance, evaluation of the level and nature of school readiness, moral position in the assessment of knowledge and a diploma. The study was conducted among students and teachers PNIPU. Surveyed 452 students and 122 teachers.

Keywords: students, teachers, higher education, educational activity, the level and nature of schooling, the ratio of additional education.

Учебная активность студентов является одним из аспектов социальной активности молодых людей. Как результат этой активности можно рассматривать уровень успеваемости студентов¹.

---

¹ Курбатова Л.Н., Слюсарянский М.А. Социологическое сопровождение менеджмента качества образовательного процесса в техническом вузе: учеб.-метод. пособие. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. 2012. 202 с.

Характер и уровень успеваемости студентов определим по тем оценкам, которые преобладают у студентов в зачетной книжке: «отлично» – 16,0 %, «хорошо и отлично» – 25,3 %, «отлично, хорошо, удовлетворительно» – 28,0 %, «хорошо» – 8,0 %, «хорошо, удовлетворительно» – 16,0 %, в основном удовлетворительно» – 2,7 % (табл. 1).

Таблица 1

Уровень успеваемости студентов в зависимости от курса,
% от числа опрошенных студентов

Оценки в зачетной книжке	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс	Итого
«5»	10,0	5,6	6,2	10,6	13,8	16,0
«4» и «5»	19,9	8,9	17,3	28,2	25,3	25,3
«4» и «5», но есть несколько «3»	16,4	8,9	13,6	16,5	19,5	28,0
«4»	6,4	5,6	12,3	4,7	2,3	8,0
«4» и «3»	21,5	6,5	32,1	28,2	31,0	16,0
В основном «3»	7,5	3,2	14,8	10,6	8,0	2,7

Следует отметить, что наиболее хорошо успевают студенты-первокурсники и пятикурсники. Резкое снижение успеваемости наблюдается на 2-м курсе, затем идет постепенный подъем.

К более хорошо успевающим можно отнести студентов ПМИ и АТ. Средние оценки (сочетание хороших и удовлетворительных) показаны студентами ТМС и ГСХ (табл. 2).

Таблица 2

Уровень успеваемости студентов в зависимости
от специальности, % от числа опрошенных студентов

Оценки в зачетной книжке	ТМС	ГСХ	ПМИ	АТ
«5»	3,3	9,4	12,1	15,4
«4» и «5»	13,0	14,6	22,4	19,1
«4» и «5», но есть несколько «3»	21,1	15,6	12,1	16,2
«4»	4,9	4,2	6,9	9,4
«4» и «3»	33,3	25,0	15,5	12,0
В основном «3»	11,4	5,2	6,9	6,0

Одним из факторов, влияющим на уровень успеваемости студентов, является уровень школьной подготовки (табл. 3).

Таблица 3

Уровень школьной подготовки студентов разных специальностей, % от числа опрошенных студентов

Оценка подготовки	ТМС	ГСХ	ПМИ	АТ	Итого
Достаточная	43,9	43,8	44,0	44,4	44,0
Недостаточная	28,5	19,8	30,2	22,2	25,4
Вполне достаточная	27,6	35,4	25,9	33,3	30,3

В целом 44 % опрошенных студентов отмечают школьную подготовку как достаточную, причем показатель не зависит от специальности. Каждый третий студент высоко оценил уровень школьной подготовки (30,0 %); однако так думает только каждый четвертый студент ПМИ, здесь выше доля тех, кто считает свою школьную подготовку недостаточной (33,3 %).

Следует отметить, что именно эти студенты в большей мере полагались только на те знания, которые получили в школе (61,2 % студентов ПМИ, 54,1 % студентов ТМС против 49,8 % по всему массиву). Больше доля студентов, которые использовали разные формы подготовки для поступления в вуз, – на ГСХ и АТ.

Преподаватели определили некоторую закономерность при сравнении уровня подготовленности студентов-бюджетников и студентов-контрактников. Половина опрошенных преподавателей считает уровень подготовленности студентов-контрактников ниже, чем студентов-бюджетников, причем так думает большее число преподавателей МТФ. Только 15 % респондентов-преподавателей отметили, что уровень подготовленности студентов-контрактников такой же, как студентов-бюджетников (против 30,6 % по всему массиву, 42,9 % преподавателей ГумФ, 38,9 % преподавателей СТФ и 36,4 % преподавателей ЭТФ).

Одним из показателей учебной активности является стремление студентов расширить свой образовательный кругозор, получив

дополнительное образование. Совмещают базовое и дополнительное образование 8,4 % студентов, большинство из них – студенты ГСХ (14,6 %) и АТ (12,0 %), минимальное число таких студентов на ТМС. Основной мотивацией дополнительного образования является стремление студентов расширить свой кругозор, получить новые знания – 51,7 %. Каждый четвертый мотивирован появлением интереса к новой профессии и спросом на нее на рынке труда (по 24 %). Изменение интереса более всего проявилось у студентов ТМС и ПМИ, спрос на рынке труда стал сильным стимулом для студентов АТ (38,9 %).

Основными причинами, препятствующими получению дополнительного образования, являются большая загруженность студентов (56,9 %), отсутствие у студентов желания (29,5 %), материальные проблемы (25,5 %).

Отношение к учебе проявляется в нравственных оценках студентами сочетания знания и характера учебной активности. В целом по массиву 87,8 % студентов считают, что для получения глубоких знаний необходимо регулярно заниматься. Однако каждый третий (29,4 %) думает, что можно вообще учиться нерегулярно, пропуская занятия, только если это не будет отражаться на отметках. Таких студентов больше на АТ (39,3 %). Каждый четвертый студент ТМС считает, что главное – получить диплом, а какими средствами и с какими оценками – неважно (24,4 % против 19,9 % по всему массиву).

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

1. Отмечается положительная тенденция в характере успеваемости студентов. Однако следует учитывать, что студенты имеют разный уровень школьной подготовки, что особенно проявляется при сравнении студентов-бюджетников и группы студентов, обучающихся на контрактной основе. У последних, по мнению преподавателей, она значительно ниже.

2. В целом у студентов сформирована позитивная нравственная установка на получение знаний в вузе. В то же время наблюдаются различия по группам студентов разных специальностей.

Более разносторонней структурой нравственных установок обладают студенты АТ и ТМС.

3. Отношение студентов к дополнительному образованию носит опосредованный характер и не является активно востребованным. Основными мотивами выступают стремление студентов расширить свой кругозор и возможность манипулировать на рынке труда. Основными причинами неучастия в этом процессе является учебная загруженность студентов и отсутствие стимулов.

Курбатова Людмила Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: socio@pstu.ru.

Е.А. Лазукова

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

КАРЬЕРА МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена особенностям трудовой карьеры чиновников. Различные возрастные группы сравниваются по типам карьеры. Выясняется наличие карьеры в системе ценностей молодых и взрослых чиновников. Определяется зависимость удовлетворенности кадровой политикой организации от возраста госслужащего.

Ключевые слова: трудовая карьера, молодежь, государственная служба, чиновники, ценности.

E.A. Lazukova

Perm National Research Polytechnic University

THE CAREER OF YOUNG PEOPLE IN THE SPHERE OF MANAGEMENT

The article is devoted to features of labor career officials. Different age groups are compared by type of career. To determine if a career in the value system of young and adult officials. Is determined the dependence of satisfaction of the personnel policy of the organization to the age of the official.

Keywords: career, youth, public service, officials, values.

Сфера государственного управления необходима любому обществу, каким бы противоречивым ни было отношение населения к самим госслужащим [1, с. 10]. В свою очередь на возможность чиновников эффективно трудиться, реализовывая себя, влияют особенности карьерных продвижений в органах государственной власти.

Недостаточно изученным в социологии является вопрос о специфике восприятия карьеры молодыми сотрудниками государственной службы. Предпримем попытку определить, какое место занимает карьера в жизни молодых чиновников в отличие от их старших коллег.

Четкий возрастной интервал, где начинается и где заканчивается молодость, граничащая с детством и взрослостью, определить сложно. Однако обычно под молодежью в науке понимают группу людей в возрасте 14–30 лет [2, с. 6]. В силу этого возраст молодых чиновников ограничим 30 годами.

Проведенный нами в 2012–2013 гг. анкетный опрос среди пермских муниципальных и государственных гражданских служащих ($N = 600$) позволил сконструировать типы карьеры чиновников (табл. 1) на основе предпочитаемого вида продвижения и удовлетворенности своей должностью, описание которых опубликовано нами ранее [3, с. 155].

Т а б л и ц а 1

Типы карьеры чиновников

Удовлетворенность должностью	Вид продвижения		
	Творческий, профессиональный рост	Должностной рост	Без трудовых перемещений
Удовлетворены	Автономы-творцы	Неуемные	Успокоившиеся
Не удовлетворены	Нереализованные автономы-творцы	Жажущие	Смирившиеся

При этом среди молодых чиновников преобладают «неуемные» (около половины), а в группе от 30 лет – «успокоившиеся» (почти каждый 6-й из 10) (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Влияние возраста на типы карьеры чиновников, в % по строке

Возраст	Типы карьеры					
	Автономы-творцы	Нереализованные автономы-творцы	Неуемные	Жажущие	Успокоившиеся	Смирившиеся
До 30 лет	8,2	0,6	45,9	6,9	30,8	7,6
31 год и старше	8,2	2,3	21,6	8,9	57,4	1,6

Ориентированных на должностной рост при удовлетворенности должностью («неуемных») в 2 раза больше среди молодых госслужащих в сравнении со старшими чиновниками. Это объясняется высокими амбициями молодежи, выражающимися в желании занять более значимую должность, несмотря на то, что нынешняя – удовлетворяет.

«Успокоившихся», напротив, почти в 2 раза больше в старшей возрастной группе, что, скорее всего, связано с достижением ими желаемого положения в учреждении, в силу чего отсутствует стремление к карьерному росту и наблюдается удовлетворение своей должностью.

Численность муниципальных и государственных служащих, нацеленных на творческий, профессиональный рост при удовлетворенности собственной должностью (численность типа «автономы-творцы») не зависит от возраста и составляет 8,2 %.

«Смирившихся» среди молодого контингента на гос- и муниципальной службе больше на 5 %, чем среди чиновников от 30 лет. Это означает, что молодые работники чаще своих старших коллег рассматривают собственную организацию как временное место труда, поэтому, несмотря на недовольство своим должностным положением, они не стремятся здесь строить карьеру.

«Успешная карьера» как ценность характерна для меньшинства в опрашиваемых группах (табл. 3).

Таблица 3

Наличие карьеры в системе ценностей чиновников разных возрастных групп, в % по столбцу

Высокую должность, успешную карьеру...	Возраст	
	до 30 лет	31 год и старше
ценностью в жизни считают	26,4	18,7
ценностью в жизни не считают	73,6	81,3

«Высокая должность» присутствует чаще в ценностях молодых чиновников: так ответили более четверти гос- и муниципальных служащих до 30 лет и менее 1/5 среди старшего поколения госуправленцев.

Табл. 4 показывает, что удовлетворенность карьерной ситуацией в организации от возраста чиновника не зависит.

Т а б л и ц а 4

Влияние возраста чиновников на их удовлетворенность некоторыми условиями труда, в % по столбцу

Удовлетворены...	Возраст	
	до 30 лет	31 год и старше
возможностями профессионального роста, продвижения	59,1	61,3
возможностями повышения квалификации	77,4	74,8
подбором и расстановкой руководящих кадров	75,4	82,0

Так, возможностями построения вертикальной карьеры доволен примерно каждый 6-й из 10 в обеих возрастных группах; около 3/4 в сравниваемых группах удовлетворены возможностями их горизонтальной карьеры через повышение квалификации.

Однако расстановкой руководителей больше довольны чиновники старшей группы (82,0 % против 75,4 % в группе молодежи). По-видимому, это связано с притязаниями молодых госслужащих на руководящую должность и с тем, что руководителями становятся, как правило, сотрудники старше 30 лет.

Таким образом, в силу молодого возраста среди чиновников до 30 лет доминирует активная позиция в построении карьеры, в старшей возрастной группе преобладает тип, довольствующийся своей должностью и не нацеленный на карьеру. В обеих возрастных группах карьерный успех называет своей ценностью меньшинство. Выявлено также, что удовлетворенность возможностями осуществления горизонтальной и вертикальной карьеры от возраста не зависит.

Список литературы

1. Петухов В.В. Бюрократия и власть // Социс. – 2006. – № 3. – С. 9–15.
2. Социология молодежи: учебник для вузов. – М.: Гардарики, 2005. – 335 с.
3. Лазукова Е.А. Социально-демографические факторы трудовой карьеры чиновников // Власть. – 2014. – № 2. – С. 154–159.

Лазукова Евгения Андреевна – ассистент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: e.las@mail.ru.

В.В. Левченко

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается онтологический аспект анализа феномена состязательности как одной из разновидностей взаимодействия людей и как формы их соактивности, включающий в себя описание сущности состязательности как целостного социально-психологического феномена, его отличительных свойств.

Ключевые слова: взаимодействие, соактивность, состязательность, конкурентность, альтруистичность, индивидуалистичность, сотрудничество.

V.V. Levchenko

Perm National Research Polytechnic University

ONTOLOGICAL ASPECT OF THE ANALYSIS OF RIVALRY

The article considers the ontological aspect of the analysis of the phenomenon of rivalry (of the adversarial system) as a form of human interaction, and as a form of coactivity, which includes a description of the nature of rivalry as a holistic socio-psychological phenomenon, its distinctive properties.

Keywords: interaction, coactivity, rivalry, competitiveness, altruistic, individualistic, cooperation.

Прежде всего, определим более широкий контекст, в который включен изучаемый феномен состязательности, т.е. «охарактеризуем ту систему, которая выступает метасистемой по отношению к предмету исследования», и установим взаимосвязи состязательности с метасистемой, в которую она включена, также определим специфику изучаемого феномена с наиболее близкими психологиче-

скими системами, включенными в метасистему [1, с. 53–64]. Необходимо также учитывать, что рассматриваемый нами предмет принадлежит нескольким метасистемам, чем обусловлено своеобразие его сущности и «бытийных» характеристик. Такая «полиметасистемность» по отношению к состоятельности означает, что данный феномен является системой, одновременно включенной и в метасистему социального и межличностного взаимодействия, и в метасистему активности (прежде всего социально-психологической активности, «соактивности»). Традиционно состоятельность рассматривается в первую очередь как одна из разновидностей взаимодействия людей. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи. Взаимодействие (интеракция) в социально-психологическом плане – это чаще всего сторона общения, проявляющаяся в организации людьми взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели. Человек, взаимодействуя с другими людьми, одновременно вступает в определенные связи и отношения с ними, с различными социальными группами, обществом в целом. Как отмечает Г.М. Андреева, в социальной психологии одним из наиболее распространенных является «дихотомическое деление всех возможных видов взаимодействия на два противоположных вида: *кооперация* и *конкуренция*» (отметим, что оба приведенных термина являются частными по отношению к более общему понятию *состоятельность* и обозначают виды состоятельного взаимодействия). По мнению многих исследователей, чрезвычайно важным для характеристики состоятельности вообще является то, что «человек по природе своей существо не просто биологическое, но и социальное. Стремление его к состоятельности, к соперничеству в ходе исторического развития общества стало чисто социальным образованием. Следовательно, состоятельность – это весьма характерное и неотъемлемое свойство сущности человека». При этом указывается, что состоятельность нельзя отождествлять с каким-либо видом деятельности, «она есть специфическое мно-

гогранное отношение, складывающееся между людьми в процессе совместной деятельности» [2, с. 178], или установка на состязание, готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения.

Таким образом, взаимосвязь этих двух социально-психологических образований не ограничивается обычными связями между более узкой и более широкой системами. В контексте этих связей состязательность отражает некоторые основные характеристики взаимодействия (организация взаимных действий, направленных на реализацию совместной деятельности, достижение определенной цели, воздействие различных объектов друг на друга, взаимная обусловленность, изменение состояния субъектов, осмысленность, мотивированность и др.). При этом характеристики состязательности не сводятся лишь к этим, общим с интеракцией, параметрам, а включают и отличительные от взаимодействия в целом черты («готовность помериться силами с другими людьми в определенных видах деятельности для того, чтобы улучшить личные и коллективные достижения», направленность изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами, интенсификация своих основных характеристик, надситуативность и др.). Другими словами, между интеракцией и состязательностью существуют отношения, характерные для взаимосвязи метасистемы и системы со встроенным метасистемным уровнем [1, с. 53–64].

Для уточнения сущности данного феномена, с нашей точки зрения, также необходимо рассматривать состязательность не только как разновидность взаимодействия, но и как систему, включенную в метасистему активности, а точнее – как особую форму «соактивности» людей. Таким образом, *состязательность* – это особая форма соактивности людей, реализуемая механизмами сравнения, валидации и регуляции субъектной деятельности, являющаяся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами и представляющая собой след-

ствие двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: стремления к выделению себя (обособлению) и к взаимодействию (интеграции) [3]. Потребность осмысления активности как специфического свойства социального мира подчеркивается уже тем вниманием, которое реально уделяется в психологических исследованиях ее роли и месту в становлении личности, коллективного субъекта и определении субъекта действия. Не случайно понятие активность – одно из наиболее часто употребляемых в литературе разного рода (психологической, философской, социологической, экономической и др.) в различных сочетаниях и связях – активность как деятельность, активность поведения, активность личности, активная деятельность, психическая активность, интеллектуальная, социальная активность, активная личностная позиция, активность общества и т.д.

Во всех имеющихся определениях активности выделяется своего рода «фундаментальное смысловое ядро», заложенное в общепринятое понимание и существующую терминологическую трактовку ее как всеобщей характеристики живых существ, условия осуществления ими «жизненно значимых» связей с окружающим миром. И при рассмотрении активности человека она определяется как свойство, присущее всему живому, как необходимое условие адаптации к среде, обменных со средой процессов и т.д. Активность, понимаемая как всеобщее свойство и атрибут материи, выражается в способности системы изменять другие объекты, способности к самодвижению, а также способности развивать определенные внутренние состояния, актуализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (Е.А. Белан). Большинство исследователей данного феномена (А.В. Петровский, В.А. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.Н. Кругликов и др.) утверждают, что активность личности – особый вид деятельности или особая деятельность, отличающаяся *интенсификацией* своих основных характеристик (целенаправленности, мотивации, осознанности, владения способами и приемами действий, эмоциональности), а также наличием таких свойств, как *спонтанность*, *произ-*

вольность, надситуативность, действенность. Иными словами, активность человека – это всегда целенаправленное действие внутренних сил человека для изменения или сохранения объекта воздействия, будь то все окружающее или он сам; это выбор целей, объектов, способов, средств, ценностей, вида деятельности; это не столько реакция на воздействие извне, сколько самоорганизующаяся, самосозидающая и самопобуждающая акция (А.А. Ершов). Необходимо также отметить, что при анализе активности чаще всего выделяется следующая своеобразная цепь уровней данного феномена: активность как всеобщее свойство всех живых организмов → активность личности → социально-психологическая активность (соактивность, совместная активность). А.Л. Журавлев, обобщая идеи С.Л. Рубинштейна, подчеркивает, что активность фактически выступает генеральным, атрибутивным, неотъемлемым качеством (признаком) как индивидуального, так и коллективного субъекта [2, с. 74].

Некоторая сложность использования понятия «активность» в социальной психологии заключается в существовании ее различных смыслов. Как отмечает А.Л. Журавлев, «во-первых, имеется в виду свойство, качество, т.е. конкретная, одна из многих, хотя и очень важная характеристика личности, группы, действия, поведения, деятельности и т.д. Во-вторых, понимается как способ существования социального субъекта, как некоторая общая способность субъекта к совместной активности. Это, второе, и есть критериальное качество социального субъекта» [2, с. 74].

А.А. Ершов и А.Л. Журавлев считают, что соактивность (совместная активность), социально-психологическая активность представляют собой разновидности активности социального субъекта [2, с. 74]. «Соактивность – это взаимосвязь, сопряженность или совпадение деятельности, поведения и отношений двух или более субъектов. Социально-психологическая активность – это соактивность субъектов, обладающих внутренне и внешне направленной активностью. Первая содержит в себе самопостановку задачи, выбор цели, саморегуляцию, формирование отношения, ус-

тановки, осмысление ситуации, самооценку и оценку окружающих, прогноз их поведения и мотивации, эмпатию, мысленное проигрывание предстоящей ситуации общения, совместной деятельности и ее результатов. Внешне направленная активность – это демонстрация внутренней активности» [4, с. 6]. Среди видов соактивности людей чаще всего в психологической литературе выделяются: групповые действия, общение и взаимодействие в группе, совместная деятельность, групповые отношения, групповое поведение, межгрупповые отношения и взаимодействия, организация людей (лидерство – руководство – подчинение), состязательность (соперничество), конфликт и др. При этом, как отмечает А.А. Ершов, направленностями взаимодействующих субъектов определяется характер форм их соактивности [4, с. 6].

В анализе состязательных форм соактивности были взяты за основу два параметра: *интенсивность* как одно из главных свойств активности как всеобщего свойства всех живых организмов и *направленность* как одно из главных свойств социально-психологической активности. В своем анализе мы исходим также из того, что именно в состязательности через феномены взаимодействия и взаимоотношения во многом осуществляются важнейшие закономерности многих социально-психологических явлений. Но при этом мы отдаем отчет и в том, что в состязательности реализуется не вся система взаимодействия и взаимоотношения с реальной действительностью, а прежде всего субъект-субъектные отношения. Таким образом, можно сказать, что состязательность выступает как одна из важнейших форм «субъективной стороны отражения действительности», как результат субъект-субъектного взаимодействия со средой.

Субъектом состязательности может быть как отдельный индивид, так и та или иная общность людей (от малой группы до общества в целом). Причем состязательность охватывает все процессы, в которые включен человек – от внутриличностных до межгрупповых. Состязательность пронизывает также все сферы жизнедеятельности человека: экономическую, социальную, политическую, социокультурную и др.

Таким образом, состязательность как форма соактивности обладает такими свойствами, как *интенсификация* своих основных характеристик (спонтанности, произвольности, надситуативности, действенности, эмоциональности) и *направленность*. Направленность в субъект-субъектных отношениях выражается в наличии нескольких векторов процесса состязания («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого»). Необходимо особо подчеркнуть, что в предлагаемом нами подходе состязательность, как общее стремление субъекта проявить себя в сочетании со стремлением помочь другому, рассматривается не просто как форма социального (межличностного) взаимодействия, имеющая два основных вида (нередко противоположных) – *кооперацию* и *конкуренцию* – и, в свою очередь, формирующая особый вид активности («соревновательную активность») субъекта; она (состязательность) включает в качестве основных равнозначных свойств не только направленность, но и интенсивность [3].

Такое рассмотрение состязательности как «системы со встроенными метасистемными уровнями» [1] означает, что состязательность не только имеет общие с социальным взаимодействием и соактивностью черты, но и своеобразным образом влияет на структуру и функционирование взаимодействия и социально-психологической активности субъектов. Благодаря тому, что состязательность является «системой со встроенными метасистемными уровнями», социальное (межличностное) взаимодействие и соактивность являются открытыми для своего обогащения и изменения.

Список литературы

1. Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. – М.: Изд-во ИП РАН, 2004. – 504 с.
2. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. – 2009. – № 5. – С. 72–80.

3. Левченко В.В. Феномен состязательности: сущность, структура, особенности и детерминанты развития // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. – 2010. – № 2. – С. 32–36.

4. Ершов А.А. Психология соактивности людей. – СПб.: Знание, 1992. – 32 с.

Левченко Валерий Витальевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: lev66@mail.ru.

В.В. Левченко, Г.В. Разинский

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ПАТЕРНАЛИЗМ
КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(К ПОСТАНОВКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Излагаются теоретические и эмпирические подходы к изучению взаимосвязи и взаимоотношения понятий состязательности и патернализма, рассматриваются точки их соприкосновения и оппозиции, определяются содержательные аспекты исследования, характеризующие состязательность и патернализм как объекты исследования, прогнозируются теоретические и прикладные результаты его проведения.

Ключевые слова: конкурентность, сотрудничество, социальное взаимодействие, социальные отношения, социальная дифференциация и социальный эгалитаризм, патерналистский синдром, социальное партнерство

V.V. Levchenko, G.V. Razinskii

Perm National Research Polytechnic University

**COMPETITIVENESS AND PATERNALISM
AS A FORM OF INTERACTION IN CONTEMPORARY
RUSSIAN SOCIETY: THE REGIONAL DIMENSION
(TO THE SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

This paper presents theoretical and empirical approaches to the study of the relationship and the relationship of concepts of competition and paternalism, considered their point of contact and the opposition are determined substantial aspects of the study, describing the competition and paternalism as objects of study, projected theoretical and applied results of the meeting.

Keywords: competitiveness, cooperation, social interaction, social relations, social differentiation, and social egalitarianism, paternalistic syndrome, social partnership

Исследование, заявленное авторами статьи, ориентировано на изучение таких социальных и социально-психологических феноменов, как состязательность и патернализм, их роли и места в современном обществе. Его актуальность определяется тем, что данные формы социальных отношений отражают культурно-историческую и социально-психологическую традицию России как специфической социальной общности, проявляются во всех сегментах функционирования российского социума (в экономике, культуре, политике, в системе управления, в образе жизни в целом) и имеют взаимообуславливающую связь, во многом детерминирующую активность социальных субъектов и особенности их структурирования. Это предполагает изучение генезиса данных явлений, выявление специфики их проявления в условиях трансформационного перехода к рыночному обществу у конкретных социальных субъектов. Исследователи исходят из того, что эти феномены представляют собой не просто спонтанную и фрагментарную амальгаму разнородных элементов, а целостно-системную характеристику субъектов социального взаимодействия. По их мнению, патернализм можно дефинировать как некий социальный синдром, накладывающий отпечаток на социальную систему в целом и отражающий ментальность практически всех социальных групп общества [1, с. 541], а состязательность – как разновидность взаимодействия, осуществляющуюся благодаря реализации механизмов сравнения, валидации и регуляции субъектом своей деятельности в процессе обмена с окружающей средой и являющуюся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими социальными субъектами [2, с. 33]. Научная новизна заявленного исследования состоит в том, что авторы предлагают рассмотреть данные явления в их органической взаимосвязи и взаимообусловленности. С их точки зрения, многие проблемы современного

общества обусловлены как единством, так и противоречиями, существующими между изучаемыми феноменами и внутри каждого из них.

Патернализм и состязательность, будучи особыми типами взаимодействия, рассматриваются авторами как множество социальных явлений, существующих в различных социокультурных и социоисторических формах: первый, построенный на дихотомии господства и подчинения, гарантирует социальную поддержку и защиту одних в обмен на лояльность и поддержку других [3, с. 83], второй обеспечивает «соактивность» людей, осуществляющуюся благодаря реализации механизмов сравнения, валидации и регуляции субъектом своей деятельности в процессе обмена с окружающей средой [4, с. 68]. Состязательность, как разновидность взаимодействия, кроме того, представляет собой особую форму, являющуюся основой изменения его активности и качества взаимосвязанности с другими субъектами (отношений совместности) и представляющую собой следствие двух амбивалентных свойств, изначально присущих социальному субъекту: свойства, выражающегося в стремлении к выделению себя (обособлению), и свойства, проявляющегося в стремлении к интеграции [2, с. 34]. Это является одним из основных механизмов функционирования как патернализма, так и других типов социальных отношений. Патернализм и состязательность могут быть экономическими, культурными, управленческими, проявляя себя в системе трудовых отношений, в различных формах коммуникаций, в отношениях государства и личности и т.д. в зависимости от того, о какой сфере социальной деятельности идет речь. Вместе с тем патернализм и состязательность успешно вписываются в сложные социальные структуры различных типов сообществ.

Состязательные механизмы социальных отношений во многом обуславливают динамику функционирования патерналистского синдрома, поскольку состязательность как форма соактивности обладает такими свойствами, как интенсификация своих основных характеристик (спонтанности, произвольности, надситуативности,

действенности, эмоциональности) и направленность. Направленность в субъект-субъектных отношениях выражается в наличии нескольких векторов процесса состязания («на себя», «на других», «на себя и на других», «ни на кого») [3, с.69].

Исходя из этого, научной проблемой, на решение которой направлено планируемое исследование, является противоречие между отношениями патернализма, сложившимися в досоветский и советский периоды развития российского общества – с одной стороны и требованиями рыночного типа общества, предполагающего личную свободу, инициативность, многоукладность экономики при доминирующей роли частной собственности (что предполагает активизацию состязательного потенциала) – с другой.

Другая сторона этого противоречия – оппозиция формально заявленного типа социальных отношений как равноправно-партнерских, характерных для развитого состояния рыночного общества реально функционирующей патерналистской модели отношений. Успешность разрешения данного противоречия зависит от степени развития состязательных отношений, которые одновременно подвергаются тормозящему воздействию патерналистски организованного социума и, развиваясь, способствуют снижению интенсивности проявления патерналистского синдрома. Во втором проявлении они (состязательные отношения) могут участвовать в конструктивном разрешении выделенных противоречий в современном российском обществе на региональном уровне

В рамках данного исследования это предполагает (по принципу дополнения) изучение процессов состязательности «в связке» с феноменом патерналистского синдрома, его влиянием на развитие/стагнацию отношений состязательности, и наоборот, воздействие последних на патерналистские проявления в социальном поведении тех или иных групп исследуемого социума. Все это необходимо учитывать при определении содержательных аспектов исследования, характеризующих состязательность и патернализм как объекты исследования. К ним относятся:

– формы связи и взаимообусловленности проявлений состязательных отношений и патерналистского синдрома [5, с. 69–72];

– факторы – характеристики состязательности и его основных видов: сотрудничества, конкурентности, индивидуалистичности, альтруистичности;

– основные индикаторы, составляющие структуру патерналистского синдрома и состязательных отношений;

– место патерналистского синдрома в структуре ценностных ориентаций обследуемых групп;

– характер и особенности проявления патерналистского синдрома и видов состязательности в основных сферах жизнедеятельности (трудовые отношения, экономический статус и типы потребительского поведения, уровень социальной защищенности, культурное потребление и досуг, семья, отношение к государству в целом и к региональным управленческим структурам в частности, социально-политическая активность и участие в управлении, уровень самоидентификации и степень интегрированности в городскую общность);

– факторы, способствующие/препятствующие развитию и воспроизводству патерналистских и состязательных отношений в исследуемом социуме в целом и в отдельных его социальных группах.

Выполнение настоящего исследовательского проекта позволит:

– определить формы и содержание взаимосвязи и взаимообусловленности проявлений патерналистского синдрома и состязательности в системе социальных отношений в современном российском обществе;

– определить место и роль патернализма как особого института в системе социальных отношений в современном российском обществе;

– выявить структуру состязательных отношений в исследуемой социальной общности;

– выявить общее и особенное в воспроизводстве патернализма и состязательности в условиях исследуемого региона;

– представить классификацию факторов, влияющих на характер патернализма и состязательности в различных социальных группах городской общности, и определить интенсивность влияния каждого из этих факторов;

– выявить патерналистский тип личности и его распространенность в различных социально-профессиональных группах обследуемого региона.

Таким образом, проведение данного исследования в теоретическом плане обеспечит приращение научного знания о характере и сущности процессов взаимодействия таких феноменов межличностных отношений, как патернализм и состязательность, а в практическом – будет способствовать оптимизации управленческих решений, касающихся тех или иных форм социального поведения различных групп современного общества.

Список литературы

1. Разинский Г.В. Патернализм как синдром [Электронный ресурс] // Социология в системе научного управления: материалы IV Всерос. социол. конгресса. – М.: ИС РАН, ИСПИ, 2012. – С. 539–541 {CD-ROM}.

2. Левченко В.В. Феномен состязательности: сущность, структура, особенности и детерминанты развития // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. – 2010. – № 2. – С. 32–37.

3. Разинский Г.В. Патернализм: структурные характеристики // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы XI Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. З.И. Файнбурга. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – С. 82–85.

4. Левченко В.В. Состязательные формы соактивности людей // Вестник Гос. ун-та управления. – 2010. – № 17. – С. 68–71.

5. Левченко В.В. Состязательные формы межличностного и межгруппового взаимодействия (опыт зарубежных исследований) // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. – 2013. – № 1. – С. 69–74.

Левченко Валерий Витальевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: lev66@mail.ru.

Разинский Геннадий Вениаминович – старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: labsoc@pstu.ru.

Н.Е. Малахов, К.Г. Фурман

Академия социальных технологий, г. Уфа
Одесская национальная морская академия

СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ ПОСТМАРКСИСТСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Представлены сведения об исследовании социально-классовой сущности советского периода истории нашей страны и прочих государств социалистической ориентации. Рассматриваются социальные факторы преемственности при реставрационных преобразованиях нашего общества на рубеже XX–XXI веков. Предпринята попытка спрогнозировать возможный сценарий развития глобального революционного процесса современности, а также положения России в ходе 3-го передела мира с учетом цивилизационно-культурологического концепта.

Ключевые слова: классовая структура социалистической формации, реставрационные преобразования общества, преобразования революционного процесса.

N.E. Malakhov, K.G. Furman

Academy of Social Technologies, Ufa
Odessa National Maritime Academy

MODERN INTERPRETATION OF POST MARXISM'S CHANGES RUSSIAN SOCIETY

The paper deals with possibilities approach for investigation social essence of Soviet period. Social questions of changes in period restoration of society there is in the paper. The paper deals probable prognoses of development for world revolutionary process.

Keywords: class structure of socialist formation, transformation of social, transformation of revolutionary process.

Еще одного из последних лидеров СССР Ю.В. Андропова волновал сакраментальный вопрос о том, что с точки зрения социальной науки представляет собой советское общество так назы-

ваемого «развитого социализма»? Однако при этом его оставшейся жизни не хватило на поиск достаточно адекватного ответа на столь многозначительный теоретический вопрос. Пришедшие ему на смену энергичные бездумные практики М. Горбачев и Б. Ельцин не удосужились развернуть научную дискуссию, прежде чем лопать и резать по живому, утверждая при этом, что руководствуются «здравым смыслом» (далеким от ориентации на диалектический метод). Не разбираясь в преимуществах и недостатках родившейся в муках посткапиталистической социальной формации они, по сути, в угоду своим властным амбициям подписали ей приговор, как историческому мутанту. На практике такая самодеятельность обернулась хозяйственно-экономической архаизацией постсоциалистических обществ, от которой многие из них не могут опраться до настоящего времени.

Научный анализ краха советского строя попытались провести китайские коммунисты, которые пришли к выводу, что Советский Союз погубила прежде всего несменяемость правящих номенклатурных элит. В СССР и других странах социалистического лагеря под маркой режима «диктатуры пролетариата», по сути, власть захватило чиновничье-бюрократическое сословие в качестве коллективного собственника средств общественного производства. Некоторые источники информации свидетельствуют о том, что такое уже бывало в истории в обществах восточных деспотий в странах с циклическим типом развития цивилизации [1, с. 11]. Такие исторические опыты прошлого заканчивались утратой экономических стимулов к участию в общественном производстве, а мобилизационная экономика приводила к недовольствам в рядах широких народных масс. Марксисты ошиблись в том, что в результате пролетарской революции, в отличие от других социальных революций, к власти придет прежде угнетаемый класс, чего до того еще, как правило, не бывало. Однако этого не произошло и в случае так называемой социалистической революции. Место помещиков и буржуев заняли государственные чиновники. Изначально их алчные аппетиты сдерживались репрессиями единона-

чалия партийного босса. Но по мере классовой демократизации режима, которая сопутствует любому тоталитарному режиму по мере его дряхления, диктаторский контроль над бюрократией ослаб. На место железной сталинской диктатуры пришли «оттепель» Хрущева и «застой» Брежнева. Для полноценного классового оформления чиновничьей бюрократии оставалось поделить государственную собственность адекватно сферам своего влияния. Пришли к власти Горбачев и Ельцин с «перестройкой» и «рыночными реформами» и на базе бюрократического сословия оформился класс олигархов от власти: новый классовый слой лиц, принимающих управленческие решения [2, с. 51]. На фоне мечтаний наш «классовый враг» в свою колесницу нас нагло запряг. И в России, и в Китае расчет на социальную справедливость быстро тает. Таким образом, классовые противоречия после побед «пролетарских революций» история вовсе не отменила. Кроме того, как и в результате постреволюционных монархических реставраций, последовавших за буржуазными революциями в Англии и Франции, реставрационный постсоветский переворот фрагментарно также пытался воспроизвести и отношения собственности в стране досоветского периода в лице малого и среднего бизнеса, но, как видим, малоуспешно.

Какой же социальный слой в посткапиталистическом и постсоциалистическом обществе соотносится с властной олигархией как антипод? Возможно, это пролетарии интеллектуального труда: лица, вырабатывающие альтернативные управленческие решения, к которым власть не прислушивается [3, с. 7]. Однако такое социальное противоречие более соответствует национально-государственному уровню современного общества. На глобальном уровне обостряется еще более радикальный социальный межцивилизационный антагонизм (вытекающий из международного разделения труда) между населением стран «золотого миллиарда» нашей планеты и развивающимися регионами (цивилизации непрогрессивного типа), где традиционно сильны межплеменные отношения. Так называемая зеленая революция – исламского ренессанса.

Какой же наиболее вероятный сценарий исторического развития можно предположить из вышеописанных сгущающихся противоречий в современном постиндустриальном мире, находящемся на пороге очередной технологической революции (теперь постНТРовской)? История продемонстрировала, что для глобальных технологических прорывов расчищают дорогу масштабные социальные преобразования. Например, промышленной революции предшествовала Английская антимонархическая буржуазная революция. В настоящее время это возможно – так называемый 3-й геополитический передел мира уже XXI века, который покончит с всевластием мировых империалистических монополий. Когда-то в эпоху крушения рабовладельческого строя Восточной Римской империи длительное время удавалось сохраняться в стороне от глобального процесса феодализации, как бы заиклившись в своем развитии в рамках так называемого марксистами «азиатского способа производства». Такой опыт перенял ряд так называемых «восточных деспотий», среди которых не только Индия и Китай, но и Турция, и Россия, и др. Путем использования византийской адаптации и гибкости у России наверняка есть шанс оставаться в стороне от глобальных разрушительных процессов, сопровождающих наступающий очередной передел мира. Ведь удавалось же США и некоторым странам Западной Европы избегать прямых политических потрясений в ходе Первой и Второй мировых войн, используя адаптационный потенциал буржуазной общественно-экономической формации и постиндустриальной цивилизации. Обновленная посткапиталистическая формация, зародившаяся в ходе российских революций, при всех ее недостатках и изначальных крайностях административной экономики, все же должна превратиться в реальную альтернативу ныне господствующей буржуазной социальной формации. В пользу такого предположения говорит наблюдаемая закономерность смещения центра радикальных социальных преобразований мировой цивилизации из регионов Запада (стран прогрессивных традиций – Англии, Франции) в регионы Востока (стран с традиционным циклическим развитием – в Рос-

сию, Китай и др.), а далее – Юга, где традиционно сильны родоплеменные пережитки. Исходя из такой тенденции, логично было бы предположить главный революционный вектор глобального революционного противостояния по линии Юг – Запад.

В этом плане объявление создания современного халифата исламскими фундаменталистами, с идеей проекта новой модели однополярного мира, представляет серьезную опасность для будущего. Ведь таких общественных явлений, как социальные революции, история не отменяла. Меняется только их конкретное проявление, классовая сущность, идеология, символы и цвет: от полового, красного и до зеленого.

Список литературы

1. Боден Л. Социалистическая империя. – 1928. (Плеханова С. «Давно знакомый призрак». – 2003. – С. 11. «*Ступени Оракула*»).
2. Малахов Н.Е. Социальный аспект раскрепощения интеллектуального потенциала ноосферы // Тез. докл. междунар. симп. – Уфа, 2000. – С. 50–52.
3. Малахов Н. Ваш выход, пролетарии интеллектуального труда // Действие. – 1992. – 28 февраля. – № 39 (81).

Малахов Николай Евгеньевич – старший преподаватель кафедры «Правоведение» Академии социальных технологий (г. Уфа), e-mail: MALAH-NIK-47@mail.ru.

Фурман Константин Геннадиевич – студент Одесской национальной морской академии, e-mail: MALAH-NIK-47@mail.ru.

С.В. Нарейкин

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ ГРАЖДАН

В условиях постоянного поиска оптимальных механизмов взаимодействия власти и общества становится актуальным развитие института правотворческой инициативы граждан. Во многих регионах России правотворческая инициатива народа закреплена в уставах и конституциях, без определенного четкого механизма ее осуществления. В настоящий момент право граждан на участие в нормотворческом процессе может быть реализовано наиболее полно на уровне местного самоуправления. В то же время предоставление прав правотворческой инициативы гражданам и упрощение процедуры внесения ее на рассмотрение законодательным органам несет некоторые угрозы с точки зрения эффективности этой деятельности.

Ключевые слова: народовластие, нормотворчество, законодательная инициатива граждан.

S.V. Nareykin

Ural Institute – a Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LAW-MAKING INITIATIVE OF CITIZENS

In the conditions of constant search of optimal mechanisms of interaction between authorities and society becomes actual development of the Institute of law-making initiative of citizens. In many regions of Russia legislative initiative of people enshrined in the Charters and constitutions, without a clear mechanism for its implementation. At the moment the right of citizens to participate in the legislative process can be realized most fully on the level of lo-

cal self-government. At the same time, the granting of rights of law-making initiative of citizens, and simplification of the procedure of paying it for consideration by the legislature bears some of the threats from the point of view of efficiency of this activity.

Keywords: democracy, rule-making, legislative initiative of citizens.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается отдаленность органов государственного и местного самоуправления от населения. Народовластие представляет собой не столько реальные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия его в законотворчестве, сколько декларируемое желание власти вовлечения общества в управление государством.

В условиях постоянного поиска оптимальных механизмов взаимодействия власти и общества становится актуальным развитие института правотворческой инициативы граждан. Особое значение приобретает наличие механизма обратной связи между органами власти и населением в кризисных условиях. В последние годы в российском обществе наблюдается рост инициативности граждан, которые хотят помочь государству в борьбе с кризисными явлениями, увеличивается количество обращений в органы власти, в том числе петиций с законодательными предложениями. Развитие института правотворческой инициативы граждан позволяет выявлять реальные общественные потребности в правовом регулировании тех или иных отношений, учитывать интересы различных групп населения, стимулировать их правовую активность. «В своем большинстве наиболее квалифицированные с точки зрения обеспечения качества законопроекта люди зачастую как раз остаются за бортом полномочных органов, к тому же многие и не стремятся туда. Однако они от этого не остаются равнодушными к тому, какие законы принимаются в государстве по содержанию, а также к качеству актов» [1].

Следует отметить, что в настоящее время институт правотворческой инициативы практически не используется. Механизм

реализации правотворческой инициативы гражданами достаточно сложный и требует много средств, а также усилий инициативной группы по сбору необходимого количества подписей. В то же время внести проект правового акта в законодательный орган субъекта может любой депутат, в том числе по просьбе граждан, и это от него не потребует никаких усилий.

Во многих регионах России правотворческая инициатива народа закреплена в уставах и конституциях, без определенного, четкого механизма ее осуществления. Для полноценного развития этой формы прямого народовластия необходимо принятие на федеральном уровне рамочного закона, который бы детально и качественно урегулировал вопросы реализации правотворческой инициативы граждан. Учитывая развитие информационных технологий, а также тенденции, связанные с развитием «электронного правительства» и «электронной демократии», целесообразно было бы предусмотреть в законе возможность организации процесса выдвижения правотворческой инициативы, обсуждения и сбора подписей в электронном виде. Это позволило бы упростить громоздкую и дорогостоящую существующую процедуру по сбору подписей.

Представительные органы многих муниципальных образований устанавливают невыполнимые для граждан требования к составу сопроводительных документов к проекту нормативного акта, такие как: справка о состоянии законодательства в данной сфере правового регулирования; перечень муниципальных правовых актов, отмены, изменения, дополнения которых потребуют принятие данного муниципального правового акта; перечень муниципальных правовых актов, принятие которых необходимо для реализации данного проекта, если реализация проекта требует принятия муниципальных правовых актов; финансово-экономическое обоснование; заключение о проведении лингвистической экспертизы проекта на предмет соответствия орфографическим, пунктуационным и стилистическим нормам русского языка. Данные требования являются неоправданными с точки зрения реальных возмож-

ностей инициативной группы и ограждают граждан от участия в нормотворческом процессе.

Вместе с тем предоставление прав правотворческой инициативы гражданам и упрощение процедуры внесения ее на рассмотрение законодательным органом несет некоторые угрозы с точки зрения эффективности этой деятельности. «Справедливо полагать, что широкий круг субъектов права нормотворческой инициативы более демократичен, чем узкий, позволяет отражать в нормотворчестве более широкий круг местных проблем. Но справедливо и другое: очень широкий круг лиц, приобретающих такое право, несет в себе двойную угрозу, имеющую результатом при ее реализации полное разрушение системы нормотворчества в муниципальном образовании» [2, с. 6].

Расширение круга лиц, занимающихся нормотворчеством, ведет к снижению качества правовых актов, а в итоге – эффективности всей системы законотворчества. Наделение граждан правами субъекта правотворческой инициативы обрекает органы местного самоуправления рассматривать от проекта к проекту вопросы, имеющие мало отношения к действительным общественным проблемам, а больше отражающие частный интерес. Например, в период выборов с помощью правотворческой инициативы граждане могут осуществлять пиар-акции, когда в целях политической саморекламы организовывается сбор подписей под тем или иным популистским правовым актам. Приведенный пример не отрицает как таковой ценности института правотворческой инициативы в системе народовластия, а демонстрирует разрыв между благими целями демократического общества и действительностью.

Как вариант участия населения в нормотворческом процессе в литературе предлагается использовать конструкцию «идеи законопроекта» [3], которая представляет собой систему суждений о необходимости принятия новых либо изменения действующих правовых актов. Например, если группа граждан, выступающих как «субъект правотворческой инициативы, не располагает возможностью самостоятельно подготовить проект закона» [4], то

предлагается идея законопроекта, на основе которой впоследствии уполномоченным органом будет осуществляться разработка нормативного акта с необходимыми сопроводительными документами.

Эффективное функционирование местного самоуправления является неотъемлемым элементом нашего государства и должно быть основано на разумном сочетании непосредственной и представительной демократии. В настоящий момент именно на этом уровне право граждан на участие в нормотворческом процессе может быть реализовано наиболее полно, что обусловлено самой природой местного самоуправления. Правотворческая деятельность органов местного самоуправления должна выявлять, закреплять и воплощать волю населения муниципального образования. Необходимо усовершенствовать данную деятельность путем развития и распространения различных форм непосредственного участия граждан в ее осуществлении, в результате которых будут приниматься правовые акты в соответствии с волей населения.

Активное и разнообразное участие населения в правотворчестве органов местного самоуправления должно реализовываться на разных стадиях данного процесса в форме правотворческой инициативы граждан, публичных слушаний, совмещенных с общественной экспертизой, собраний и конференций граждан, опросов граждан, обращений граждан в органы местного самоуправления. Нормативное закрепление эффективных механизмов участия населения в правотворчестве органов местного самоуправления будет способствовать развитию демократического гражданского общества, предоставляя гражданам возможность управлять делами государства и защищать свои интересы. Многообразие форм участия населения в правотворческом процессе органов власти позволит надеяться на нераспространение протестных форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, таких как забастовки, шествия, пикеты и т.д.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Общественный фактор в законотворчестве: некоторые проблемы и предложения [Электронный ресурс] // Конституционное и муниципальное право. 2006. – № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Васильев В.И. Местное самоуправление: закон четвертый // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 6.

3. Баранов В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2008. – № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Абрамова А.И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты [Электронный ресурс] // Журнал российского права. – 2006. – № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Нарейкин Сергей Владимирович – магистрант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: torgmotorola@gmail.com.

О.А. Немова

Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина

**СОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ
ПОСТРОЕНИЯ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ**

Основой социальной политики современного российского государства должна стать парадигма социального менеджмента, т.е. построения взаимовыгодных партнерских отношений между государством и обществом. Данная идея является ключевой в Концепции семейной политики в Нижегородской области, принятой Правительством Нижегородской области в 2003 году. Практические позитивные результаты от реализации данной концепции очевидны. Данный опыт необходимо изучить и транслировать, по возможности, в другие регионы страны.

Ключевые слова: социальный менеджмент, семейная политика, семья.

O.A. Nemova

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named Kozma Minin

**SOCIAL MANAGEMENT AS A TOOL
OF PARTNERSHIP RELATIONS
BETWEEN THE STATE AND SOCIETY**

The basis of social policy of the modern Russian state should be the paradigm of social management, i.e. creation of mutually beneficial partnership between the state and society. This idea is key to the concept of family policy in the Nizhny Novgorod region, adopted by the Government of the Nizhny Novgorod region in 2003. Practical, positive results from the implementation of this concept is evident. This experience should be studied and transmit, if possible, in other regions of the country.

Keywords: social management, family policy, family.

Преодоление в России последствий социально-экономического и духовно-нравственного кризиса, вызванного недалёковидной политикой 90-х годов XX века, и обеспечение условий для демографической стабилизации и укрепления института семьи возможно с помощью создания принципиально новой парадигмы взаимодействия государства и семьи, а именно – *социального менеджмента*. Назрела острая необходимость перехода от унижительной и оскорбительной тактики «выживания» семьи в обществе с рыночной экономикой к стратегии гармоничного включения домохозяйства в социально-экономические процессы страны, наделения семьи статусом главного субъекта «второго сектора экономики» – воспроизводства и накопления *человеческого капитала* [3].

Социальный менеджмент выступает как более общее, генеральное понятие по сравнению с «семейной социальной политикой» государства, в соответствии с которой семья выполняет подчиненную, пассивную роль, проявляет «иждивенческий» настрой, ожидая от государства получения очередных финансовых, социальных, жилищных, продовольственных, коммунальных и прочих субсидий.

Никто не спорит, что «*патронатная*» модель взаимодействия семьи и государства необходима и будет актуальна для нашей страны еще многие десятилетия; но акцент в ней должен быть сделан на те семьи и на тех граждан, которые не в состоянии сами себя обеспечить и обслужить. Однако приоритетной должна стать «*мобилизационная*» модель взаимодействия семьи и государства, при которой оба они выступают как *деловые партнеры*, на равных, без обмана и без попыток «урезать», «сэкономить», отнять в одном месте, чтобы прибавить в другом. Считаем необходимым предоставить домохозяйству статус *экономической организации* и нового *субъекта собственности*, чтобы семья могла перейти на *договорные* отношения с государством, как любая обычная организация, фирма, общество с ограниченной ответственностью – с соответствующим финансово-правовым, технико-технологическим производственным сопровождением (банковский кредит, аренда, лицензии, производ-

ство, прибыль, налоги, компенсации, льготы, социальное проектирование, возобновление цикла). Необходимо дать людям возможность заработать, обеспечить себе достойный уровень жизни.

Социальный менеджмент направлен на реализацию предпринимательского потенциала экономически активного населения на основе организации малого семейного бизнеса как вида самоорганизации, самозанятости и самообеспечения семьи высокими доходами [4].

Речь идет о налаживании оптимального производства, справедливового распределения и рационального потребления материальных, социальных и духовных благ. В городах это может быть франчайзинг, венчурный бизнес по производству товаров, продуктов, оказанию населению деловых, интеллектуальных, образовательных, воспитательных, медицинских, хозяйственно-технических услуг. В сельской местности – это организация крестьянского (фермерского) подворья, восстановление разного вида сельхозкооперации: снабженческой, маркетинговой, сервисной и др.

Таким образом, социальный менеджмент объединяет усилия всех трех секторов современной экономики – государственного, рыночного и «общественного» (самозанятости и самообеспечения населения).

А каково место «семейной социальной политики» в этом алгоритме? Она выполняет функцию социально-экономического инструментария и предполагает дифференцированный подход к субъектам насыщения рынка товарами, продуктами, услугами и к субъектам рынка занятости. Одному типу семьи потребуется *социальная амортизация*, другому – *социальная адаптация*, третьему – *социальная реабилитация*. В программы семейной политики на федеральном и региональном уровнях должны быть заложены «мини-программы» для семей работающих и семей неработающих. Каждому человеку, таким образом, должен быть предоставлен шанс на самореализацию.

Возвращение России к либерально-рыночной модели экономического развития способствовало возрождению семейного биз-

неса. Можно сказать, что сейчас наблюдается развитие семейного бизнеса. Основным преимуществом семейного бизнеса является высокая степень доверия, что резко снижает риски развала бизнеса или недополучения прибыли. Еще одним преимуществом семейного бизнеса является то, что на стадии становления семейного бизнеса родственники в расчете на общую будущую прибыль готовы работать бесплатно или за небольшую плату. С родственниками всегда гораздо проще договориться, чем с человеком, не принадлежащим к семейной группе. Специалисты отмечают, что наличие семейного бизнеса значительно укрепляет семью, ее основу – систему духовно-нравственных взаимоотношений как между супругами, так и всеми остальными членами семейной группы, гражданско-правовую ответственность перед обществом.

История знает немало примеров удачного ведения семейного бизнеса. Семейную историю имеет множество фирм и торговых марок, известных по всему миру, среди них: Oral-B, Siemens, Adidas, Samsung Electronics и др.

Рост семейного предпринимательства в последние годы является стихийным, скорее не благодаря, а вопреки всему. На отсутствие какой-либо государственной поддержки малого бизнеса указали респонденты-предприниматели, принявшие участие в авторском социологическом исследовании. Между тем поддержка со стороны государства данных инициатив могла бы помочь в решении многих социально-экономических, духовно-нравственных и демографических проблем [5]. Современная социальная политика российского государства в основном сориентирована на оказание помощи малообеспеченным и многодетным семьям, а также неполным семьям. Однако данные социальные категории не способны в достаточной степени решить обозначенные выше проблемы. Основной поток инвестиций должен быть направлен на помощь крепкой, здоровой, полной, успешной семье [2]. Концепция семейной политики была разработана временным творческим коллективом нижегородских ученых (З.Х. Саралиева, Т.В. Свадьбина, А.Б. Любимова и др.) и утверждена Правительством Нижегород-

ской области Постановлением № 371 от 23 декабря 2003 года. Этот стратегический документ является базовым для осуществления системных изменений в Нижегородской области, направленных на укрепление социального института семьи через реализацию комплекса мер экономического, социального, информационно-пропагандистского и организационного характера. Основной акцент в Концепции семейной политики был сделан на поддержку и повышение социального статуса успешной семьи. Особое внимание в данной Концепции уделяется проблемам необходимости создания режима максимального благоприятствования для развития семейного предпринимательства. На основе данного документа по настоящее время создаются и принимаются нормативно-правовые акты в региональных и муниципальных центрах Нижегородской области.

Особое внимание необходимо уделить четырем областным целевым программам (ОЦП), разработанным в рамках реализации основных положений Концепции семейной политики:

- ОЦП «Нижегородская семья»;
- ОЦП «Молодежь Нижегородской области»;
- ОЦП «Меры социальной поддержки молодых специалистов Нижегородской области»;
- ОЦП «О дополнительных мерах, направленных на снижение напряженности на рынке труда Нижегородской области в 2011 году».

Указанные выше ОЦП показали свою высокую практическую значимость и получили заслуженное доверие со стороны общества. Благодаря реализации данных программ удалось достичь следующих результатов:

– сократилась численность безработных за счет содействия Управления государственной службы занятости Нижегородской области в организации самозанятости граждан [1]. На организацию собственного бизнеса выделялись материальные средства, оказывалась консультационная помощь.

– была осуществлена материальная и жилищная поддержка молодых специалистов;

– были обеспечены жильем молодые нижегородские семьи. К примеру, в 2011 году 194 семьи получили социальные выплаты на приобретение жилья; 142 семьи улучшили жилищные условия; 9 молодых семей получили дополнительные социальные выплаты при рождении ребенка [1];

– было трудоустроено благодаря использованию возможности квотирования рабочих мест для инвалидов, а также работников моложе 18 лет 388 человек, в том числе 20 родителей, имеющих детей-инвалидов, и 58 многодетных родителей и т.д. [1].

Кроме того, мы считаем уникальным нижегородский опыт организации конструктивного взаимодействия основных агентов социализации подрастающего поколения, а именно – семьи, школы, государства, общественных организаций и СМИ. Координатором и идейным вдохновителем данного процесса является руководитель городской научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи при Департаменте образования Н. Новгорода, заслуженный работник культуры, почетный гражданин Н. Новгорода – Надежда Николаевна Белик. Авторы данной монографии также принимают активное участие на безвозмездной основе во всех видах деятельности лаборатории. Деятельность городской научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи направлена на обеспечение научно-методического сопровождения дальнейшего совершенствования семейного воспитания, оказание всесторонней помощи муниципальным образовательным учреждениям в реализации Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2017 годы, федеральных государственных образовательных стандартов, Указа президента РФ «Национальная стратегия действий в интересах детей РФ».

Городской научно-практической лабораторией ежегодно проводятся следующие мероприятия:

– родительская конференция «Социальное партнерство семьи и школы «Во имя ребенка» с участием городской администрации, городского департамента образования, городского «Союза отцов», городского родительского совета;

– городской ежеквартальный семинар председателей методических объединений классных руководителей в МБОУ «Совершенствование условий воспитания детей в классном коллективе в свете ФГОС и Указа президента „Национальная стратегия действий в интересах детей РФ до 2017 года“»;

– городской семинар руководителей методических объединений учителей начальных классов «ФГОС и создание условий для формирования у учащихся осмысления базовых национальных ценностей, гражданской идентичности и нравственной культуры».

– городские педагогические чтения «Развитие личности ребенка в условиях школьного, семейного и дополнительного образования», которые проводятся на базе НГПУ им. К. Минина. Целью чтений является активизация учительских коллективов классных руководителей, родителей, методистов в поисково-исследовательской деятельности новых технологий и методик социального и гражданского становления личности учащихся, нравственного самосовершенствования, самореализации в учебной и общественной деятельности.

В целом мы считаем, что реализация Концепции семейной политики в Нижегородской области ведется достаточно успешно и требует дальнейшего развития. Семейная политика в современном обществе должна быть нацелена на создание партнерских отношений между государством и семьей. В данном контексте социальный менеджмент позволяет объединить усилия всех трех секторов современной экономики: государственного, рыночного и «общественного» (самозанятости и самообеспечения населения).

В качестве практического примера социального менеджмента может служить реализация в течение 10 лет Концепции семейной политики в Нижегородской области и опыт городской научно-практической лаборатории по проблемам воспитания и семьи.

Статья выполнена на средства гранта РГНФ, проект № 13-03-00442.

Список литературы

1. Доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Нижегородской области в 2011 году [Электронный ресурс] / Правительство Нижегородской области. – URL: <http://www.government-nnov.ru/?id=109849> (дата обращения: 15.06.14).

2. Концепция семейной политики в Нижегородской области. [Электронный ресурс] / Правительство Нижегородской области. – URL: <http://www.government-nnov.ru/> (дата обращения: 15.06.14).

3. Немова О.А., Пакина Т.А., Ретивина В.В. Роль семьи в формировании трудовых установок студенческой молодежи: монография. – Н. Новгород: Поволжье, 2013. – 150 с.

4. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семья и государство в контексте социального менеджмента // Социология в системе научного управления: материалы IV Всерос. социол. конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 994–995.

5. Немова О.А. Экономика семейного домохозяйства как важнейший фактор здоровья и благополучия российского социума // Региональная экономика: теория, проблемы, практика: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Владимир, 2010. – С. 259–261.

Немова Ольга Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Экономика предприятия» Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (г. Нижний Новгород), e-mail: nhl_list@list.ru.

П.А. Никитин

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

**МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Освещена проблематика, связанная с организацией и развитием политических интересов молодежи, рассмотренная через призму опыта Китая и Германии.

Ключевые слова: молодежь, государственная политика, зарубежный опыт, политические организации, Россия.

P.A. Nikitin

Ural Institute of Management – a Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg

**YOUTH IN POLITICS:
FOREIGN EXPERIENCE**

Content moment of this work, is the issue associated with the organization and development of political interests of youth, viewed through the prism of experience of China and Germany.

Keywords: youth, public policy, foreign experience, political organization, Russia.

Доступность СМИ, различные возможности реализации и поиска себя, новые технологии и инновации существуют наряду с кризисом политической системы, экономической и социальной нестабильностью, мировой террористической угрозой. Современная российская молодежь старается найти способы защиты своих прав и интересов путем различных институтов и организации – от органов школьного и студенческого самоуправления до молодежных

парламентов, молодежных правительств и различных общественных организаций. Также возрастает процент участия молодежи в политических организациях. Молодые люди все чаще заявляют о желании строить новую страну, новую экономику, новую политику [1].

Сегодня ожидания общества по отношению к молодежи и молодежи по отношению к обществу равнозначно велики. Низкий уровень политической социализации, гражданской культуры и патриотизма вызывает тревогу у старших поколений. Молодежь ждет поддержки государства и общественности, нуждаясь в развитии дополнительных организаций и институтов по воспитанию политической грамотности, повышению политического и социального участия.

По мнению И.М. Ильинского, уместно говорить о принципиально новой молодежи, которая открыта новому, не заиклена на старом, активно стремится к самоутверждению и самореализации.

Молодежь – это жизненная сила общества, сгусток энергии, нерастраченных интеллектуальных и физических сил, требующих выхода. В молодости человек наиболее способен к творческой деятельности, к формулировке эвристических подходов, максимально работоспособен [2].

С приходом к власти Владимира Путина молодежному участию в политике уделяется больше внимания, но правящие круги скорее манипулируют, чем сотрудничают. Отсутствует четкая и содержательная структурированная молодежная политика, молодежные структуры и организации, существует проблема низкого финансирования молодежных общественных организаций и молодежных социально-политических проектов.

В целях понимания уровня и доли участия российского государства в жизни молодежи и наоборот предлагаем рассмотреть опыт азиатских и европейских соседей на примере таких стран, как Китай и Германия.

В Германии насчитывается около 90 межрегиональных молодежных организаций и союзов, в которых состоит примерно 25 % молодого населения государства. В молодежной работе государст-

во уступает место союзам, обществам, религиозным объединениям, фондам и другим независимым организациям, благодаря чему создается широкий спектр предлагаемых услуг [3]. Германия является примером страны, где молодежная политика строится по принципу «от общественного участия к политическому». Обеспечивая потребности молодежи на уровне некоммерческих организаций и объединений, правительство выполняет две задачи: создает благоприятные условия для развития потенциала молодого поколения и удерживает молодежь от вмешательства в политические процессы. Структурой, объединяющей молодежные организации, является Федеральный совет молодежи. В его состав входят 24 молодежные организации, 6 региональных и 5 филиальных подразделений. Члены Совета активно участвуют в решении насущных вопросов и проблем, представляя свои интересы не только перед общественностью, но и перед членами Совета, для получения дополнительного финансирования из бюджета.

Интерес для нас также представляет молодежь азиатской страны – Китая. Государственная молодежная политика КНР осуществляется в полном соответствии с решениями Коммунистической партии Китая, которая уделяет достаточно большое внимание жизни китайской молодежи, понимая, что именно молодежь несет в себе мощный потенциал развития страны. Главным принципом молодежной политики Китая является трудовая этика, в основании которой лежит вовлеченность молодежи в экономико-трудовую деятельность. Кроме того, члены Коммунистического союза молодежи руководят работой детской Пионерской организации Китая. Безусловно, данный опыт довольно интересен для российской молодежи, которая не застала или уже не помнит времена пионеров и комсомольцев.

Система отношений между комсомольской и пионерской организациями напоминает пионерско-комсомольскую систему Советского Союза. Единственным исключением в структуре молодежных организаций можно считать наличие альтернативных организаций.

Заметим, что все молодежные организации Китая объединены во Всекитайскую федерацию молодежи (ВМФ), которая основана в мае 1949 года. ВМФ – объединенная организация разных молодежных коллективов, костяком которой является КСМК, организация широкого патриотического единого фронта молодежи разных национальностей Китая. В ВМФ сегодня входят: Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская христианская ассоциация молодых людей, Всекитайская христианская ассоциация молодых женщин, Всекитайская федерация студентов, Столичная ассоциация молодых редакторов и журналистов, Всекитайская ассоциация молодежи доброй воли, Общество китайской молодежи по содействию хозяйственному развитию, Всекитайское общество по изучению проблем молодежи и многие другие [4].

В России с 21 мая 2012 года вопросами молодежи занимается Министерство образования и науки, в ведение которого также входят Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь» и Департамент дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики. Молодежная политика реализуется с помощью ряда целевых программ, таких как «Молодежь России», «Стратегия государственной молодежной политики до 2016 г.» и др. В данных документах закреплены правовые, организационные и экономические формы участия молодежи в жизни страны [5].

Анализируя опыт азиатских и европейских стран таких, как Китай и Германия, можно прийти к следующим выводам, что при растущем внимании современной молодежи к политике имеет смысл рассмотреть идею создания Союза политической молодежи, взяв за основу слаженно функционирующую немецкую модель. Данный институт позволил бы объединить существующие молодежные политические организации, структурировать и контролировать их деятельность, равномерно распределять финансовые ресурсы и оказывать информационную поддержку.

Д.В. Грынов и В.Т. Шапко замечают, что основной интерес молодежи к политике на сегодняшний день – информационный. На наш взгляд, разрешение проблемы информационного дефицита

позволит создать на федеральном и региональном уровнях Единый информационный центр, объединяющий все молодежные и детские организации различной направленности.

В странах Азии основной акцент молодежной политики делается на гражданско-патриотическое воспитание, включение молодежи в социально-политические институты, а также участие молодежи в политических процессах. В европейских же странах молодежь включается в политику не столь активно, так как уровень доверия к властям достаточно низкий, что также может являться показателем нестабильности демократических институтов. Тем не менее государственные структуры делают возможным участие молодежи в различных общественных организациях, объединениях и движениях как основных субъектах общественного участия. Молодежная политика подкрепляется не только внутригосударственными законами и актами, но и международными конвенциями.

Еще одним немаловажным фактом является то, что молодежные организации как европейских, так и азиатских стран существуют десятилетиями и не утрачивают своей актуальности и исторической принадлежности. Практика преемственности и непрерывности в любых исторических обстоятельствах неизменно приводит к результату [6]. Россия в области молодежной политики отстает и от европейских, и от азиатских стран. Государство не в состоянии обеспечить молодежи необходимый уровень участия, молодежь не чувствует свою зависимость от государства, причастность к государственной молодежной политике, не делает весомый вклад в функционирование публичных институтов, а значит, не может участвовать в становлении демократических ценностей.

Список литературы

1. Вишневский Ю.Р., Трынов Д.В., Шапко В.Т. Гражданская культура студентов: тенденции и проблемы формирования // Социология молодежи. – 2009. – № 4. – С. 108–117.

2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – 696 с.

3. Канунников К.С. Концепции европейской государственной молодежной политики: тенденции и основные направления // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 12. – С. 19–22.

4. Коммунистический союз молодежи Китая [Электронный ресурс]. – URL: dvizhenie/kommunisticheskie-partii/kommunisticheskii-souz-molodezhi-kitaya.html (дата обращения: 05.06.2014).

5. Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fadm.gov.ru/about/mission> (дата обращения: 05.06.2014).

6. Молодежная политика: европейский опыт: доклад Института Европы РАН № 163. – М.: ИЕ РАН «Огни ТД», 2005.

Никитин Павел Алексеевич – магистрант кафедры «Государственного и муниципального управления» Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: nik_pavel@bk.ru.

С.П. Пармонова, Ю.В. Сунцов
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

ГРАЖДАНСКОЕ СОЗНАНИЕ ГРУПП ОБЩЕСТВА

В статье обозначено место в системе социального знания исследуемой конкретной проблемы гражданского самосознания в определяющем контуре сферы гражданского сознания. Сравняются европейская уравнивающая демократия и восточный патернализм как тип гражданского самосознания. Для этого в результате исследования выявлено три группы гражданского сознания: активная, адаптивная, индифферентная, пропорции которых неодинаковы.

Ключевые слова: политическая адаптация, индифферентность и политический инфантилизм, общественные объединения и местное самоуправление, политическая культура, политический процесс.

S.P. Paramonova, U.V. Suntsov
Perm National Research Polytechnic University

CIVIL CONSCIUSENESS GROUPS SOCIETY

The article has been researched the problem of civil consciousness in social knowledge in the sphere of civil circuit which consciousness. Compare European democracy and the equalizing East paternalism as a type of civic awareness. This study identified three groups of civil consciousness: active, adaptive, indifferentna, whose proportions vary.

Keywords: political adaptation; democracy and paternalism, the civilian protest, indifference and political infantilism, associations and local self-government, political culture, political process.

Важнейшим ресурсом общества, его социальным капиталом, имеющим вполне реальную экономическую оценку, является духовное здоровье этнонации, сплоченная организация, осознающая свои задачи и цели. Духовная сплоченность рождается из ценност-

но и разумно обоснованной идеологии, которая должна наполнять человека оптимизмом, рождать энтузиазм и формировать устойчивые эмоциональные установки для созидания и творчества, для продолжения жизни социума. Российскому обществу следует восстановить себя как нацию с духовным стержнем и волей к историческому бытию, обрести высший смысл своего существования, становясь субъектом социального процесса. Это возможно лишь при обращении к гражданскому сознанию, уходящему корнями в коллективистскую этническую субкультуру, нарабатанному в недавнем прошлом политическому потенциалу гражданского сознания, сложившихся отношений и новым формам самоорганизации в СССР/России. Гражданское общество – это общество, вступающее в диалог с властью на любой стадии зрелости по поводу политических, экономических, культурных отношений между индивидами и государством. В современном демократическом обществе свободно развивается *публичная сфера* (в отличие от приватной), формируемая через сферу массовых движений, партий, группировок, ассоциаций по интересам и убеждениям. *Гражданское сознание* выражается в понимании политической ситуации. В духовной деятельности людей в гражданском сознании отражаются потребности, интересы, ценности различных социальных групп, классов, наций, сообществ. Если в системе западной демократии это уравнивающие все нации отношения, то на Востоке, патерналистские, оберегающие малые этносы, и в принципе – все живое. *Гражданское самосознание* выражает наличествующий уровень индивидуального и общественного сознания, совокупность групповых чувств, ценностных ориентаций и идеалов, представлений о соотношении политики государства и личностных, групповых, институциональных целей, возможных путей и средств их достижения. *Гражданское поведение* достаточно вариативно, оно развивается и проявляется в ходе коммуникаций, подвержено идеям, чувствам, настроениям, поэтому носит политический, социально-психологический и социально обусловленный характер.

Объект исследования составили группы старшего работающего поколения и студенческая молодежь трех регионов РФ: Сибири, Урала, Центра европейской части России. *Предмет исследования* – гражданское самосознание исследуемых групп. *Методика исследования*: анкетный опрос респондентов по социальным группам трех обозначенных регионов РФ.

Введение в научный оборот термина «гражданское самосознание» произошло в конце 1980-х – начале 1990 годов, когда общепринятые в стране представления о характере отношений государства и общества, ценностей и идеологии с позиций марксовской концепции общества были отброшены и заменены сорокинскими представлениями, бердяевскими работами о русском народе [1]. С начала 1990-х годов проблема гражданского самосознания изучалась в рамках определения сущности гражданского общества [2–4]. В данных работах преобладает детерминистский подход, утверждающий мысль о том, что гражданское самосознание является производным социальным процессом от уровня развития гражданского общества. В процессе осмысления элементов управления гражданским обществом на постсоветском пространстве формируется знание о постсоветских элитах [5, 6]. Часть исследований приобретает эмпирический социологический характер: исследуется реакция органов власти на проявления гражданской активности. Исследования Левада-центра ориентированы на сценарный вариант перспективного развития гражданского самосознания [7]. Следующее направление носит практико-ориентированный характер. Оно нацелено на изучение гражданского самосознания с позиций общественных практик местного (муниципального) гражданского самоуправления [8–12]. С позиций гражданской идентичности и ценностных установок проводятся социологические исследования [13, 14]. Современные западные исследователи Дж. Алмонд и С. Верба изучают вопросы развития гражданского самосознания с позиций гражданской культуры переходного состояния российского общества [15].

Гражданское самосознание – форма политической ответственности политических партий и ее лидеров перед населением страны, а поселенческих общностей – за свершающуюся внутреннюю и внешнюю политику. Гражданское самосознание народа «замирает» в мирное время, вспыхивая лишь в пограничных ситуациях разнузданного поведения мигрантов (Кандопога, Москва, Бирюлево, Карагай). Гражданское сознание обнаруживает себя в экстремальных ситуациях, складывавшихся в Афганистане, Чечне, Крыму, Украине.

С целью определить некий континуум гражданского самосознания мы предлагаем выделить три дифференцированных типа по данному признаку, учитывающему сознание и поведение личности, определить их различие в отношении к социальной реальности. Для этого мы сформатировали укрупненные характеристики типов гражданского самосознания. К активному типу мы отнесли лидеров и фаворитов, к «адаптанту» как типу – конформистов и маргиналов, к индифферентному в политике типу – аутсайдеров, «отверженных» и индивидов «с верой в себя»¹.

Активный тип гражданского самосознания ориентируется на поистине заинтересованное участие в политической и общественной жизни общества. Люди данного типа личности призваны окружением и самосознанием не только к тому, чтобы получить что-то от политической системы, но в первую очередь к тому, чтобы повлиять на стихию дисфункций: не стоять в стороне от творимой несправедливости, отката от реальной демократии, латентно и от-

---

¹ В панельном исследовании «Социология фаворитизма» сравниваются данные результатов опросов 2003–2006 годов $N = 1027$ и 2011–2012 годов $N = 553$. Опросы проведены автором в Соликамске, Перми и городах Пермского края, также при поддержке коллег из городов Российской Федерации: Барнаул – проф. А.А. Удоденко, доц. Н.А. Цыганенко, Москва – доц. М.Н. Рыбакова, менеджер Л.П. Цыбрюк, Череповец – доц. О.Ю. Солодянкина, Саров – чл. Союза писателей РФ Л.П. Ковшова, ст. инженер Н.В. Болденкова, Соликамск – проректор СГПИ, доц. – Г.А. Лебедева, доц. Березниковского филиала УрГЭУ – В.В. Шилов. Проект поддержан деканом гуманитарного факультета ПНИПУ, проф. В.Н. Стегним. В целом $N = 1580$.

крыто действующего института коррупции, а обращаться в суд, отстаивать права свои и сограждан. К власти *активный тип гражданского сознания* относится не только как к коммуникативной необходимости – подчинения ее предписаниям, но как потребности участия в процессе внесения своих инициатив (предложений и выполнения решений). Представители данного типа активно участвуют в предвыборных кампаниях. Они являются членами тех или иных политических партий, общественных организаций, участвуют в митингах, акциях. Отнюдь не спонтанно, но регулярно такой тип личности следит за политическими событиями через СМИ: просматривает новости, передачи политического цикла по телевидению, активно читает прессу. Более того, в поведенческих формах индивиды данной группы гражданского самосознания в своей профессиональной группе выступают на конференциях, собраниях общественности, публикуются в печати.

Ответы респондентов на вопрос: «Что можно ожидать в ближайшие 5–10 лет в России?» [2012. N = 553, %]

Прогноз состояний на ближайшие 5–10 лет в России	2012 N = 553	Типы гражданского самосознания (2012)		
		Активный	Адаптивный	Индифферентный
		N = 68	N = 268	N = 217
1. «Утечка» умов (образованных людей) из России	14,5	14,2	14,3	15,1
2. Экономические потрясения	13,8	14,0	14,2	12,8
3. Рост безработицы	11,4	10,1	14,2	10,0
4. Экологические катаклизмы	9,0	8,7	9,3	9,1
5. Международная напряженность	7,6	7,0	8,5	7,4
6. Социально-политический взрыв	8,2	8,9	6,6	9,3
7. Технические катастрофы	7,4	7,2	6,7	8,3
8. Усиление миграции рабочих в Европу	5,2	5,1	5,5	5,1
9. Рост долгов населению	4,9	5,1	4,4	5,1
10. Усиление капитализма	4,0	4,3	3,6	4,3

Окончание таблицы

Прогноз состояний на ближайшие 5–10 лет в России	2012 N = 553	Типы гражданского самосознания (2012)		
		Актив- ный	Адап- тивный	Инди- ферент- ный
		N = 68	N = 268	N = 217
11. Страна выйдет из кризиса	3,7	3,9	3,4	3,9
12. Страна придет к стабильности, все будет в «шоколаде»	3,0	3,4	2,4	3,4
13. Рост демократии	2,1	2,5	1,5	2,5
14. Укрепление законности	1,9	2,0	1,8	2,0
15. Возможно возрождение совет- ской власти	1,7	1,9	1,4	1,9
16. Укрепление сельского хозяйства	1,6	1,3	2,2	1,3
17. Укрепление личной безопасно- сти	0,7	0,7	0,8	0,7

Готовность к политически активному поведению, которое может как осуществляться в рамках традиционных политических организаций и структур, так и вызвать формирование новых политических объединений и структур, создает картину рассогласованных гражданских политических движений. Данный тип активной политической ориентации является чрезвычайно разнородным и по целям, и по спектру методов деятельности, организационному оформлению политических действий. Многие определяются в современной России социальной памятью поколений, мерой научного гуманитарного знания, интенсивным воздействием СМИ на массовое сознание, активно использующих PR-технологии, делающих упор на исторические обиды, на разжигание национальной нетерпимости в условиях различий этнонационального состава российского общества (тип составляет от 12,3 % респондентов).

Адаптивный тип гражданского самосознания отличается ориентацией социальных субъектов на политическую систему и результат деятельности властей, но слабым участием в обеспечении функционирования этой системы. Он осознает существова-

ние специализированных политических институтов, выражает негативное отношение к ним, но не склонен принимать участие в политической деятельности. От власти люди такого типа ожидают либо приказов, либо благ. Представители адаптивного типа ходят на выборы, но не регулярно, по настроению. Смотрят новости и обсуждают в узком кругу сотрудников и друзей. Политическую прессу читают избирательно (любимые журналы и правительственные газеты). Телевидению и радио «адаптант» предпочитает Интернет. Чаще всего происходит уход в свой профессиональный вид деятельности. Социальные проблемы общества рассматриваются как неизменное зло, и полагается, что в этих мутных потоках перемен нужно уцелеть самому и помочь своей семье. У большинства данной группы вся энергия уходит в обустройство своей рекреационной зоны, в повседневность евроремонт, дач, личного транспорта, обновления средств ИТ: компьютеров, мобильных, айфонов, планшетов. Технологичность подменяет содержательность. Патриотизму противостоит космополитизм в ценностном сознании. Ценности творчества сопряжены со скептическим отношением к миру и ценностями самоутверждения. Контакты с политической властью неизбежны, но нежелательны (тип составляет 48,5 % респондентов).

Индивидуальный тип гражданского самосознания. Отличительной чертой данного типа является полное отсутствие интереса к политическим институтам, к центральным властям. Он не смотрит политические программы, не читает газет, не состоит в каких-либо организациях. Показывает очень низкие политические знания, в настоящем времени реже других типов по политическому гражданскому сознанию ходит на выборы всех уровней и считает, что за него и так уже все решено.

Отчуждение от политической жизни в современной Российской Федерации проявляется в ориентации на политически пассивное поведение, в рамках которого личность не чувствует себя субъектом гражданского политического процесса и не стремится быть носителем активности. В рамках такой ориентации осущест-

вляется чисто принудительный контакт с политической властью. Социальные перемены рассматриваются как необходимые и желательные, но происходящие будто бы сами по себе, без активных и целенаправленных усилий субъекта. Господство подобной ориентации оборачивается в конечном счете утратой возможности влияния на социально-политические процессы и события в обществе (тип составляет 39,2 % респондентов).

Таким образом, в политическом гражданском сознании в первую очередь обозначена проблема растраты интеллектуального потенциала страны, определяющая перспективу страны среди стран мирового сообщества и обеспечивающая защищенность общества внутри страны. Проблемой, связанной с *саморазвитием* общества, обеспокоены все респонденты независимо от типа гражданского самосознания (таблица). Проблема *самосохранения* общества в качестве дисфункций на первое место выдвинула *сохранение живого*: прогнозируемые экономические потрясения, рост безработицы, экологические катаклизмы. Из-под научного и экспертного контроля управляющих структур передвинулись в сторону стихийного развития социально-технические процессы в обществе. В целом из восьми предложенных позитивных перспектив государственного управления выборы не составили и шестой части среди прогнозов. При этом *социальная напряженность* в осознании социально-технической и прогностической ситуации смещается в сторону больших групп, так называемых «адаптантов» и «индифферентных» групп по типу гражданского самосознания. Массы, в отличие от лидеров, встревожены по поводу международной напряженности. «Адаптивные» и «индифферентные» группы по типу гражданского самосознания по сравнению с лидерствующими элитными группами значительно больше беспокоит вероятность социального взрыва.

Список литературы

1. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. – М.: Наука, 1990.
2. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. – М.: МШПИ, 2008.
3. Ионин Л.Г. Теоретические вопросы гражданского общества. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. – М.: Вершина, 2008.
4. Мотрошилова Н.В. О современном понятии «гражданское общество» // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 30.
5. Мохов В.П. Власть, государство и элиты в современном обществе // Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации: сб. науч. тр. 2-го Всерос. науч. сем. [г. Санкт-Петербург, 16–18 октября 2003 г.] / под ред. А.В. Дуки, В.П. Мохова; Рос. акад. наук; Социол. ин-т, Перм. гос. техн. ун-т, Центр элитологических исследований; – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2005. – 218 с.
6. Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2000. – 204 с.
7. Исследования Левада-центра [Электронный ресурс]. – URL: www.levada.ru (дата обращения: 20.09.2012).
8. Антипьев К.А. Местные сообщества, как основа местного самоуправления: монография. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013.
9. Коновалова Л.Н., Якимец В.Н. Гражданское общество и неправительственные некоммерческие организации. – М.: ГУУ, 2002.
10. Социология города (Заметки по социологии города) / сост. С.П. Парамонова. – Пермь: Пресстайм, 2007.
11. Штепа В.В. Россия – 2030: Голограмма «Russia». От трехмерной иллюзии к гражданскому самоуправлению // Свободная пресса. – 2010. – 19 декабря.

12. Чупринина Ю. Автогражданское общество // Итоги. – 2006. – № 8 (506).

13. Павлюченкова Ю. Особенности формирования гражданского самосознания российской молодежи // Власть. – 2007. – № 10.

14. Туракина Т.Н. Гражданское самосознание в российском обществе: социально-политическое значение в модернизационных процессах: автореф. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2012.

15. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton University Press, 2011.

Парамонова Светлана Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: spp45@mail.ru.

Сунцов Юрий Владимирович – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, e-mail: Suntsov83@mail.ru

В.Д. Разинская

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ СТУДЕНТОВ

На основе методологии М. Вебера разработана теоретическая типология социокультурной дифференциации. Эмпирически построены социокультурные типы студентов по критерию традиционный/современный. Зафиксирована тенденция увеличения удельного веса типов, содержащих современные характеристики в различных группах студентов. Установлена связь между условиями социализации студентов и степенью усвоения ими современных ориентаций и установок.

Ключевые слова: идеальный тип, «дух» капитализма, традиционализм, социокультурная дифференциация, социокультурный тип, маргинальность, социализация.

V.D. Razinskaya

Perm National Research Polytechnic University

SOCIOCULTURAL TYPES OF STUDENTS

Based on the methodology developed by Weber theoretical typology of sociocultural differentiation. Empirically constructed sociocultural types of students by traditional / modern. Fixed proportion of the trend type, containing modern characteristics in different groups of students. The connection between the conditions and the degree of socialization of the students assimilate modern orientations and attitudes.

Keywords: the ideal type, the “spirit” of capitalism, traditionalism, social and cultural differentiation, socio-cultural type, marginality, socialization.

При изучении социокультурной дифференциации студентов в качестве теоретико-методологической основы нами была применена концепция идеальных типов, являющаяся ядром научно-исследовательской доктрины Макса Вебера.

Трактовка М. Вебером понятия «идеальный тип» неоднозначна. С одной стороны, он определяет идеальный тип как мысленный образ, который «в реальной действительности ... в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это утопия» [1, с. 581]. Следовательно, он не извлекается из реальности, а конструируется как теоретическая схема. С другой стороны, далее он утверждает, что «в каждой такой утопии действительно отражены известные, значимые ... черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе [1, с. 582]. А это значит, что идеальные типы все-таки берутся из реальности, правда, посредством мысленного выделения, усиления и преувеличения тех элементов, которые представляются исследователю типическими.

Для разрешения данного противоречия М. Вебер разграничил исторический и социологический идеальные типы. Если исторический (генетический) идеальный тип – это средство причинного анализа индивидуальных исторических явлений, локализованных в пространстве и времени, то социологический идеальный тип, более общий, «чистый», является средством установления общих правил событий безотносительно к их пространственно-временному определению [2, с. 105].

В целом идеальные типы служат методологическим инструментом социального познания. Сравнение исследуемых явлений с идеальными типами как некоторыми эталонами позволяет выявить степень отклонения или приближения к ним эмпирической реальности. Они дают возможность классифицировать факты и обладают объяснительными способностями.

М. Вебер использовал свою концепцию для разработки различных типологий. Для нас особый интерес представляют выделенные им при изучении процесса становления капитализма в Западной Европе два противоположных культурных явления, два идеальных типа – «дух» капитализма и традиционализм. «Дух» капитализма – это ... такой строй мышления, для которого характерно «представление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек ... ощущает по отношению к своей

«профессиональной деятельности» ... систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии» [3, с. 76, 85]. Подразумевалось также наличие у людей таких качеств, как трудолюбие, бережливость и умеренность в потреблении, обязательность в деловых отношениях. Тем самым протестантская религия устанавливала этические рамки для получения прибыли. Сущность традиционализма состоит в том, что человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги... а хочет просто жить..., как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни» [3, с. 81]. Поэтому экономические стимулы не способствовали повышению производительности труда. Важно подчеркнуть, что М. Вебер наряду с чистыми типами допускал существование «смешанных» типов.

Данные культурные явления соотносятся с определенными социальными группами: «Дух» капитализма характерен для предпринимателей, а традиционализм – для наемных работников. Но в то же время Вебер прослеживал различия такого рода и внутри этих групп. Поэтому, по нашему мнению, речь идет не столько о чертах реально существующих групп, сколько о социокультурных типах личности. Социокультурный тип личности – это специфическая и устойчивая система ориентаций, установок, норм и соответствующий им характер социального поведения.

Поскольку в России тоже происходит становление капитализма, хотя и в иных исторических условиях, мы предположили, что, типы, схожие в какой-то степени с веберовскими, могут быть обнаружены и у нас. В связи с этим разработана теоретическая типология социокультурной дифференциации российского общества с учетом исторических особенностей развития нашей страны и особенностей современного переходного этапа. Были выделены следующие типы: современный, традиционный и промежуточный маргинальный.

Для традиционного типа характерно неприятие инноваций, в том числе рыночных отношений и активных субъектов рынка – предпринимателей. Предпочтение отдается привычному труду. Отсутствует установка на интенсивный труд при невысоких матери-

альных запросах. В политике он ориентирован на сильную власть, твердый порядок. Распространены патерналистские настроения.

Современный тип отличается высокой подвижностью ценностей и поведения, что способствует быстрой адаптации к меняющимся условиям жизни и восприимчивости к инновациям. Положительное отношение к происходящим преобразованиям вызывает стремление максимально использовать новые возможности. Это проявляется в ориентациях на самореализацию и самоутверждение в интенсивной профессиональной деятельности, в том числе предпринимательской, на достижение высокого материального положения и высокого социального статуса в целом. Такие личные качества, как самостоятельность, инициативность, ориентация на собственные силы, рациональная мотивация труда и межличностного общения, свидетельствуют о преобладающей саморегуляции поведения.

Маргинальный тип несет в себе противоречия переходного этапа развития российского общества. Маргинальность – это «состояние групп людей или личностей, поставленных общественным развитием на грань двух культур, участвующих в их взаимодействии, но не примыкающих полностью ни к одной из них» [4, с. 95]. Поэтому в данном типе сочетаются, казалось бы, несовместимые черты, что наиболее отчетливо проявляется в высоких материальных притязаниях при полутрадиционном отношении к труду. Гедонистическая ориентация не подкрепляется установкой на интенсивный труд. Потенциал для успешной адаптации недостаточен. В связи с этим сохраняется надежда на помощь государства. Также сохраняется ориентация на сильную власть, но персонифицированную в фигуре популярного политического лидера.

В 2012 году проведено социологическое исследование, в котором участвовали 697 студентов Пермского национального исследовательского политехнического университета разных курсов и специальностей, по результатам которого были построены эмпирические социокультурные типы студентов [5, с. 26–27]. Для этого использовались вопросы об отношении к рыночным условиям, к безработице и о перспективах изменения материального положения населения в результате социально-экономических преобразований.

Как оказалось, исходные (теоретические) типы не имеют статистической значимости в силу своей малочисленности. В совокупности их удельный вес составил всего 4,2 %. Полученные типы являются переходными, сочетающими в себе черты двух типов, но с преобладанием черт одного из них (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Распределение студентов по социокультурным типам
(в абсолютных числах и % от общего числа опрошенных)

Социокультурные типы	Абсолютное число	%
Больше традиционных характеристик, чем маргинальных	44	6,3
Больше маргинальных характеристик, чем традиционных	42	6,0
Больше традиционных характеристик, чем современных	49	7,0
Больше современных характеристик, чем традиционных	82	11,8
Больше маргинальных характеристик, чем современных	122	17,5
Больше современных характеристик, чем маргинальных	209	30,0

Значительную часть опрошенных – 120 чел. (17,8 %) – составили неопределившиеся, в сознании которых «уживаются» черты всех трех исходных типов. Противоречивость, присущая социокультурной дифференциации студентов, обусловлена, по-видимому, незавершенностью переходного этапа, сохранением в российском обществе в течение длительного времени экономической и социальной нестабильности, неоднозначной политикой государства, ожиданием очередного кризиса. Несмотря на это, выявленная в исследовании основная тенденция вполне очевидна: увеличивается представительство типов с современными чертами, особенно последнего, у которого современные характеристики доминируют по отношению к маргинальным. Следовательно, сознание студентов становится более модернизированным.

Из факторов социализации студентов наиболее значительное влияние на их социокультурную дифференциацию оказывают уровень образования матери, материальное положение семьи, отношение к религии и социальное положение матери.

Т а б л и ц а 2

Влияние образования матери и материального положения семьи на формирование социокультурных типов студентов
(в % от числа опрошенных в каждой группе)

Группы по образованию матери и материальному положению семьи	Больше традиционных характеристик, чем маргинальных	Больше маргинальных характеристик, чем традиционных	Больше традиционных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем традиционных	Больше маргинальных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем маргинальных
Образование матери						
Общее среднее	8,8	5,3	8,8	10,5	24,6	24,6
Среднее специальное	7,2	4,3	7,7	14,0	16,2	31,1
Высшее или неоконченное высшее	5,6	8,5	5,9	10,2	20,7	32,1
Окончила аспирантуру	11,8	11,8	5,9	17,6	5,9	35,3
Материальное положение семьи						
Низкое	6,9	–	20,7	17,2	10,3	24,1
Ниже среднего	7,4	9,0	11,5	11,5	22,1	22,1
Среднее	6,9	6,7	5,8	12,4	18,0	32,4
Высокое	4,0	8,0	2,0	4,0	20,0	42,0

Примечание. Сумма по строке не равна 100 %, так как среди опрошенных в каждой группе есть неопределившиеся и отдельные представители исходных типов.

Данные, приведенные в табл. 2, показывают, что чем выше образование матери и материальное положение семьи, тем больше в соответствующих группах студентов доля наиболее современного типа.

Что касается образования отца, то аналогичная зависимость прослеживается во всех группах, за исключением тех студентов, отцы которых окончили аспирантуру или ординатуру, но не защитили диссертацию. Близкий к современному тип составляет в этой группе лишь 16,7 %. Разочарование отцов в научной карьере, их неудовлетворенность жизнью могли негативно отразиться на формировании ориентаций и установок детей.

Существенные различия зафиксированы между группами студентов по их отношению к религии, которое тоже чаще всего закладывается в семье (табл. 3).

Таблица 3

Влияние отношения к религии на формирование социокультурных типов студентов (в % от числа опрошенных в каждой группе)

Группы по отношению к религии	Больше традиционных характеристик, чем маргинальных	Больше маргинальных характеристик, чем традиционных	Больше традиционных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем традиционных	Больше маргинальных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем маргинальных
Толерантные атеисты	8,8	7,9	7,0	7,9	18,4	33,3
Колеблющиеся	4,0	4,0	6,7	11,4	18,1	37,6
Поверхностная религиозность	6,3	12,5	12,5	6,3	25,0	12,5
Верующие	6,7	7,0	7,6	13,7	18,2	28,9

Наиболее сформированы современные социокультурные ориентации и установки у толерантных атеистов и у колеблющихся

между верой и неверием. Немного им в этом уступают верующие студенты. А вот среди студентов с поверхностной религиозностью разделяют данные ориентации и установки немногие. Большинство представителей этой группы не обладает каким-либо устойчивым мировоззрением, не склонно к духовному самоопределению. В религии их привлекает только обрядовая сторона, т.е. для них это своего рода развлечение.

Таблица 4

Влияние социального положения матери на формирование социокультурных типов студентов (в % от числа опрошенных в каждой группе)

Группы по социальному положению матери	Больше традиционных характеристик, чем маргинальных	Больше маргинальных характеристик, чем традиционных	Больше традиционных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем традиционных	Больше маргинальных характеристик, чем современных	Больше современных характеристик, чем маргинальных
Рабочие	3,3	5,8	14,0	14,0	17,4	29,8
Интеллигенция	7,9	9,1	5,0	10,7	18,2	30,5
Служащие, тех. персонал	6,7	6,7	6,7	20,0	20,0	24,4
Работники органов управления предприятий, учреждений	8,8	4,4	2,9	13,2	20,6	26,5
Работники органов государственного, регионального и муниципального управления	6,4	4,3	4,3	4,3	21,3	44,7

При сравнении групп по социальному положению матери прямая зависимость не была выявлена. Четко выделяются только выходцы из семей, в которых матери являются работниками органов государственного, регионального или муниципального управления (табл. 4).

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что самые благоприятные условия для формирования наиболее современного типа складываются в семьях представителей нового «класса» российского общества – бюрократии, имеющих не только высокий уровень образования, но и высокое материальное положение. Если еще учесть, что студенты, принадлежащие к данному типу, чаще других читают книги о бизнесе, экономике и менеджменте, больше интересуются политикой и к тому же имеют возможность воспользоваться протекцией, то вполне вероятно, что многие из них в недалеком будущем пополнят высокостатусные социальные группы, став бизнесменами, руководителями, государственными чиновниками или политиками.

Разинская Виктория Дорофеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры «Социология и политология» Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: rmv11@mail.ru.

Г.В. Разинский

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**МАТЕРИАЛЬНЫЙ СТАТУС
И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ПАТЕРНАЛИСТСКОГО СИНДРОМА**

Рассматривается взаимосвязь материального статуса и соответствующего типа потребительского поведения групп обследуемой городской общности и их подверженности патерналистскому синдрому.

Ключевые слова: материальный статус, типы потребительского поведения, патерналистский синдром, городская общность, поведенческие адаптация/дезадаптация.

G.V. Razinskii

Perm National Research Polytechnic University

**MATERIAL STATUS AND CONSUMER BEHAVIOR
IN THE LIGHT PATERNALISTIC SYNDROME**

The article examines the relationship of material status and the appropriate type of consumer behavior groups surveyed urban communities and their exposure paternalistic syndrome

Keywords: material status, types of consumer behavior, paternalistic syndrome, urban community, behavioral adaptation/desadaptation.

Одной из основных особенностей современной социально-экономической ситуации является возрастание роли материального фактора в функционировании общества и жизни человека. Материальный фактор выступает одним из определяющих в формировании социально-стратификационной структуры общества. А как писал Питирим Сорокин, «...социальная стратификация – это дифференциация некоей совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании

высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества» [1, с. 302]. Эта дифференциация и иерархичность определяет тот или иной тип поведения в материальной сфере, то, что называется стилями потребительского поведения. Предметом нашего анализа является изучение взаимосвязи материального статуса и соответствующего типа потребительского поведения групп обследуемой городской общности и их подверженности патерналистскому синдрому, который отличает «не просто совокупность отдельных структурных элементов, а совокупность отношений между ними» [2, с. 88].

Данные проведенного исследования указывают на наличие такой взаимосвязи. Так, те из респондентов, кто дал положительный ответ на вопрос о владении той или иной собственностью, демонстрируют положительную динамику отторжения патерналистских настроений, причем чем весомее имеющаяся собственность, тем менее они склонны разделять эти настроения, и, наоборот, наиболее подвержены патерналистскому синдрому те из опрошенных, кто вообще не располагает какой-либо собственностью (разрыв между первыми и вторыми составляет почти 2 раза).

О том, что это не единичная случайность, а вполне закономерное явление, обусловленное в том числе особенностями социальных установок, одна из которых – отношение к социальной дифференциации – свидетельствует о том, что эгалитаристская ориентация, отрицание допустимости социальных различий в большей мере присущи тем, кто склонен разделять ценности патернализма, тогда как те, кто допускает такие различия (причем без ограничений), в меньшей степени испытывают их воздействие (правда, следует отметить, что в целом все-таки преобладает патерналистское видение мира).

Замечено, что только те, кто смог полностью вжиться в рыночный вариант поведенческой адаптации, в существенной степени преодолел патерналистский синдром. И наоборот, те, кто про-

демонстрировал дезадапционный уровень рыночного поведения, в большей степени испытывают зависимость от патерналистских тенденций. Это коррелирует с оценкой респондентами своего материального положения по величине заработка: наиболее сильны проявления патерналистской зависимости среди тех, кто относит себя к малообеспеченным – среди них почти 60 % подвержены патернализму и лишь каждый пятый является антипатерналистом.

Для сравнения: хотя среди тех, кто относит себя к группе высокооплачиваемых, антипатерналисты составили около 40 % опрошенных; патерналистов оказалось в 6 раз меньше, чем среди низкооплачиваемых (9,5 % против 60 % соответственно). Характерно, что среднеоплачиваемые по уровню патернализма ближе к низкооплачиваемым, нежели к тем, кто отнес себя к группе высокого заработка (среди первых антипатерналистов чуть более 1/4, а патерналистски ориентированных – почти половина).

Оценка респондентами своего (своей семьи) материального положения как базисного основания того или иного типа потребительского поведения демонстрирует тот же вектор движения от патернализма к его отрицанию: чем выше эта оценка, тем меньше зависимость от патерналистских ценностей.

Все это в целом свидетельствует в пользу того, что рост материального благосостояния ведет к существенному снижению патерналистских настроений.

Этот вывод подтверждается и тем, какой стиль поведения на товарном рынке выбирают респонденты: ориентирующиеся на товары и услуги по низкой (доступной) цене в большей мере подвержены патерналистским настроениям, нежели те, кто выбирает более дорогостоящие товары. Особенно это характерно для тех, кто «берет» самую высокую ценовую планку: если среди первых процент настроенных патерналистски составляет 61,8 %, а антипатерналистски – 17,6 %, то среди вторых патерналистов в 3,5 раза меньше, а антипатерналистов в 2,7 раза больше.

Не случайно при выборе прожективного типа потребления в условиях кризиса патерналистские ориентации в большей мере

распространены среди тех, кто выбирает нетоварный, нерыночный стиль поведения (выживание, пассивное ожидание и т.д.), тогда как антипатерналистские настроения более характерны для тех, кто выбирает «новые», активно-деятельностные стили поведения (миграция, предпринимательство, финансовые операции и т.д.).

Об этом же свидетельствует характер ответов на вопрос о пользовании теми или иными практиками или технологиями на рынке приобретаемых товаров и услуг, интерпретированный нами с применением технологии О. Беремко [3, с. 49]. Как правило, антипатерналистски ориентированные респонденты чаще пользуются такими современными продуктами, услугами и технологиями, как поездки за рубеж, авиапутешествия, валютные и иные операции на финансовом рынке, занятия в фитнес-центрах, приобретение спортивного инвентаря и туристского снаряжения, тогда как другие (носители патерналистского синдрома) применяют такие, хотя и не столь устаревшие, но получившие широкое распространение технологии, как оплата товаров и услуг при помощи пластиковых карт, пользование банковским кредитом, покупка товаров в кредит, пользование мобильным телефоном.

Это, с одной стороны, подтверждает сделанный выше вывод о связи потребительского поведения и выбора патерналистских или антипатерналистских ориентаций, тогда как с другой – подтверждает вывод о том, что патерналистский синдром, мимикрируясь, интегрируется в новые для себя потребительские технологии, что не исключает того, что впоследствии они «захватят» и более продвинутые стили потребительского поведения.

Статья выполнена в рамках исследовательского проекта № 12-03-00063, финансируемого Российским гуманитарным научным фондом.

Список литературы

1. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 3–542.

2. Исследования по общей теории систем / под ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 3–521.

3. Беремко О. Кого мы называем «Люди – XXI» // Социальная реальность. – 2008. – № 3. – С. 42–65.

Разинский Геннадий Вениаминович – старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: labsoc@pstu.ru.

Е.В. Ракевич

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

ВИЗУАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ИМИДЖА ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье предложена теоретическая разработка структуры имиджа города, состоящая из трех частей: визуальная, символическая, оценочная. Приведены результаты исследования имиджа Екатеринбурга. Представлен подробный анализ визуальной части имиджа города.

Ключевые слова: имидж города; структура имиджа города, визуальная, символическая и оценочная части имиджа города.

E.V. Rakevich

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

THE VISUAL PART OF THE IMAGE OF EKATERINBURG

In present paper the theoretical model of structure of the city image is suggested. The article is devoted to the results of sociological investigations of the image structure of Ekaterinburg. A careful account is given to visual part of the image of Ekaterinburg

Keywords: image of the city; the structure of the city image; visual, symbolic and evaluative parts of the city image.

В современном урбанизированном мире города становятся не просто местом жительства и деятельности большей части людей, а полноправными участниками событий, как на уровне страны, так и всего мира. Многие исследователи предлагают рассматривать город как геотовар, который обладает определенной ценностью для его «потребителей», различных субъектов социальных взаимодействий. Вследствие этого возникает проблема формирования

положительного имиджа города в представлении различных социальных групп. Для эффективного использования потенциала имиджа города прежде всего необходимо определить данный феномен и выявить его структуру.

Имидж города формируется на основе сложносоставного образа, так как город – это сложная система, которая объединяет в себе и физическое пространство (естественные и рукотворные ландшафты, архитектуру), и социальное (различные сферы жизнедеятельности людей), и историю города. И все проявления города так или иначе находят свое отражение в имидже. Также следует отметить, что имидж города – это не просто мнение, выраженное в наборе оценочных характеристик, а нечто большее. Не следует забывать о визуальном воплощении города, его облике, который так же очень важен для формирования имиджа. Вследствие этого, нами была разработана теоретическая модель структуры имиджа города, которая состоит из трех качественно различающихся частей.

1. Визуальная составляющая имиджа города образуется визуальными символами и знаками города. К ней относятся герб города и различные визуальные объекты, которые служат его визитной карточкой. Отвечает за восприятие внешнего облика города и в большей степени связана с физическим городским пространством.

2. Символическая составляющая имиджа города – убеждения и стереотипы об уникальных особенностях города, его ярких чертах.

3. Оценочная составляющая имиджа города – оценочные характеристики различных сфер жизни города. В большей степени именно она связана с социальным пространством города.

В данной статье мы обратимся к анализу визуальной части имиджа Екатеринбурга. Обладая сильной узнаваемой визуальной составляющей частью имиджа, город, несомненно, выигрывает, так как визуальные символы эффективно работают и могут использоваться в официальных документах, различных рекламных компаниях и компаниях по продвижению территории, выгодно репрезентируя город. Но существует важная проблема согласованности визуальной составляющей имиджа и других его частей. Так,

в книге «Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы» авторы отмечают, что визуальный символ успешен лишь в том случае, если он подкрепляет основную идею имиджа города в целом и не противоречит остальным частям [2, с. 218].

По результатам проведенного в Екатеринбурге в ноябре 2013 – январе 2014 года социологического исследования (метод массового опроса жителей Екатеринбурга, выборочная совокупность – 385 человек) было выявлено, что визуальная часть имиджа Екатеринбурга в сознании горожан представлена такими визуальными объектами городского пространства, как Храм на Крови (47 % респондентов), здание Администрации Екатеринбурга и Площадь 1905 года (43,5 %), стелы, обозначающие границу Европа – Азия (44 %), Театр оперы и балета (42 %) и пешеходная зона улицы Вайнера (31 %).

Но нельзя провести четкой границы между социальным и физическим пространством города: «социальное пространство – не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [1, с. 53]. Отсюда в рамках нашего исследования физические объекты, составляющие визуальную часть имиджа, являются выражением элементов социального пространства города. Так, Храм на Крови – это и визуальное воплощение культурного элемента социального пространства, и объективная пространственная структура, в которую, по П. Бурдые, «вписано» социальное. Важно отметить, что это относительно недавняя постройка (строительство осуществлено в 2000–2003 годах), но она уже стойко ассоциируется с Екатеринбургом и, как показывают результаты опроса, прочно вошла в сознание горожан.

С одной стороны, доминирование храма в визуальной части имиджа города для российской действительности естественно, так как зачастую именно храмы и монастыри визуально репрезентируют большое количество русских годов и являются их основными достопримечательностями. Это является отражением такой значимой составляющей русской культуры, как идентификация себя

с православным миром, а в российской практике в настоящее время фиксируется всплеск религиозности среди населения и пропаганда церкви.

Таким образом, традиция и современная интенсификация социальных взаимодействий в церковно-религиозной сфере определенным образом конструируют и культурный элемент социального пространства Екатеринбурга в частности.

С другой стороны, важно отметить, что данный физический объект социального пространства города наиболее «популярен» среди молодого населения Екатеринбурга (52 % респондентов, отметивших Храм на Крови как одну из основных достопримечательностей города, не старше 29 лет). Это частично объясняет то факт, что недавняя постройка укоренилась в сознании горожан, а для молодого поколения данная городская достопримечательность является уже неотъемлемой частью городского пространства. Вместе с тем социальное пространство города разных поколений отличается, что находит отражение и в их представлениях об имидже города.

Еще одной причиной доминирования данного объекта в визуальной части имиджа может быть то, что именно данный храм в свое время вызывал много дискуссий и нареканий вокруг себя, а также то, что он действительно построен «на крови», на месте Ипатьевского дома, где расстреляли царскую семью. Соответственно, коммуникационное социальное пространство, сформировавшееся в результате споров и обсуждений данной постройки, повлияло на то, что данный объект укоренился в сознании горожан как часть имиджа Екатеринбурга.

Следующим значимым объектом, отражающим особенности имиджа города, респонденты назвали границу Европы и Азии. Особенностью этой визуальной части имиджа является не сама граница, а объекты, фиксирующие границу Европы и Азии, так как данный объект физического пространства официально не находится на территории города. Это несоответствие обнаруживает два факта: первый заключается в том, что социальное пространство

города может не совпадать с его административными границами, ведь актуальные социальные взаимодействия людей, образующие социальное пространство, не укладываются в «прочерченные на бумаге» границы. Известен тот факт, что стелы на границе Европы и Азии вовлечены в городские свадебные практики и ритуалы, а следовательно, тесно связаны с городским социальным пространством. Также следует сделать вывод о значимости символики города на границе двух сторон света и представлениях горожан о том, что именно Екатеринбург является этой границей.

Следующими по популярности объектами, составляющими «ядро» визуальной части имиджа Екатеринбурга, являются здание Администрации и Площадь 1905 года. Это, можно сказать, самый «закономерный» объект визуализации города, так как он связан и с административно-юридическими представлениями о городе, и самым явным выражением политического социального пространства города в физическом. Именно здание Администрации служит визуальным символом, отражающим город как единый политический, а зачастую, в условиях современной экономики, и экономический субъект.

Но помимо связи с политическим социальным пространством города, которая лежит на поверхности, стоит отметить, что именно это место в городе является «признанным» центром Екатеринбурга, что, конечно, связано с исторической традицией, когда именно площадь была «сердцем города».

Но и в современных условиях именно площадь вовлечена во множество повседневных практик горожан, что делает ее физическим «эпицентром» коммуникационного социального пространства. Так, площадь служит местом встреч («встречаемся возле Ленина»), транзитным местом, связывающим все районы города (здесь осуществляется большое количество пересадок), на площади проходят общегородские праздники и общественные акции, а зимой строится ледовый городок – центр новогодних гуляний. Таким образом, еще раз подчеркнем, что политическое социальное пространство, «выраженное» в здании Администрации города, и ком-

муникационное, «выраженное» в Площади 1905 года, повлияли на то, что эти объекты вошли в визуальную часть имиджа города.

Пешеходная часть улицы Вайнера, представленная в визуальной части имиджа Екатеринбурга в сознании горожан, служит физическим выражением нескольких сфер социального пространства. В данном физическом месте города воплощается экономическая сфера социального пространства за счет расположения множества торговых точек, где осуществляются экономические взаимодействия горожан. Но вследствие того, что эта улица почти полностью превратилась в пешеходную, здесь образовались уникальные культурное и коммуникационное общественное пространства.

Во-первых, следует отметить присутствие в данном месте различного рода арт-объектов, которые вовлекаются в жизненные практики горожан (фотографирование, ритуалы и т.д.). Во-вторых, улица Вайнера стала площадкой для проведения различных культурных и общественных акций и перформансов. В-третьих, это место города можно назвать публичным пространством, «где имеют место „множественные незапланированные взаимодействия“, где незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга» [3]. Следовательно, пешеходная часть улицы Вайнера для Екатеринбурга является физическим воплощением коммуникационного пространства города.

Таким образом, можно говорить о пересечении двух сфер социального пространства – коммуникационного и культурного – за счет взаимодействий вокруг физического воплощения культурной сферы в арт-объектах.

Визуальная часть имиджа Екатеринбурга отражает физическое пространство города, в котором воплощены различные сферы социального. При этом следует отметить преобладание объектов, которые находятся в историческом центре города. Это свидетельствует, во-первых, о том, что в представлении горожан именно центр выступает «визитной карточкой» Екатеринбурга. А во-вторых, такая «популярность» центра связана со спецификой социального пространства города: именно в центре Екатеринбурга наблюдается

большая частота социальных взаимодействий, именно здесь сконцентрированы абсолютно все сферы социального пространства. Следовательно, можно утверждать, что вхождение определенных объектов городского пространства в визуальную часть имиджа Екатеринбурга в сознании его жителей во многом зависит от того, насколько данные объекты воплощают в себе социальное пространство, насколько они «участвуют» в социальных взаимодействиях горожан.

Список литературы

1. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в С.-Петербурге, 2005. – 376 с.

2. Бурдые П. Социология социального пространства. – СПб., 2007. – 288 с.

3. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос. – 2012. – № 117. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo-117-2012/16566-publichnoe-prostranstvo-goroda-pered-licom-vyzovov-sovremennosti-mobilnost-i-zloupotreblenie-publichnostyu.html> (дата обращения: 18. 09.2013).

Ракевич Екатерина Владимировна – магистр социологи Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург), e-mail: rakely13@yandex.ru.

И.Л. Сизова, А.В. Ермилова, Н.С. Лукин
Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики, Нижний Новгород
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Цель статьи заключается в определении места студенческих объединений в жизни студентов и их отношения ко внеучебной деятельности в рамках университета. Приведен статистический анализ активности и заинтересованности студенчества во внеучебной деятельности, выявлены роль и назначение студенческих объединений с точки зрения студентов.

Ключевые слова: студенты, классический университет, студенческие объединения, социальное пространство, внеучебная деятельность

I.L. Sizova, A.V. Ermilova, N.S. Lukin
National Research University –
Higher School of Economics, Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

NONLEARNING ACTIVITY AND STUDENT ASSOCIATIONS

In this article the authors investigated the position and attitude of students by student associations and extracurricular activities in the university.

Keywords: students, social space, classical university, student associations, extracurricular activities.

Институты студенческого самоуправления в высшей школе выполняют важные функции. Данное положение объясняется назначением высшего образования, задача которого в современных условиях заключается не только в подготовке высококвалифицированного специалиста, но и социально активной личности, которая отличается инициативностью, самостоятельностью, способно-

стью принимать решения и нести за них ответственность. Государство и общество отводят студенческой молодежи роль носителей инновационного потенциала и движущей силы развития общества, поэтому огромное значение в образовательном процессе уделяется системе учебно-воспитательной работы, ее развитию, в том числе органов студенческого самоуправления.

Внеучебная деятельность – это часть активности образовательного учреждения, специфика которой заключается в том, что «она осуществляется в свободное от учебы и удовлетворения насущных потребностей время, когда студент по собственному выбору определяет тот или иной вид занятий» [1, с. 52]. Особенность разных форм студенческих объединений в воспитательном и образовательном процессе заключается в организации пространства, в котором студенты имеют возможность формировать и реализовывать навыки управления, генерировать идеи, принимать самостоятельные решения. Студент в процессе активной включенности во внеучебную деятельность позиционирует себя как социально значимую единицу вузовского сообщества, способную оказывать влияние на те или иные процессы. Сейчас с обозначением важности организации и поддержки студенческих инициатив большая часть российских вузов активно разрабатывает и внедряет новые программы, и в этой связи становится особенно важно исследовать мнение студентов по данному вопросу. В ННГУ им. Н.И. Лобачевского существует развернутая и хорошо организованная система органов студенческого самоуправления самых разных направлений, интересов и уровней: это и студенческие советы на факультетах, и крупные и социально значимые организации (студенческий профсоюз), региональный центр содействия трудоустройству выпускников и т.п. Цель данной статьи заключается в анализе мнений и отношений студентов к деятельности и участию в студенческих объединениях ННГУ им. Н.И. Лобачевского на примере факультета социальных наук (ФСН). Данный анализ позволит оценить степень активности студентов, насколько реализуемые студенческими организациями проекты актуальны и востребованы и какими хотят видеть их студенты. Для достижения поставленной

цели используем данные стандартизированного анкетного опроса студентов первого и выпускного курсов ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского, проведенного весной 2014 года. Всего было опрошено 150 студентов разных направлений в рамках факультета, среди которых 81 % девушек и 19 % юношей.

Результаты опроса демонстрируют, что внеучебная деятельность факультета не сильно интересует студентов ФСН: большинство не проявляет интерес к участию в различных конференциях, круглых столах, культурных мероприятиях, причем апатия усиливает по мере движения студентов к выпускному курсу. При этом первокурсников, интересующихся внеучебной деятельностью, изначально меньше, чем не интересующихся.

Таблица 1

Заинтересованность первокурсников и выпускников
во внеучебной деятельности, %

Форма деятельности	Не интересуюсь		Затрудняюсь ответить		Интересуюсь	
	первокурсник	выпускник	первокурсник	выпускник	первокурсник	выпускник
Участие в различных конференциях, круглых столах	60	67	20	16	20	16
Участие в студенческих организациях, движениях	41	77	17	23	27	8
Участие в студенческих сообществах и сетях	47	70	26	10	27	17
Участие в культурных и спортивных мероприятиях	39	75	21	10	40	10

Как следует из табл. 1, в среднем лишь пятая часть студенчества проявляет интерес к студенческим инициативам. Допустимо, что к выпускному курсу интерес от студенческой жизни переходит в сферу профессионального становления, однако большинство первокурсников изначально также не проявляют к ней особого интереса.

Для анализа активности участия студентов во внеучебной деятельности рассмотрим, сколько времени студенты тратят на административную и организационную работу (членство в студенческом совете, выполнение обязанностей старосты и т.п.) и на участие в университетских мероприятиях. Большая часть студентов не принимает участие во внеучебной деятельности: 67 % не участвует в культурных, научных и спортивных мероприятиях, 80 % не занимаются административной и организационной деятельностью. От 1 до 5 часов в неделю 26 % учащихся уделяют различным мероприятиям; и 15 % студентов – административной и организационной работе. Более 6 часов в неделю внеучебной деятельности посвящают время в среднем лишь 12 % студентов (табл. 2).

Таблица 2

Количество часов в неделю, затрачиваемое студентами на внеучебную деятельность, %

Форма деятельности	0 часов	1–5 часов	6–10 часов	11–15 часов	16–20 часов	21–25 часов	Более 26 часов
Культурные, научные и спортивные мероприятия	67	26	4	0	1	1	2
Административная и организационная работа	80	15	3	0	1	1	0

Таким образом, охарактеризовать студентов ФСН как молодежь с активной жизненной позицией не представляется возможным. Большинство студентов не принимают участие в общественной деятельности факультета, а активная часть факультета – это только десятая часть всех студентов. Отметим, что интерес к культурным, научным и спортивным мероприятиям выше, чем к административной и организационной работе. Данная тенденция отражена и в количестве студентов, которым не хватает времени на ту или иную деятельность: 30 % студентов указывают, что им не хва-

тает времени на участие в различных факультетских/университетских мероприятиях, и лишь 8 % хотели бы больше времени уделять административной и организационной работе.

Неудивительно, что на вопрос о роли внеучебной деятельности в личностном, духовном и профессиональном росте ответы студентов распределились следующим образом: 20 % студентов считают, что участие в организационной и административной работе на факультете способствует росту, а 60 % с этим полностью не согласны; мнение, что участие в общественной жизни факультета развивает личность, разделяют 30 % студентов, 40 % студентов придерживаются противоположной точки зрения, остальные – 20 и 30 % студентов соответственно – не могут определиться с ответом. Таким образом, студенты не только не проявляют интерес к внеучебной деятельности, но и не видят смысла уделять ей внимание.

По мнению большинства студентов, студенческие объединения должны концентрировать свою деятельность на культурно-массовых мероприятиях (78 %), и лишь менее 1 % считают необязательной данную сферу в работе студенческих объединений. Около половины студенчества считают полем деятельности студенческих организаций социальные вопросы, такие как помощь в получении места в общежитии, социальной стипендии и т.п., формирование благоприятных условий для обучения студентов, активность во внутренней политике факультета и представительство факультета вовне. В целом можно отметить, что студенческие объединения воспринимаются студентами, с одной стороны, как источник развлекательных мероприятий в вузе, с другой стороны – как административно-представительные органы, способные решать и регулировать процессы жизни факультета.

Что касается взаимодействия студенческих объединений непосредственно со студентами, например в рамках организации помощи студентам в учебном процессе, проведении зачетной и экзаменационной сессий, преодолении дискриминации отдельных студентов, в поддержке иностранных студентов и научно-исследовательской деятельности студентов, то связь между студенческими объе-

динениями и студентами слабая. Лишь четвертая часть студентов связывают работу студенческих объединений непосредственно с проблемами самих студентов. Интересно, что в среднем 43 % студентов (за исключением варианта ответа «культурные мероприятия») не имеют четкой позиции по отношению к деятельности студенческих объединений.

Внеучебная деятельность для студентов ФСН не представляет большого интереса. Интересуются и участвуют в общественной деятельности факультета или университета в основном студенты первых курсов, однако к выпускному курсу активность существенно снижается. Студенты хотят видеть деятельностью студенческих объединений культурно-развлекательные мероприятия, работа студенческих организаций как административных органов должна проводиться, но интерес к ней невелик. В этой связи университет должен уделять внимание не только развитию студенческих инициатив и проведению мероприятий для студентов, но и донесению до студентов задач органов студенческого самоуправления, активному вовлечению их в эту деятельность, формированию отношения к студенческим объединениям не только как сугубо развлекательным сообществам, но и как административно-представительным органам, работа в которых вносит существенный вклад в развитие личности студентов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 14-33-01001 «Габитус факультета» и социализации студентов классического университета (на примере Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского)».

Список литературы

1. Беликова Л.Ф. Отношение студентов к внеучебной деятельности в вузе // Социс. – № 6. – С. 51–57.

2. Емелин К.Г. Развитие лидерских качеств молодежи в студенческих отрядах средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Барнаул, 2012. – 23 с.

3. Колмогорова О.А. Студенческое самоуправление в вузе как средство профессионального становления личности специалиста: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2007. – 24 с.

4. Помелова Н.А. Студенческое самоуправление как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саранск, 2006. – 21 с.

Сизова Ирина Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры общего и стратегического менеджмента Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики (Нижний Новгород), e-mail: sizovai@mail.ru.

Ермилова Алена Васильевна – магистрант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород), e-mail: alena.ermilova@mail.ru.

Лукин Николай Сергеевич – магистрант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород), e-mail: nikolaylukinxxx@gmail.com.

Ю.Г. Хайлов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УРАЛА

Данная статья посвящена Уральскому экономическому району, его огромному потенциалу, в первую очередь из-за исключительного географического расположения, богатства разнообразными полезными ископаемыми; кроме того Урал является ведущим в России районом металлургической продукции и тяжелого машиностроения. Рассмотрены проблемы социально-экономической направленности, препятствующие реализации имеющегося потенциала.

Ключевые слова: Уральский экономический район, проблемные вопросы, социально-экономическое развитие, радикальные меры, огромный потенциал.

Y.G. Khailov

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow

PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE URALS

This article is devoted to the Ural economic region, its huge potential, primarily due to its exceptional geographical location, wealth various minerals, besides the Urals is the leading in Russia the area of metallurgical products and heavy machinery. And no less great problems of socio-economic plan, which do not allow to reveal the enormous potential.

Keywords: the Ural economic region, problems, socio-economic development, radical measures, huge potential.

Уральский экономический район расположен на Среднем, частично на Южном и Северном Урале, а также на прилегающих частях Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин. Гео-

графическое положение Урала является выгодным с точки зрения развития транспортных сетей – связующее звено и перевалочная база между основными районами производства и потребления продукции.

Уральский экономический район исключительно богат разнообразными полезными ископаемыми, является ведущим в России районом по выпуску металлургической продукции и тяжелого машиностроения. В Уральском экономическом районе высокоразвиты химическая промышленность, легкая и пищевая промышленность, нефтегазодобывающая, лесопромышленная, электротехническая и сельскохозяйственная промышленность. Это высокоразвитый, разнообразный и сложный по структуре производственный комплекс тяжелой индустрии [1].

Именно таким виделся Урал в XVIII веке Татищеву и Демидову, положившим начало развитию Урала. Именно таким стал Урал к середине XX века. Но мало что осталось от былой мощи и процветания к началу XXI века. Большинство промышленных гигантов раздроблено на множество мелких предприятий и распродано в частные руки, много промышленных предприятий перестали существовать, некоторые отрасли науки и производства ликвидированы, социально-экономическое положение Урала приобрело скорее бедственный и упаднический характер.

Показательно то, что упадническая социально-экономическая обстановка сложилась на Урале задолго до экономического кризиса 2009–2011 годов, более того, в период экономического кризиса исчезали только мелкие предприятия и торговые фирмы, практически все производственные предприятия (заводы и фабрики) достойно пережили кризис. Следовательно, причиной упадка производства и общего развития регионов Урала является не то, что продукция Уральских предприятий становится невостребованной, а совсем другие, в большей части социальные и административные причины.

Наиболее вероятной причиной является направление политики российского правительства в отношении промышленных предприятий. Основная масса рухнувших гигантов и ликвидированных заводов приходится на периоды 1991–1996 и 2002–2007 годов.

Именно в эти периоды Правительством России предпринимались шаги к «развитию» и «модернизации» экономических и производственных путей развития государства. Реформирование государственности в начале 90-х годов, затем многочисленные экономические реформы вплоть до середины 90-х годов XX века позволили бывшим руководителям и чиновникам присвоить огромное количество оборудования и производственных площадей, большая часть которых была распродана и утилизирована. Сотрудники производственных комплексов, приватизировавшихся и учреждающихся в начале 90-х, с огорчением вспоминают, как директора предприятий сдавали дорогостоящее производственное оборудование в металлолом, а производство ликвидировали или сокращали. Начало XXI века ударило по Уралу Правительственной программой по поддержке малого и среднего бизнеса. Федеральные законы №№ 94 и 135, различные привилегии и допущения для малого предпринимательства привели к тому, что уральские гиганты были раздроблены на множество мелких предприятий с различными формами собственности и налогообложения. Эти мелкие предприятия, которые в начале были объединены общим руководством, к 2010 году полностью отделились от общего управления, а многие из них разорились и перестали существовать [2]. Отделение мелких дочерних предприятий от своих «родителей» также было обусловлено действиями Правительства. С 2009 года в рамках антикризисной программы руководители предприятий стали назначаться не из числа «доморощенных» производственников, а из числа административных работников центрального аппарата. Разумеется, такие столичные руководители предприятий полностью меняли администрацию предприятий, привлекая на должности своих заместителей знакомых и родственников, иногда совершенно далеких от производственной деятельности. Больше всего такие назначения ударили по военно-промышленному комплексу Урала. Наиболее яркими назначениями, буквально убивающими предприятия, явились смены директоров таких гигантов ВПК, как комбинат «Электрохимприбор» и «Уралвагонзавод». После смены

руководства были остановлены целые направления производства, десятки тысяч рабочих сокращены, нанесен значительный ущерб бюджету городов и предприятий. Оставленные направления производственной деятельности реформировались без учета специфики региона, а иногда и совсем бездумно и губительно [3].

В целом сложившуюся обстановку на Урале, вызванную действиями и реформами Правительства государства, можно охарактеризовать перефразированием известной поговорки: «Что в Москве хорошо, то на Урале смертельно».

В ногу с действиями российского Правительства идут и региональные правительственные органы. Ежегодно увеличивается количество региональных административных органов и разрастаются штаты бюрократических аппаратов. Наиболее показательным является административный штат и административное устройство Свердловской области. Область поделена на муниципальные и городские образования с огромным штатом сотрудников, которые (образования) входят в состав образований и округов покрупнее (с еще большим штатом сотрудников); округа, в свою очередь, входят в состав административных районов, которые входят в состав управленческих округов, на которые поделена вся область. В качестве примера можно привести один из городов Свердловской области – город Верхняя Тура. Он является центром Городского округа Верхняя Тура, входит в состав Кушвинского административного района с центром в городе Кушва, который является центром Кушвинского городского округа. Последний входит в состав Горнозаводского управленческого округа, входящего в состав Свердловской области. Такое сложное административное деление становится совсем непонятным при определении принадлежности более мелких образований, и уж совсем неизвестны функции управленческого аппарата. Судите сами: село Николо-Павловское входит в состав Пригородного района, который входит в состав Горноуральского городского образования, которое входит в состав Горнозаводского округа, который входит в состав Свердловской области, которая входит в состав Уральского ФО в составе Рос-

сийской Федерации. Сложно? А предприятиям с. Николо-Павловское – совсем невозможно.

В настоящее время ряд предприятий Урала провел перерегистрацию, и теперь большинство Уральских предприятий зарегистрированы в столичных городах областей (Пермь, Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Оренбург, Курган) или в г. Москве. Такое положение значительно снизило финансовые поступления в бюджеты городов, сократило финансирование целевых муниципальных программ и в итоге привело к снижению уровня жизни жителей Урала и миграции населения в другие, более благополучные районы. Некоторые отрасли производства полностью переехали за пределы Урала. Например, умершая медицинская промышленность Урала компенсировалась тем, что сейчас под маркой уральских предприятий медицинские товары производятся в Китае. На территории уральского предприятия располагается лишь торговый отдел, а само производство осуществляется в Китае. Дешевая низкосортная китайская продукция с фирменными знаками уральских производителей полностью вытеснила более надежную, но и более дорогую продукцию российских предприятий. И вытеснение это произошло отнюдь не по желанию самих покупателей (больничных и госпитальных учреждений), а в рамках российского законодательства (ФЗ № 94), по которому государственное учреждение обязано покупать только ту продукцию, которая дешевле, не взирая ни на качество, ни на удобство применения.

В противовес снижению общего уровня социально-экономического благополучия Уральских городов затраты на содержание административных аппаратов только возрастают. Показательным здесь является бюджет 2010 года г. Ивдель Свердловской области. Принятие и утверждение бюджета города повергло в шок всех жителей этого промышленного центра Северного Урала. Затраты на содержание администрации города в 2010 году превысили половину всего годового бюджета города! Подобная ситуация характерна и для многих промышленных предприятий. Акцентирование функционирования администрации предприятий не на увеличении

объемов производства и качества выпускаемой продукции, а на сохранении спокойной жизни руководства, а также неумолимый рост числа надзорных органов и частоты контрольных мероприятий различными бюрократическими органами привели и к росту числа административных работников на предприятиях, и к снижению уровня доходов работников предприятий. Так, при анализе штатной структуры и планировании антикризисных мероприятий на одном из металлургических предприятий было выявлено, что на каждого рабочего завода приходится 1,1 административного работника, при этом организационно-штатные мероприятия позволили сократить лишь отдел безопасности труда менее чем наполовину, за счет возложения на инспекторов дополнительных обязанностей и должностей (таких как «начальник штаба ГО и ЧС», «эколог» и т.п.).

Вторым «стихийным бедствием» Урала после «бюрократической напасти» является инфраструктура Урала. Акцентирование на развитии железнодорожного транспорта и трубопроводов привело к минимизации затрат на развитие автомобильных транспортных сетей. Здесь показательна известная российская поговорка «Урал начинается там, где кончаются дороги». И действительно, автомобильные дороги на Урале находятся в поистине ужасном состоянии. Некоторые дороги, проложенные во времена СССР, перестали существовать к началу XXI века, очень много дорог являются сезонными, прокладка новых дорог не производится вовсе, а существующие ремонтируются несвоевременно и с минимальными затратами путем так называемого «ямочного ремонта».

Наиболее плачевное состояние дорог наблюдается в Пермском крае. Обычно глава любого административного формирования воспринимает дороги только как обузу, возложенную на него для удовлетворения нужд жителей региона, и ни один из них не думает о дорогах как о способе развития своего региона и обеспечения притока финансовых средств в казну. Наиболее ярко проявляется отношение администраций к своим дорогам на примере организации экскурсионно-туристической деятельности на Урале. Так, например, чтобы добраться до признанного российским «чу-

дом света» плато Мунь-пупу-ньер, необходимо выполнить десятидневную пешую прогулку или оплатить вертолетную экскурсию от Красновишерска, стоимость которой в два раза выше среднемесячной зарплаты среднего уральца. Разумеется, ни о каком развитии экскурсионно-туристического бизнеса здесь речи вестись не может, а ведь «плато болванов» и расположенные на нем кукуры называют «Уральским стоунхенджем», и поток туристов к этому чуду света мог бы быть нескончаемым, если бы только были проложены к нему дороги. Однако администрация того же Красновишерска или г. Ивдель пока и не пыталась задумываться над этим.

Еще одним «стихийным бедствием», уничтожающим Уральский регион, несомненно, является экологическая обстановка. Какие только экологические беды не обрушивались на Урал в течение последнего столетия! Это и радиоактивные захоронения в Челябинской области, и фенольное загрязнение водоемов в Башкирии, и ужасающее загрязнение атмосферы промышленными предприятиями на Северном и Среднем Урале. К сожалению, экологическая обстановка не улучшается и при общем упадке производства. Конечно, уже нет многоцветного смога над уральскими городами с простаивающими промышленными гигантами, и в малых Уральских реках вновь стали появляться пескари, но и системы очистки безнадежно устарели. Реконструкция и замена очистных сооружений практически не проводятся, экологические службы не могут в полной мере выполнять свои функции, находясь в зависимости от тех же чиновников, от которых зависит и обеспечение деятельности очистных сооружений, и проведение экологических мероприятий.

Снижение активности, а иногда и отсутствие деятельности лесных хозяйств, привело к возникновению лесных пожаров и, как следствие, дополнительному загрязнению атмосферы.

Проблемы, сложившиеся в лесном хозяйстве, способствуют развитию еще одной уральской напасти – сложной эпидемиологической обстановки. Низкое качество обработки лесов приводит к развитию клещевого энцефалита в регионах. Год от года увели-

чивается число зараженных, уменьшается безопасный период, а случаи укусов клещами уже происходят не только в лесных массивах, но и в центральных районах городов.

Эпидемиологические вспышки в некоторых регионах Урала происходят в течение всего календарного года: весна и начало лета – энцефалит, к концу лета – туберкулез, как правило, заражение происходит водой из уральских водоемов, осень и весна – грипп. Средств, выделяемых на проведение противоэпидемиологических мероприятий и обеспечение деятельности медицинских учреждений, совершенно недостаточно для эффективной борьбы с инфекционными заболеваниями.

Подводя итог анализа проблемных вопросов Урала, а именно: бездарная хозяйственная деятельность чиновников, сложная экологическая обстановка и низкий уровень здравоохранения, общий упадок промышленности и, как следствие, очень высокий уровень безработицы, – можно сделать однозначный вывод о неблагоприятном положении населения Урала и общем упадке развития Уральского экономического района. Непринятие радикальных мер в ближайшее время неизбежно приведет к глобальным финансовым катаклизмам в регионах, а значит, и в государстве в целом, и к массовым миграциям населения Урала в центральные регионы России.

Список литературы

1. Проблемы развития Уральского экономического района [Электронный ресурс]. – URL: <http://uralbank.info/ural/ekonomproblem.php>.
3. Мау В. Враги модернизации // Ведомости. – 2010. – 20 января.
2. Резина Д. Маршрут для ревизора // Российская газета. – 2010. – 5 августа.

Хайлов Юрий Геннадьевич – студент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), e-mail: Juriykhailov@mail.ru.

О.В. Хамадянова

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Статья посвящена вопросам государственной поддержки туризма как одной из передовых и быстроразвивающихся отраслей мировой экономики. Проанализирована государственная поддержка данной отрасли в Российской Федерации. Предложены направления развития туризма в Российской Федерации. Обоснована необходимость развития сельского туризма для улучшения социально-экономических показателей всей страны и отдельных регионов.

Ключевые слова: туризм, государственная поддержка, направления развития туризма, сельский туризм, социально-экономические показатели.

O.V. Khamadyanova

Ural Institute of Management – a Branch of the Russian
Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg

GOVERNMENT SUPPORT OF RURAL TOURISM

This article focuses on issues of government support of tourism as one of the leading and fastest growing sectors of the world economy. Was analyzed the state support of the industry in the Russian Federation. The directions of development of tourism in the Russian Federation are offered. Was justified the necessity of rural tourism development to improve the socio-economic indicators across countries and within regions.

Keywords: tourism, government support, the direction of the development of tourism, rural tourism, socio-economic indicators.

В настоящее время индустрия туризма относится к активно развивающимся секторам экономики во многих странах мира. Развитие данной отрасли положительно влияет на многие факторы

социально-экономического развития страны. Речь идет о мультипликативном эффекте развития туризма в экономике. Туристическая индустрия стимулирует работу смежных с ней секторов: транспортного, строительства, связи, поддержку малого и среднего предпринимательства, предприятий общественного питания и размещения, развитие культуры. Весомым вкладом в экономику также считается создание новых рабочих мест, привлечение инвестиций в страну и регион.

Во многих странах туризм играет весомую роль в формировании ВВП. Развитие данной отрасли позволило многим странам улучшить экономические показатели. Ведь расширение и усовершенствование индустрии туризма, рост производства в данной сфере обеспечивается за счет инвестиций. Расширяется торговый оборот, а значит, увеличивается и прибыль. Часть доходов от развития данной отрасли поступает в государственную экономику в виде налогов, которые впоследствии направляются на развитие туристской инфраструктуры. Это взаимосвязанный процесс, недооценить влияние которого на экономику страны невозможно. По данным Всемирной туристской организации (WTO), состояние туристической индустрии в мире стабильно, данная отрасль остается крупнейшим, высокодоходным и быстро развивающимся сектором мировой экономики, несмотря ни на какие внешние обстоятельства.

В последние годы развитию данной отрасли в России уделяется все больше внимания. Успех и перспективы развития туризма в Российской Федерации напрямую зависят от уровня государственной поддержки. Именно государство обладает всеми рычагами, необходимыми для регулирования отрасли, – экономическими, социальными и правовыми.

На данный момент основой развития туризма в России может стать именно грамотное планирование развития отрасли. Одним из вариантов решения проблем могут стать средне- и долгосрочные программы социально-экономического развития страны и регионов.

Согласно «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2020 года» [1] главной целью развития туризма в России является комплексное развитие внутреннего и въездного туризма. К направлениям развития туризма в Российской Федерации можно отнести:

- 1) развитие туристско-рекреационного комплекса (за счет строительства туристской и сопутствующей инфраструктуры);
- 2) повышение качества туристских услуг;
- 3) продвижение туристского продукта РФ на мировом и внутреннем рынке.

Говоря о перспективах развития туризма, следует понимать различие регионов России и перспективы развития отрасли в каждом регионе с точки зрения потенциала и ресурсов. В связи с этим в каждом регионе целесообразнее делать акцент на развитие конкретного и наиболее перспективного вида туризма.

Развитие сельского (аграрного) туризма является одним из видов туризма, перспективным для развития в регионах страны. Под сельским туризмом принято понимать организацию туристической деятельности в сельской местности с использованием природных, социально-этнографических и культурно-исторических ресурсов, характерных для данной местности. Сельский туризм связан с посещением туристами сельской местности с культурно-познавательной целью (знакомство с сельским бытом, народными традициями, промыслами и ремеслами, посещение религиозных мест и пр.). В европейских странах данный вид туризма пользуется огромной популярностью среди туристов. В некоторых странах разработаны нормативно-правовые акты, способствующие развитию сельского туризма, разработаны и реализуются на практике государственные программы поддержки сельского туризма.

Для России сельский туризм – новое и неосвоенное направление. Хотя следует отметить, что Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития данного вида туризма. Это связано с экономическими и географическими особенностями страны (большая часть территории страны – сельская местность),

а также с исторически сложившимися факторами развития (сельское хозяйство всегда являлось основой для экономического развития страны).

В России в настоящее время фактически отсутствует законодательная база, регламентирующая сельский туризм. В действующих нормативно-правовых актах в туристической отрасли отсутствуют такие термины, как «сельский туризм», «агротуризм» и подобные, применяемые для определения данного вида деятельности. Отсутствуют и федеральные законодательные акты, которые могли бы регулировать данный вид деятельности в стране [4, с. 13].

Также следует принять во внимание необходимость определения стандартов и нормативов, применимых для сельского туризма. Такая необходимость связана с тем, что существующие нормы и стандарты в сфере туризма Российской Федерации не применимы для данного вида туризма в связи со спецификой данного вида деятельности.

При этом важна роль региональных и муниципальных властей в развитии сельского туризма, так как это позволит решить многие социально-экономические проблемы. Правительству необходимо правильно оценить потенциал развития сельского туризма в регионе, а значит, разработать стратегические планы его развития. Это необходимо для создания конкурентоспособного продукта, который привлечет туристский поток в регион. Развитие сельского туризма позволит решить многие социально-экономические проблемы государства [2, с. 91]:

- 1) решить проблему занятости сельского населения;
- 2) увеличить доход, а также повысить уровень жизни сельских жителей;
- 3) сохранить культурное и историческое наследие России (сохранение обычаев, фольклора, охрана достопримечательностей);
- 4) улучшить внешний облик поселений за счет благоустройства и развития инфраструктуры;
- 5) снизить или приостановить отток населения из сельской местности.

Несовершенство нормативно-правовой базы развития сельского туризма в России является фактором, сдерживающим вовлечение в данную сферу бизнеса (крупного, среднего и малого), в том числе иностранного.

Сельскому туризму требуется стимулирование и поддержка со стороны государства. К формам государственной поддержки следует отнести [3, с. 122]:

1. Разработку нормативно-правовых актов, регулирующих сельский туризм. Необходимо разработать законодательные акты на всех уровнях – от федерального до местного.

2. Разработку концепций развития сельского туризма (на федеральном, региональном и местном уровнях), способствующих достижению целей государственной политики в данной сфере.

3. Разработку программ развития сельского туризма от федерального до местного уровня.

4. Создание условий, способствующих развитию туризма в сельской местности.

5. Повышение привлекательности сельского туризма для инвестиций.

6. Информационное обеспечение и продвижение сельского туризма (на внутреннем рынке туристических услуг России и на внешнем рынке).

7. Разработка стандартов обслуживания и качества услуг сельского туризма, а следовательно, повышение качества обслуживания.

8. Финансирование исследований в отрасли.

9. Взаимодействие с государственными учебными заведениями в подготовке кадров для данной отрасли.

Таким образом, в случае усиления государственной поддержки сельского туризма в Российской Федерации возможно достижение главной цели развития туризма в стране. Главной целью является комплексное развитие внутреннего и въездного туризма с учетом обеспечения экономического и социокультурного прогресса в регионах. Повышение конкурентоспособности туризма как отрасли в России и сельского туризма как одного из его на-

правлений невозможно без государственной поддержки. Перед государством должны быть поставлены следующие задачи в развитии данной отрасли:

- развитие туристско-рекреационного комплекса с учетом сохранения целостности природных объектов туристского показа;
- продвижение туристского продукта страны и регионов на российском и международном рынках, а также формирование привлекательного с точки зрения туризма имиджа;
- обеспечение высокого качества федеральных и региональных туристских и сопутствующих услуг.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии развития туризма в РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 31 мая 2014 г. № 941-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Гостева Л.Ф., Середя Н.Д. Туризм как фактор экономического развития региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 15. – С. 88–94.

3. Клицунова В.А. Сельский туризм: основные условия и принципы, обеспечивающие устойчивое развитие // Материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. – Смоленск, 2004. – С. 120–124.

4. Лащенко Н.С. К вопросу о разработке концепции развития сельского туризма (агротуризма) в российской провинции: экономический, социальный и социокультурный аспекты // Время культурологии. – М., 2008. – С. 11–15.

Хамадянова Ольга Вячеславовна – студентка Уральского института управления – филиала Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: ola.col2003@gmail.ru.

Д.А. Хрущев

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург

**ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ
ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ**

Статья посвящена вопросам обеспечения защиты прав субъектов персональных данных и шагах, предпринимаемых государством, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны граждан Российской Федерации в условиях развития информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество, персональные данные, безопасность, государственные и муниципальные услуги, Роскомнадзор.

D.A. Khrushchev

Ural Institute of Management – a Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Ekaterinburg

**PROTECTION OF THE RIGHTS OF SUBJECTS
OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT
OF INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT
IN THE PROVISION OF PUBLIC AND MUNICIPAL
SERVICES**

The article is devoted to questions of protection of the rights of subjects of personal data and the steps taken by the state, ensuring the inviolability of private life, personal and family secret of citizens of the Russian Federation in the conditions of information society development.

Keywords: information society, personal data security, state and municipal services, Roskomnadzor.

В настоящее время стремительно развиваются информационные и телекоммуникационные технологии. В свою очередь интенсивное использование гражданами, бизнесом и органами государственной власти таких технологий способствует развитию информационного общества.

Одной из задач государства, характеризующих формирование и развитие информационного общества в Российской Федерации, является обеспечение предоставления гражданам и организациям услуг с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий. Но не менее важной задачей является предупреждение угроз, возникающих в информационном обществе, путем обеспечения безопасности функционирования информационных и телекоммуникационных систем и развития технологий защиты информации, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. Под данную задачу попадает и обеспечение защиты персональных данных при автоматизированной обработке персональных данных.

Развитие информатизации требует обновления нормативно-правовой базы. Нормативно-правовые акты должны способствовать обеспечению свободного доступа к общественно значимой информации, внедрению электронного документооборота, внедрению электронной цифровой подписи, обеспечению защиты прав субъектов персональных данных.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» под автоматизированной обработкой персональных данных понимается обработка персональных данных с помощью средств вычислительной техники [1, ст. 3]. И чем интенсивнее развивается информационное общество, тем актуальнее становится проблема защиты персональных данных.

Стремительно набирает популярность использование обществом единого портала государственных и муниципальных услуг. Одним из критериев эффективности защиты прав и законных интересов граждан в условиях изменяющейся среды является актуальность действующей нормативно-правовой базы. Вступление в силу ФЗ «О персональных данных» внесло свои коррективы в правоприменительную практику предоставления государствен-

ных и муниципальных услуг. В частности, основным требованием указанного нормативного акта является обеспечение защиты обрабатываемых персональных данных заявителей, а также их обработка и распространение в особом порядке. Правоприменительная практика указывает, что наиболее распространенным способом доступа к персональным данным является получение согласия заявителя на их обработку и распространение. Однако ст. 6 ФЗ «О персональных данных» устанавливает и другие условия обработки персональных данных, т.е. обстоятельства, наличие которых позволяет осуществлять обработку персональных данных субъекта. В частности, если обработка персональных данных необходима для исполнения полномочий соответствующих органов власти (а также внебюджетных фондов и местного самоуправления) и функций организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг, предусмотренных в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», включая регистрацию субъекта персональных данных на едином портале государственных и муниципальных услуг и (или) региональных порталах государственных и муниципальных услуг [1, ст. 6].

Данная норма дублируется ст. 7 Федерального закона № 210-ФЗ, согласно которой для обработки органами, предоставляющими государственные и муниципальные услуги, и иными органами, участвующими в предоставлении государственных и муниципальных услуг, персональных данных в целях предоставления государственной или муниципальной услуги по запросу заявителя, а также для обработки персональных данных при регистрации субъекта персональных данных на Едином портале государственных и муниципальных услуг и на региональных порталах государственных и муниципальных услуг не требуется получение согласия заявителя как субъекта персональных данных [2, ст. 7].

Каждый гражданин Российской Федерации при регистрации на Едином портале самостоятельно выбирает способ получения кода активации личного кабинета. Среди вариантов – отделение Почты России по месту жительства, а также ближайший центр

ОАО «Ростелеком» обслуживания клиентов. С целью упрощения процедуры регистрации и активации Личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации совместно с ОАО «Ростелеком» открыло более 90 центров обслуживания клиентов. Для прохождения регистрации и получения кода активации гражданину Российской Федерации необходимо предъявить свой паспорт и пенсионное свидетельство (СНИЛС). Персональные данные, пароли и идентификационные данные граждан Российской Федерации защищаются единой системой идентификации и аутентификации.

Единая система идентификации и аутентификации имеет статус федеральной государственной информационной системы. Система предоставляет участникам информационного взаимодействия и их информационным системам, подключенным к единой системе, данные, необходимые для обеспечения санкционированного доступа к информации, содержащейся в государственных информационных системах, муниципальных информационных системах и иных информационных системах.

В настоящее время действует государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы) [3]. Согласно подпрограмме «Безопасность в информационном обществе» государство с помощью надзорных и контрольных функций уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных, которым является Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), планирует достичь существенного улучшения целевых показателей:

- снижение доли жалоб субъектов персональных данных, по результатам рассмотрения которых подтвердились факты нарушения законодательства Российской Федерации в области персональных данных (с 7 % в 2011 году, до 2 % в 2020 году);
- доля организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, в общем числе обследованных организаций (с 70,7 % в 2011 году, до 90 % в 2020 году).

Планы амбициозные, но вполне осуществимые. Не стоит забывать о том, что 7 ноября 2001 года Российская Федерация подписала Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS № 108 [4], тем самым возложив на себя обязательства по приведению в соответствие нормам европейского законодательства деятельности в области защиты прав субъектов персональных данных. Достижение указанных в государственной программе показателей вплотную приближает Российскую Федерацию к этим нормам.

Список литературы

1. О персональных данных [Электронный ресурс]: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: Федер. закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных ETS N 108 (Страсбург, 28 января 1981 г.) [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;

Хрущев Денис Альбертович – магистрант Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург), e-mail: denhr@mail.ru.

Г.З. Файнбург

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**ЛИЦОМ К БУДУЩЕМУ:
МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМАЦИОННОГО ПЕРЕХОДА
(ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
З.И. ФАЙНБУРГА И Г.П. КОЗЛОВОЙ)**

Работа основана на рукописях из архива З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой, посвященных методологии познания социального развития общества. В центре анализа находится формация и формационное развитие человеческого общества.

Ключевые слова: цивилизация, общество, развитие, будущее, марксизм, методология, социализм

G.Z. Fainburg

Perm National Research Polytechnic University

**FACING THE FUTURE: THE METHODOLOGY
OF FORMATION TRANSITION (FROM THE ARCHIVAL
MATERIALS BY Z.I. FAINBURG AND G.P. KOZLOVA)**

The article is based on manuscripts from the archives of Z.I. Fainburg and G.P. Kozlova, dedicated cognition methodology for social development. In the center of the analysis there are the formation and formation's development of the human society.

Keywords: civilization, society, development, future, Marxism, methodology, socialism.

«Цивилизация, где цели превалировали над возможностями, завершилась! Теперь мы стоим на пороге цивилизации, у которой принципиальные возможности превалируют над целями, и выбор целей становится основой существования человечества», – более

четверти века написал сам для себя в заметках З.И. Файнбург, и был прав.

Сегодня человечество переживает эпоху глобального экономического и социально-политического катаклизма. Всемирный кризис господствующей экономической и финансовой системы, «фибрилляция» экономик ведущих стран, становление Китая как сверхдержавы по всем мыслимым параметрам и показателям, усиление борьбы за мировое господство, жестокость средневекового религиозного фанатизма, скрещенного с современными средствами ведения боевых действий, – все это заставляет человечество научиться принимать и реализовывать «правильные» для успеха дела решения, опирающиеся на «научный анализ». От этого зависит не только наше настоящее, но и предвидимое обозримое будущее, которое не сможет состояться, если не будут правильно выбраны приоритеты действий, обеспечивающие текущую и долгосрочную устойчивость развития, реальную глобальную и индивидуальную безопасность.

«Но современная наука подобна Голему: она всесильна не только в созидании, но одинаково всесильна и в разрушении. Став крупной индустриальной отраслью, массовым занятием, наука отчуждается от своих фактических творцов и хозяев, обретает самостоятельность и независимость существования, кажется людям стихийной и необузданной силой.

Что сулит человечеству бурное развитие науки: неограниченное могущество или ужасную гибель? Можно ли управлять прогрессом науки, вести его, или он нас ведет в неизвестность? Может быть, для сохранения своего существования человечеству надо не по спирали, а по кругу двигаться вперед и сейчас самое время повернуть науку со спиральной орбиты на круговую? А может быть, все это надуманные страхи и дело не в науке, а в социальной среде ее существования и развития?

На все эти вопросы нам необходимо ответить не из одного только праздного любопытства»¹.

Таким образом, мы приходим к пониманию крайней важности наличия развитой методологии социального анализа. Только поднявшись на глобальный уровень анализа, изменив масштаб видения проблемы, рассмотрев человеческое общество как единый объект, как систему, удастся описать глобальный переход от «экономического» общества к постэкономическому, когда социальные факторы развития станут «доминировать» над привычными нам сегодня экономическими.

Такое обобщенное понимание истории оказалось не только возможным, но и очень результативным в рамках теории марксизма. Однако для этого надо было коренным образом изменить метод исследования, точку зрения, отказаться от копания в «видимости» вещей и явлений, перейдя к научному анализу их «сущности».

Как известно, классики марксизма творили более 100–150 лет назад, опираясь на имеющуюся тогда фактографическую базу. Однако созданная ими методология, и в первую очередь диалектическая логика, оказалась настолько плодотворной и предсказательной, что реально приблизила общественные науки к своим естественнонаучным собратьям.

Вместе с тем «в последнее время, в связи с перестройкой экономического механизма, элементарный постулат социальной диалектики о неизбежном и необходимом взаимопроникновении старого и нового на первых ступенях развития новой исторической формации, постулат о диалектической исторической преемственности (равно можно сказать и о «диалектической природе» исторического отрицания), включающий в себя единство отрицания (доминирующая сторона развития) и преемственности (подчиненная, но не менее закономерная и обязательная сторона развития),

---

¹ Написано рукой Захара Ильича где-то в середине 70-х годов на отдельном уже пожелтевшем листке черными чернилами перьевой авторучки (кстати, сделанной в Китае по американской технологии фирмы Паркер!) – Г.Ф.

вызвал очередную волну необоснованных и неаргументированных нападок. Добро бы тщились в отрицании диалектики те, кто в ее овладении не поднимался выше формального экзамена кандидатского минимума. Так нет, все стараются «профессиональные диалектики». В свое время В.И. Ленин в своих черновых набросках горестно заметил, что за долгие годы никто из объявлявших себя марксистами не прочел Гегеля, а потому, увы, ничего не понял в „Капитале“...»¹.

Сам Захар Ильич не только тщательно прочитал Гегеля и разобрался в диалектической логике «Капитала», но и овладел методами диалектики познания [1]. В одной из своих заметок Захар Ильич писал, что «специфической особенностью марксистской философии является диалектическая непрерывность самого процесса познания. И хотя непрерывность реализуется как последовательная смена дискретного, именно непрерывность этого процесса является доминантной. Естественно, что развивающийся объект, в нашем случае – общество в своем историческом развитии, может быть познан только развивающимся познанием в рамках взаимосвязи относительной и абсолютной истин. Глубокий вред и научная несостоятельность любых проявлений догматизма² состоит именно в попытке «остановить» познание развивающегося объекта. Познание может искусственно «остановиться», но развивающийся объект – история – остановиться не может».

И лучшим способом приостановить или направить в другую сторону познание является внутренний животный страх «научного работника», «политического деятеля» или, что все чаще встречается в сегодняшней жизни – «активиста».

В рукописях З.И. Файнбурга сохранились написанные им еще в 50-е годы прошлого века заметки об этом явлении, озаглавленные «Страх и пропаганда»:

---

¹ Из набросков рукописного архива З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой. – Г.Ф.

² Как фанатично и эклектично «отдающегося» марксизму, так и с не меньшим «энтузиазмом» троллящего научный марксизм. – Г.Ф.

«Страх сам по себе не является аргументом в пропаганде. Он и не воспринимается объектом пропаганды как аргумент. Он выполняет роль тормоза, подсознательно задерживающего логическое переосмысление информативного содержания пропаганды.

Конкретная природа этого страха уже безразлична:

- страх тюрьмы,
- страх лишения работы,
- страх потери привилегий,
- страх публичного «разбирательства»...

Все это – УГРОЗЫ

- свободе
- личности,
- социальному статусу,
- наконец, просто спокойствию...

Свобода есть состояние, когда последствия вашего несогласия и т.п. не могут быть квалифицированы как УГРОЗЫ. Каковы последствия, которые не могут быть квалифицированы как угрозы, – это особый предмет».

Самому Захару Ильичу такой «социальный» страх был не свойственен. Он был Мыслитель и мыслил СВОБОДНО! И писал так же, а потому его так неохотно публиковали «власть предержавшие» и так охотно читали все настоящие ученые.

Методологией Захара Ильича всегда была диалектическая логика марксизма. В ее рамках внутренне противоречивое развитие общества воспринималось как процесс, что суперсжато было выражено Захаром Ильичем названием темы его основного научного исследования – «историческое место социализма». Не вневременное и внепространственное местонахождение как «состояние», а как временной конкретно-исторический процесс непрерывного диалектического развития. Однажды Захар Ильич задумал статью под названием «Методологические проблемы исследования исторического места социального объекта», написал этот заголовок на чистом листе клетчатой бумаги, дописал автора, г. Пермь... и по-

чему-то никогда к нему больше возвращался, хотя и хранил в бумагах своего огромного архива.

Среди многочисленных рукописей архива наше внимание привлекли три страницы, написанные черной китайской перьевой авторучкой. Последний абзац дописан пастой. Заметки озаглавлены «Историческое место социализма (конспективная постановка проблемы). Основные методологические принципы подхода к проблеме». Это заметки для себя, заметки, написанные одним махом, чтобы не потерять и не забыть мысль!

«Определение исторического места – критический пункт формационного анализа развития общества.

Понятие формации в нашей литературе избыточно формализуется, догматически привязывается к классическому перечню и т.п. «Формация» – понятие методологическое прежде всего, а уже потом можно говорить о конкретной классификации (которая и у классиков не была незыблемой: см. Ф. Энгельс. Происхождение [семьи, частной собственности и государства], гл. IX).

Отсюда – схоластичность дискуссии о том, является ли социализм формацией? С методологической позиции применения понятия формации единство социализма и коммунизма не может быть безусловным аргументом против применения этого понятия к социализму. Против несколько иное: соотношение МТБ [материально-технической базы] социализма и коммунизма.

Основой анализа исторического места является:

- анализ противоречий социального развития;
- анализ специфических свойств изменения качественных границ в обществе в зависимости от типа самого общества.

Выяснение исторического места социализма предполагает определенную схему формационного членения исторического процесса. Схема эта может быть только предельно обобщенной.

И как бы мы не называли все обозначенные на схеме «подразделения» исторических эпох, все они – формационного характера.

?	Рабовладельческий строй	Феодалный строй	Капиталистический строй	Переходный период	Социализм I II	Развитой коммунизм
***_____	-----			-----***		
Перво-бытнообщинное, коллективистское общество	Антагонистическое, классовое, эксплуататорское, индивидуалистическое общество			Коммунистическое, коллективистское общество		

Основные элементы анализа исторического места:

– определение «порядка» оценки, т.е. определение «координатной сетки» анализа, критериев оценки (высшее – как ключ к низшему);

– определение объективных (материальных) предпосылок данного типа общественных отношений (социализма, в нашем случае), что означает необходимость выяснения противоречий, которые предыдущий этап истории поставил, но не мог решить (именно их решение требует выхода за пределы предыдущего типа общественных отношений);

– определение тех противоречий, которые составляли основу движения предыдущих социальных форм, и которые решает данная общественная форма (т.е. выяснение преимуществ социализма по сравнению с классово-антагонистическими обществами, капитализмом в частности);

– определение тех противоречий (проблем), которые данный тип общества вызывает к жизни, которые являются источником его развития, но которые он решить не может, другими словами, таких противоречий, которые выводят нас за пределы данного типа общества (т.е. выяснение его исторической ограниченности как основы дальнейшего поступательного хода истории).

Только в единстве всех этих элементов анализа исторического места такой анализ приобретает подлинно системный, научный характер».

Захар Ильич всегда считал, что ключ к пониманию развития человеческого общества в целом, ключ к предвидению проблем и успехов будущего общества лежит в понимании советского социализма, сочетающего в себе и абсолютно закономерное (с позиции экономики и всемирно-исторического развития) и относительно случайное (победа революции в отсталой стране, культ личности, отставание от современного капитализма) [15].

«Глубокая озабоченность общества недостаточной научной обоснованностью принимаемых в стране социальных, экономических, технологических, экологических решений вызвала к жизни попытки разобраться в истоках такого положения» [8]. И вот, в гущу споров перестройки З.И. Файнбург пишет совместно с Г.П. Козловой ряд статей о развитии общества и о социализме, ибо всю свою творческую жизнь они занимались исследованием теории социализма (см., например, [1–4]).

Эти работы образуют своего рода логическую систему. В одних публикациях 1989–1990 годов авторы разбираются в истории и сущности того общества, в котором они жили – советского социализма [5–10]. В других – попытались соотнести события исторического развития и проблемы современности с постулатами фундаментальной науки об обществе [11].

Итоги всей этой работы частично подведены в книгах Захара Ильича, написанных при интеллектуальной и технической поддержке Галины Петровны [12–14].

Вместе с тем многое написанное в тот период осталось неопубликованным. И тогда, и сейчас, спустя почти четверть века, всех волнует один важный и общий вопрос: а могла ли наша страна, отправляясь от Октября 1917 года и ленинской новой экономической политики, прийти к социализму?

Только ответив на этот вопрос, мы можем понять пути движения человеческого общества, возможные альтернативы, придать известную научность практике.

Обо всем этом говорится в рукописи одной из последних работ З.И. Файнбурга и Г.П. Козловой «Могло ли наше общество стать социалистическим?.. Опыт прогностического исследования, опрокинутого в прошлое», написанной, скорее всего, в августе 1990 г.

Сохранился черновик самых первых набросков этой статьи рукой Захара Ильича. Сначала идет название, прямо и четко говорящее о сути: Могла ли Россия построить социализм?, потом – подзаголовок: первоначально написано «Гипотетическое предвидение прошлого», потом надписан новый подзаголовок: «Прогноз, опрокинутый в прошлое». Подзаголовок был явно неудачным, ибо речь шла об анализе гипотетических вариантов, которые потенциально могли, но не были реально воплощены в жизнь ходом истории. Однако суть работы была ясна, и автор двинулся дальше:

- «1) Неясно было, **что** строить
- 2) Неясно было, **как** строить
- 3) Не очень ясно было, **кто** должен строить».

Справа автор для себя стрелочками и скобочками пометил две мысли. Первая: неясности, **что** строить определяют и неясности, **как** это строить. Вторая: И обе эти проблемы, и третья – все они опираются на *теорию* социального развития.

Помимо этого стрелочкой вниз от слова «очень» логика мысли переводилась на анализ того, почему не очень было ясно, кто должен строить...

«Не ясно было соотношение и качество: экономики (1), политики (2), культуры (3), идеологии (4), «располагающихся» в традиционном порядке взаимного влияния для феодальных и буржуазных отношений, но необходимых для социализма в ином порядке: 4-3-2-1, где главенствует идеология, влияющая на культуру, которая определяет политику, которая определяет экономические решения. Смена формационного типа влечет за собой смену струк-

туры, и культура в широком смысле (включая науку, нравственность и идеологию) выходит «наверх». А в общине??».

Жирной двойной линией очерчено внизу поле других важных мыслей, которые нужно было зафиксировать: «не является ли современная трансформация религии (особенно христианства) превращенной формой движения к «новому» в условиях, когда человеческий материал «старый». Религиозный «механизм» формирования индивидуальной нравственности (индивид как часть целого) уже не современен, следовательно, нужен новый механизм, но сохраняющий достижения строго.

И еще одной линией волнисто отчерчено поле для фразы: «Цивилизация потребления или цивилизация культуры?».

Дальше на других листках разбирался вопрос о том, почему «все пошло не так, как надо». Основные зафиксированные причины виделись в инерции идеологии военного коммунизма и соответствующих представлений в руководстве партией и страной, которое сложилось в организационном процессе борьбы. Теория социализма оставалась на нулевом уровне, да и сама революция была крестьянской, а социализм ожидался в **будущем** (здесь Захар Ильич поставил значок *Nota Bene!*). Более того, общее гонение на науку (философский пароход и высылка ученых), присвоение имени «марксист» не по существу взглядов, а по партийной принадлежности, открытое вмешательство ЦК в науку – все это не способствовало выработке правильного курса построения социализма. Давление вульгарной идеологии на научную теорию социальных процессов было огромным. В итоге возникает «плановость как беззаконие» и всевластие государства. «Полно примеров „насилия“ всевластного государства над объективными законами социального развития. Замалчивание этих фактов в исторических работах мешает критическому исследованию важнейшего **сегодня** вопроса о соотношении теории и практики. История – ключ к решению сегодняшних практических вопросов, а не только средство идеологического манипулирования», – писал Захар Ильич в одной из своих заметок.

В размышлениях о том, почему реальный советский социализм проигрывает западному капитализму, Захар Ильич однажды зафиксировал для себя следующие мысли: «ГП¹ полагает, что надо напрямую ставить вопрос о том, что социализм не может *превзойти* капитализм в *экономических* отношениях. Ему бы не отстать, можно даже несколько отстать, а в целом нужно выйти на тот же уровень, когда: увеличение объемов теряет свой смысл (производственное изобилие); качество производства сравнивается; нужна станет 2-я промышленная революция, а не просто научно-технический прогресс.

Общество должно в принципе исчерпать **экономические проблемы**, чтобы на первый план выступили **социальные проблемы**, в которых (социальные возможности и социальные гарантии) преимущества социализма безусловны.

Почему же (и в чем конкретно, технологически) коллективизм недостаточно конкурентоспособен перед капитализмом экономически? В стимулах? В отсутствии «автоматизма»? Очевидно, снижается степень внесубъектной объективизации, а степень объективизации «точнее» как механизм, чем тот, в который вмешивается субъективность.

Везде, где социальное переплетено с экономическим, встроено в него, проявляется *преимущество* коллективности. Но там, где экономическое существует в чистом виде – ??

У классиков даны *экономические* предпосылки коллективности, но сопоставление с капитализмом (2-ая глава «Манифеста коммунистической партии») они ведут по *социальным* критериям, т.е. ведут речь о социальных преимуществах коммунизма перед капитализмом (преимущества капитализма перед феодализмом в 1-й главе – экономические!!!)».

«Классики (К. Маркс и Ф. Энгельс) жили давно и ухватили *тенденцию* общественного развития. Ухватили верно – разве не так пошла и идет история в своем основном русле? Но жизнь как

---

¹ Галина Петровна Козлова, его жена, соратник и соавтор. – Г.Ф.

всегда сложнее и богаче голой тенденции...», – писала в записке Захару Ильичу Галина Петровна, – «Я считаю, социализм – это идея, и надо видеть *реальное* воплощение, оно всегда будет существовать в несколько отличной от идеи, даже *превращенной*, форме, т.е. форме, заданной конкретными историческими условиями, обстоятельствами».

«Капитализм стран Запада опередил нас за счет вынужденного и стихийного большего развития в самом себе социалистических начал...» – напечатано на отдельном листке и сохранено.

Так могли ли мы построить социализм за 70 лет советской власти? Ответ на это частично содержится в публикуемой нами рукописи статьи Захара Ильича и Галины Петровны. Предварим ее словами из публикации Захара Ильича о роли науки в принятии социальных решений [8]:

«Неспешна твоя поступь, История...

Трагический по своим итогам опыт столкновения цивилизации с необходимостью обновлять основные свойства и смыслы социальной жизни, сохраняя при этом все позитивное, нажитое тысячелетиями, внушает, в конце концов, не только страх, но и надежду. Человечество выжило, не погибло от собственной неумности, от нежелания и неумения обуздать свой эгоизм. Кажется, что мы что-то начинаем понимать в собственной истории, кажется, что мы не совсем потеряли способность к самокритике. Может быть, мы и в самом деле наконец сумеем извлечь из нашего прошлого действенные, полезные, практические уроки для настоящего и будущего?...»

Список литературы

1. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма / под ред. д-ра филос. наук, проф. В.П. Красавина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – 138 с.
2. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формирование научных представлений о социализме на основе «Социалистической критики

капиталистического способа производства» // Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркса. – М., 1985. – С. 86–97.

3. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Вычленение объективного в субъективном как критический пункт прикладного социального познания // Тез. докл. VIII Междунар. конгресса по логике, методологии и философии науки, Москва, 17–22 авг. 1987 г. – М., 1987. – Т. 5, ч. 2, секции 7–11. – С. 463–465.

4. Файнбург З.И. Противоречия коммунистической формации: сущность и методология исследования // Противоречие как источник развития: межвуз. сб. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Проблемный совет по материалист. диалектике. – Л., 1988. – С. 97–111. – (Проблемы диалектики. Вып. XIII).

5. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Какой социализм мы строили? // Политическое образование. – 1989. – № 18. – С. 37–45.

6. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Концепция против цитаты: К вопросу о современном прочтении классического наследия // Экономические науки. – 1989. – № 1. – С. 77–86.

7. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Развитие взглядов В.И. Ленина на социализм // Обновляющийся социализм: Облик, тенденции, поиск: тез. к науч.-метод. конф. преподавателей ун-та марксизма-ленинизма / Общест.-полит. центр Перм. обкома КПСС; Ун-т марксизма-ленинизма. – Пермь, 1990. – С. 5–9.

8. Файнбург З.И. Только наука! // Химия и жизнь. – 1990. – № 2. – С. 9–13.

9. Файнбург З.И. Наука и политика. Место и роль науки в истории и современной структуре общества в СССР // Пульс-90. Пермские ученые о некоторых теоретических и практических вопросах перестройки. – Вып. 2. – Перм. кн. изд-во, 1990. – С. 6–36.

10. Что такое социализм: [Круглый стол. Ведущий З.И. Файнбург] // Вечерняя Пермь. – 1990. – 16 марта.

11. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. – 1990. – № 6. – С. 24–37.

12. Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории). – М.: Политиздат, 1991. – 319 с.

13. Файнбург З.И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики / Мемориальное издание под общей редакцией проф. Г.З. Файнбурга. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2007. – 280 с.

14. Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность. – Мемориальное издание / Подготовка к изданию – проф. Г.З. Файнбург – 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. – 352 с.

15. Файнбург Г.З. Разум и чувства (О некоторых взглядах З.И. Файнбурга на историческое место советского социализма) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. З.И. Файнбурга (Файнбургские чтения). – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2010. – С. 14–29.

Файнбург Григорий Захарович – заслуженный работник высшей школы РФ, доктор технических наук, профессор, директор Института безопасности труда, производства и человека Пермского национального исследовательского политехнического университета, e-mail: faynburg@mail.ru.

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова
Пермский политехнический институт¹

**МОГЛО ЛИ НАШЕ ОБЩЕСТВО
СТАТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ?
ОПЫТ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОПРОКИНУТОГО В ПРОШЛОЕ**

В статье, написанной летом 1990 года, рассматриваются актуальные и поныне вопросы выбора путей строительства социализма. Детально обосновываются объективные и субъективные причины выбора «государственного капитализма» как деформированной формы реализации социалистической идеи.

Ключевые слова: социализм, капитализм, формация, октябрьская революция, марксизм, предмарксизм, история России, формационный переход.

Z.I. Fainburg, G.P. Kozlova
Perm Polytechnic Institute

**WHETHER THERE COULD BE OUR SOCIETY SOCIALIST?
EXPERIENCE OF PROGNOSTIC RESEARCH,
OVERTURNED IN THE PAST**

In article written in the summer of 1990 questions of a choice of ways of construction of socialism are considered actual and until now. In details the objective and subjective reasons of a choice of "the state capitalism" as the deformed form of realization of socialist idea locate.

Keywords: socialism, capitalism, formation, October revolution, Marxism, premarxism, history of Russia, formational transition.

---

¹ Статья написана в 1990 г. Сегодня Пермский политехнический институт называется Пермским национальным исследовательским политехническим университетом.

Вопрос, вынесенный нами в заголовок статьи, может кому-то показаться простым. На самом деле это – одна из ключевых загадок последнего столетия истории: истории Государства Российского и истории мира в целом. В этом вопросе скрыт не только (а может быть, и не столько) ответ на то, что могло быть с нами в прошлом, но и ответ на то, что может ожидать изрядную часть человечества в будущем.

Сама постановка проблемы для нас как авторов появилась естественным путем. Дело не только в том, что всю свою творческую жизнь мы занимались исследованием теории социализма. Своего рода логическую цепочку образуют и наши публикации 1989–1990 годов: сначала мы попробовали ответить на вопрос: «Какой социализм мы строили?» (Политическое образование. 1989. № 18); затем мы попытались соотнести события современности с постулатами фундаментальной науки об обществе: «Формационная теория К. Маркса и современный социализм» (Экономические науки. 1990. № 6); наконец, сам собой возник и своего рода заключительный вопрос: а могли ли мы, отправляясь от Октября 1917 и ленинской новой экономической политики, прийти к социализму? Только ответив на этот вопрос, мы можем придать известную целостность своей концепции современного социализма, обоснованием и анализом которой мы занялись задолго до того, как новое понимание определения «современный» стало предметом ожесточенных дискуссий.

Речь идет об одной из ключевых проблем формационного перехода: может ли политическая революция создать преимущественные условия для перехода от одной формации к другой и, в частности, – от капитализма к социализму? Каков был реальный путь истории СССР, теперь уже во многом известно. Однако, при всех разногласиях в оценках, хорошо известно, что путь этот был далек от оптимального варианта. И хотя возможный оптимальный вариант прошлого на сегодняшний день является, безусловно, гипотетическим, его рассмотрение очень важно не только для теории, но и для еще предстоящей миру социальной практики.

Формационный переход от феодализма к капитализму занял около трех-четырех сотен лет. Прогноз А.А. Богданова-Малиновского (сделанный им в 1908 году) относительно формационного перехода к социализму: две-три сотни лет. Поэтому пока надо рассматривать все вопросы формационного перехода к социализму как дело преимущественно будущего. Опыт прошлых 70 лет для этого будущего очень полезен, но возможных перспектив достижения этого будущего один этот опыт исчерпать никак не может. Поэтому анализ этих 70 лет с позиции не только реально состоявшейся истории, но и исторически возможных ее вариантов, может уяснить известные основания для попыток прогнозирования продолжающегося (только прошедшего пока первые шаги) формационного перехода.

Формационный переход – это всегда сочетание революционного и эволюционного путей развития. Это сочетание само по себе глубоко противоречиво. Глубоко противоречив и сам процесс формационного перехода. Каковы конкретно возможные и каковы теоретически оптимальные пути сочетания того и другого путей? В этом – проблема.

Проблема возможности создания социалистического общества в результате революции рабочего класса и, в частности, Октябрьской революции 1917 года в России, возвращает нас к необходимости дать определение: *что такое социализм с точки зрения современного обществоведения?*

В свете формационной концепции развития общества К. Маркса и Ф. Энгельса социализм – фаза, ступень новой, коллективистской в своей основе **формации**, закономерно (то есть на основании поступательного развития производительных сил) сменяющая капитализм как наиболее развитую форму индивидуалистически ориентированного общества (см. примечание № 1). Эта формационная трактовка социализма была свойственна, в конечном счете, равно и коммунистическому движению (ставившему во главе средств перехода к социализму политическую революцию), и социал-демократическому движению (полагающему в качестве ис-

ходного средства перехода к социализму политическое реформирование общества). Разногласия касались в большей мере средств реализации конечной цели, чем самого понимания ее характера (хотя есть разногласия и этого рода).

В современной литературе этой формационной трактовке социализма противостоит его трактовка, которую мы бы назвали *политизированной*: социализм трактуется как определенная политическая линия, отражающая конкретные социальные интересы (см. примечание № 2). Существует множество вариантов этого политизированного объяснения социализма, однако общее основание у них одно – трактовка современного общества по критерию, в котором преобладает обособленная оценка его технической базы: «индустриальная цивилизация» (З. Млынарж или тот же С. Станкевич), «эффективное (или – альтернативно – неэффективное) производство» (М. Джилас), «постиндустриализм» (З. Бжезинский) и т.п. При таком подходе различия коммунистической, социал-демократической, буржуазно(либерально)-консервативной политики становятся решающими в оценке состояния общества, а идея закономерного формационного перехода в этих различиях различных политик просто «растворяется» и тем самым теряется.

Жива и очень распространена до сих пор и *полуутопическая* трактовка социализма как некоторого идеального состояния, некоторой идеальной социальной справедливости и благоденствия, к которым люди могут стремиться, но которые в полной мере никогда не могут быть реализованы на практике (см. примечание № 3).

Мы полагаем, что в анализе истории под тем углом зрения, который обозначен нами в заголовке статьи, *плодотворным может быть только формационный подход*. Научная аргументация в его пользу – это самостоятельная проблема. Однако в данном конкретном случае исследование может быть действительно полным, системным, не ограниченным лишь мало что значащими без критично-следственного анализа понятиями «ошибка», «злумышление», только при опоре на формационную концепцию. Нужно методологически единое основание и для характеристики

хода истории, и для политической линии, и для индивидуальных и групповых ошибок и т.д. и т.п.

Найти единство подхода в объяснении и потенциальных возможностей, и причин того, почему эти возможности остались не реализованными, и характера объективных процессов и субъективных воздействий на эти объективные процессы, найти формационное обоснование самого характера субъективности, влиявшей на ход истории, – вот задача, которую мы себе ставим.

* * *

Начать нам надобно, очевидно, с анализа революций прошлого: каково было их формационное содержание и каковы были их конкретно-исторические ход и результаты?

Начнем с Великой Французской революции. Было ли возможно установление прямой власти буржуазии и буржуазных общественных отношений во Франции в результате революции 1789–1794 годов? Абстрактно рассуждая – да! Конкретно – нет, и еще раз нет!...

Буржуазия к тому времени еще не осознавала себя как класс, на котором держится *производство*. Она им почти не занималась. Торговля и спекуляции – вот видимое лицо тогдашней буржуазии. Политическое самосознание буржуазии было на столь же невысоком уровне, как и ее участие в производстве: она враждовала с дворянством, но ему завидовала и, сколько могла, подражала. Не очень ясно виделся буржуазии и круг ее врагов, и круг ее необходимых союзников. Свой интерес понимался буржуазией очень конкретно и одновременно очень узко: его общеисторическая перспектива была ей самой (в лице и ее теоретиков, и ее практиков) вовсе неясна. Соответственно, недостаточно оформленной, недостаточно гибкой и универсальной была и структура ее политической организации.

Может быть, именно в этой неразвитости и незрелости нового и заложена причина именно такой формы продвижения к новому, как *политическая революция*? Ведь, если новое уже экономически

вызрело (эволюционным путем) внутри старого и под его прикрытием, то и политическое развитие, как правило, не требует радикальных политических революций (кроме сравнительно редких случаев, когда общество нуждается в смене авторитарного политического режима на какой-либо из вариантов демократии).

Мы усматриваем определенную историческую аналогию общественно-политической ситуации 1789–1794 годов во Франции и положения в обществе после Октябрьской революции 1917 года в России. В обоих случаях новое еще не вызрело в старом, но «роды» были ускорены политической революцией. Однако ситуация в 1917–1920 годов в России была связана с формационным переходом более высокого исторического порядка, а потому она оказалась намного более сложной.

Новое качество формационного перехода (одновременно делающее его и на порядок более сложным) состояло в России в том, что переход от капитализма к социализму в основе своей всегда в той или иной мере **планомерен**, ибо эпоха индивидуализма сменяется коллективизмом, тогда как переход от феодализма к капитализму в основе своей в чем-то **стихийен**, ибо обе формации существуют в рамках принципиально одной системы индивидуализма.

Переход от феодализма к капитализму, конечно, получает соответственное (но всегда превращенное) отражение в сознании, в субъективной деятельности главных действующих лиц, и этого *превращенного осознания* в принципе здесь исторически **достаточно**. А поскольку строгий научный *проект* перехода от старого к новому в границах однотипного (индивидуалистического) общества был бы избыточным, то он оказывается и не нужным.

В отличие от этого переход от капитализма к социализму является переходом между обществами разного типа (одно – индивидуалистическое, другое – коллективистское), а потому становление и развитие общественных отношений преимущественно в коллективистской форме требует **научного проекта**, научно обоснованной **планомерности**, научного обоснования и цели и средств ее достижения, чтобы достигнутый результат соответствовал запланированной цели.

Эту постановку проблемы можно (и, очевидно, следует) «перевернуть»: развитие сложной, высокопроизводительной (одновременно и экологически опасной) техники, усложнение хозяйственных связей, основанных на разделении труда, все возрастающая роль науки как производительной силы, науки как основы эффективного управления, научной и общекультурной подготовки работников как все более важного элемента производственной деятельности требуют в совокупности целенаправленной *координации* общественного процесса в целом, т.е. *планомерности*, т.е. общественного развития по научно обоснованному *проекту*.

В середине XIX века эта тенденция производительных сил и общества в целом была в самом общем виде обозначена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В начале XX века эта тенденция была признана одной из существенных для капитализма того времени – монополистического капитализма (В.И. Ленин, Р. Гильфердинг, К. Каутский и др.). Однако в практическом, реальном функционировании общества к тому времени эта тенденция еще очень и очень мало себя проявила.

Поэтому и после революции 1917 года эта тенденция сначала была понята в самом общем, избыточно абстрактном виде. А практический смысл она могла приобрести (то есть реализоваться как условие движения общества к преобладанию коллективистских начал его организации – к социализму) только в том случае, если бы были последовательно осуществлены все степени опосредствованного движения от *абстрактной идеи* к *прикладным технологиям*.

Вот здесь и «срабатывает» историческая аналогия (отражающая, как мы полагаем, определенную историческую закономерность) революции 1917 года с революцией 1789–1794 годов: и в том и в другом случае *общество было не готово к непосредственной реализации тех конечных целей, которые были выдвинуты в качестве целей революции*. Предпосылки нового уже есть, есть и некоторые его элементы, но новое качество как формационная ступень еще должно и может сложиться только как результат дли-

тельного эволюционного развития, для которого политическая революция формирует некоторые потенциально оптимальные условия.

Стихийному движению французского общества от феодализма к капитализму как таковому понадобилось более 80 лет развития и преобразований – с 1789 до 1871 года (взяты даты примерных политических границ формационного перехода). После революции 1789 года капитализм во Франции развивался эволюционно (несмотря на революции 1830 и 1848 года), а у власти стояло дворянство. И только в 1871 году буржуазия сама взяла власть в свои руки!

Еще более стихийному движению российского общества от капитализма к социализму понадобилось около 70 лет (с 1917 до 1985 года), чтобы планомерность из декларированной (когда она была фактически худшей формой стихийности) и ненаучной (то есть опять – таки фактически стихийности, ибо в основе ее лежала вульгарная идеология) стала становиться собственно планомерностью, и наметился *возможный выход* общества СССР из формационного тупика, а также обозначилась реальная (хотя и очень труднореализуемая) возможность выхода советского общества как целого на первый формационный уровень нового – уровень действительного социализма.

Революция 1917 года под эгидой социалистических конечных целей была для своего времени *оправдана и закономерна*. У нее был огромный позитивный потенциал, который преимущественно по объективным причинам (но и по субъективным причинам тоже) был реализован в относительно малой степени и непомерно дорогой ценой. В целом эта революция во многом очень способствовала (и своими позитивными, и своими негативными следствиями) формационному прогрессу как своей собственной страны, так и человечества в целом.

Конечно, в ретроспективной оценке 1990 года эта революция (даже в рамках последовательно научного современного марксизма) видится уже в несколько ином свете, чем ее видели большевики 1917 года. Но ведь и революция 1789–1794 годов видится современному исследователю в несколько ином свете, чем Якобин-

скому клубу, поднявшему в те далекие годы лозунг-мечту о «свободе, равенстве, братстве»...¹

Историю бессмысленно *судить*: ее надо анализировать, стараясь насколько это возможно (хотя бы по рецепту «социологии знания» К. Мангейма) защитить объективное научное исследование от неизбежных элементов идеологического воздействия на формулируемые выводы. Уйти вовсе от идеологического влияния – чистая утопия. Мы познаем общественный процесс, в который **сами** включены в качестве активных действующих лиц. Поэтому наивно было бы пытаться целиком, без остатка абстрагироваться от самих себя: способность субъекта познания к самопознанию – один из коренных философских вопросов нашего времени (см. примечание № 4).

История уже состоялась. И нарастающее со временем требование целенаправленной саморегуляции общественного процесса в качестве безальтернативного условия предполагает не эмоции и реминисценции по поводу состоявшейся истории, а ее объективного научного исследования для вполне конкретных («технологических» по своей природе) практических выводов.

Итак, самая общая, основанная преимущественно на исторической параллели, оценка возможности успешного продвижения к социализму сразу после политической революции, ставящей соответственные «высокие» цели, пессимистична! Если бы абстрактные возможности такого успешного продвижения к социализму в России и были, то конкретная ситуация неизбежно предоставила бы такое нарастание помех этому продвижению, вплоть до практически полной потери способности продвижения в декларированном направлении.

---

¹ Сохранилась записка Г.П. Козловой: «Нужно признать, что лозунг „свобода, равенство и братство“ не только отразил умонастроение масс, но и был затем реализован в исторически возможной в то время степени – в преодолении крепостной зависимости (личной несвободы) и в свободе предпринимательства, в преодолении сословного неравенства (все равны перед Богом, законом, деньгами, как всеобщим воплощением богатства), в братском единстве всех, кто единым фронтом выступает против феодалов и их привилегий».

Попытаемся теперь кратко проанализировать наличие в те годы самих по себе абстрактных возможностей продвижения к социализму. Иначе говоря, не было ли само по себе выдвижение социалистической программы заведомой утопией? Или речь должна идти о том, что при переходе от фактических, отнюдь не утопических формальных возможностей к их конкретной реализации неизбежно возникают такие факторы деформации реального продвижения к цели, которые в конце концов делают наиболее вероятными именно исторически тупиковые «деформированные» варианты?

* * *

Начнем с анализа *экономических условий* продвижения общества к социализму.

Если под социализмом иметь в виду *полное устранение наемного труда и отчуждения средств производства от работника*, то такого социализма нет и быть не может, поскольку в полной мере такое устранение было невозможно тогда и невозможно до сих пор в принципе. Машинное производство не устраняет ни отчуждения (существование которого обусловлено разделением труда), ни наемного труда, хотя бы это был уже найм себя как индивида собой же как частицей коллективного собственника (см. примечание № 5). Разделение владения, распоряжения и использования собственности в рамках современного машинного производства снять невозможно. Можно оптимизировать в том или ином направлении взаимоотношение собственности и труда как противоречивых сторон единого, оптимизировать положение работника как участника отношения собственности и главного действующего персонажа процесса труда, но не более. А потому *большего* никакая политическая революция, если она остается на земле объективности, а не воспаряет в облаках утопий, сделать не может.

К моменту самой революции 1917 года никакой достаточно конкретной (на уровне социальных технологий) программы формирования экономики социалистического типа у большевиков не

было, да и быть не могло – Россия нуждалась в революции буржуазно-демократической (крестьянской), но не в непосредственном движении к социализму (см. примечание № 6).

Попытки формирования такой программы, где элементы реального подхода были еще замешены исключительно на утопических основаниях, делались большевиками весной 1918 года, но даже эти попытки были сорваны гражданской войной. В ходе этой ожесточенной войны уровень утопических представлений о переходе к социализму не только не снизился, а приобрел еще большее значение, что и зафиксировал «военный коммунизм».

К 1921 году гибельность утопической программы перехода к социализму стала очевидной. Начинаются поиски реальных возможностей. Они были выражены новой экономической политикой (НЭП). Эта политика ориентировала страну на *государственный капитализм* в промышленности, развитие товарных отношений в сельском хозяйстве и его кооперирование (становившееся возможным по мере нарастания товарных связей) (см. примечание № 7). В то время эта ориентация экономики твердо характеризовалась как «переходный период» в движении к социализму. Социализм виделся как экономический строй с одним укладом (государственной и кооперативной собственностью). Фактически это была установка, не лишенная в самой своей основе огромной доли утопизма.

К. Маркс в своих экономических работах показал, что первая фаза новой формации многоукладна: старое в ней органически переплетено, взаимодействует с новым. Из марксовской методологии никак не вытекало, что социализм – первая фаза коллективистской формации – может представлять какое-либо исключение. Однако этот вывод из марксовской формационной концепции остался не замеченным в первые годы революции, когда он мог коренным образом повлиять на программу строительства социализма. Более того, этот вывод и сейчас, когда практика сама «вышла» на многоукладность социализма, никак не увязывается с формационной концепцией К. Маркса. Стереотипы мышления пока господствуют и в проблемах, носящих собственно научный характер...

В те же далекие годы середины и конца 20-х годов утопическое представление о социализме как об экономическом строе только с одним укладом было настолько сильным, что вместо анализа практики (путь, который для В.И. Ленина был все же предпочтительнее, и который позволял ему преодолевать собственные заблуждения) начались попытки обоснования, оправдания именно утопического понимания социализма. В качестве теоретического обоснования утопической установки и на характер переходного периода, и на характер социализма И.В. Сталин (уже в 1925–1926 годах) пытается трактовать социалистическую политическую революцию и переход к социализму как особый случай, как исключение из законов марксова формационного перехода (см. примечание № 8).

Следствием всего этого явилась деформация представления о самой цели реального развития: декларируя «движение к социализму», наше общество фактически двигалось к некоему утопическому образу, не лишнему, правда, в ряде аспектов истинных свойств социализма, но в целом и в главном – в самом понимании в формационном ключе характера экономических отношений – далеком и от истинных свойств, и от возможностей социализма, как он понимается строгой наукой.

Утопическое понимание природы социализма, изначально деформировавшее направленность исторического движения, отнюдь не было случайностью и не может быть сведено к элементарному недомыслию и т.п. В России – по ее уровню формационного развития – *парадигма* нового понимания общественного развития была возможна только в форме грубой, неразвитой теории, отягощенной прямыми и существенными заимствованиями из предшествующих (целиком утопических) концепций социализма. Марксизм в России (и далеко не только в ней) был возможен только в форме так называемого «предмарксизма» (см. примечание № 9).

Если человек идет по лесу без компаса, он неизбежно начинает кружить, возвращается на собственный след. Вот и движение нашей страны к социализму лишило себя (акцент на субъективный

фактор) или не смогло найти (акцент на объективный фактор) – трудно сказать, какой из вариантов доминировал, хотя оба они реально имели место – «компаса» на пути построения экономического базиса социализма.

Более того, капиталистическая экономика на третьей, заключительной фазе развития капитализма¹ имеет хозяйственный механизм, весьма сходный с хозяйственным механизмом первой фазы новой, коллективистской формации – социализмом. Процесс эволюции экономики схематично выглядит примерно так: частнособственнический капитализм – монополистический капитализм – государственно-монополистический (корпоративно-монополистический) капитализм² – государственный социализм... (проблема последующих ступеней нуждается в специальном исследовании, что и обозначено многоточием в конце схемы). Движение по этому пути (а именно он фактически предопределял новой экономической политикой) было вполне реальным для России 1921–1923 годов. А следовательно, реальным (по крайней мере в абстракции) было движение к социализму как таковому.

В 1921–1923 годах В.И. Лениным был найден реалистический вариант развития экономики. Впереди была не менее сложная и трудная проблема переоценки того, что должно было понимать под социализмом. Надо было бы прийти к известному (и весьма значительному) сближению экономических отношений переходного периода и самого социализма. В принципе (и это тоже было нащупано В.И. Лениным в его самых последних работах) все сводилось к изменению характера экономических отношений в сельском хозяйстве и некоторых других сферах производства. Индустриализация лишь подводила производственно-техническую базу под возникновение и упрочение (вплоть до практической необратимости) кооперации в сельском хозяйстве, мелком и среднем производстве, сфере услуг, торговле.

---

¹ См. примечание № 10.

² См. примечание № 11.

Однако 1925–1926 годах И.В. Сталиным был обрисован принципиально другой подход к проблеме и переходного периода, и самого социализма. Эта была дорога в тупик.

Если бы Россия двигалась к социализму «по-ленински», т.е. развивая и совершенствуя начала НЭПа 1921–1923 годах, то примерно к 1940 году можно было бы ожидать:

– достаточно развитой индустрии с количественными показателями, близкими к тем, что в действительности имели место, однако «цена» (материальных и человеческих потерь) достижения этого уровня была совсем иной, а его способность к новому развитию – несравненно выше;

– сравнительно высоко развитого сельского хозяйства (с валовым продуктом минимум в 2–2,5 раза более высоким, чем в 1928 году), в значительной мере механизированного, интенсифицированного, основанного прежде всего на кооперативных началах (кооперативный уровень отношений собственности как более высокий с точки зрения критериев обобществления «перекрывал» бы по своему экономическому значению даже очень значительный элемент частнособственнических отношений, тяготеющих к фермерскому хозяйствованию);

– относительно высокой включенности экономики СССР в международное разделение труда на экономических предпосылках конвертируемой валюты и централизованного регулирования основных товаропотоков.

Был бы это социализм с точки зрения экономических критериев. Сколько-то, наверное, «да», хотя во многом еще «нет».

Налицо была бы планово-рыночная экономика со всеми издержками в социальной стороне экономических отношений. Вместе с тем налицо был бы такой уровень экономической развитости, который позволял бы в принципе компенсировать слабые в социальном отношении стороны экономической системы за счет перераспределения прибавочного продукта для обеспечения социальных гарантий. Даже если бы мы оценили этот уровень как самую первую форму собственно социализма – «государственный социа-

лизм», то в качестве определений ее качества речь бы шла о неполной, недостаточной развитости, но не о «деформации», как только и можно было оценивать реально сложившееся к 1940 году положение. А если бы оценивали это историческое состояние 1940 года все еще как «государственный капитализм», речь шла бы о «социализированном (причем на достаточно высоком уровне) капитализме».

По показателям экстенсивной развитости (особенно по объемным показателям на душу населения и т.п.) СССР вряд ли бы занял передовые позиции, хотя по абсолютному объему производства показатели склонились в пользу СССР из-за масштабов страны. Вряд ли к этому времени мы превзошли бы развитые страны Европы и США по показателям интенсивности производства. Но по уровню *формационной зрелости* наша страна была бы на ступень выше всех этих стран. И в этом был бы залог последующего эффективного развития, эффективного, в нашу пользу – пользу социализма, соревнования старой и новой формаций.

Если предположить, что и при этих условиях общая история шла бы примерно такими же путями (хотя и тут возможны свои гипотетические оценки иных ее возможностей), то выигрыш в войне был бы достигнут много меньшей ценой, с много меньшими материальными и особенно человеческими потерями, а восстановление после войны прошло бы также эффективнее и без того полнейшего истощения сельского хозяйства и сельского населения, к какому мы пришли в стране в 1953 году.

В своем последовательном развитии СССР, без всякого сомнения, вышел бы в число преуспевающих стран, успешно решающих и проблемы научно-технического прогресса, и проблемы качества жизни. И уж, конечно, не могло бы в принципе сложиться то нелепое положение, когда по степени развитости некоторых собственно социалистических элементов общественных отношений ряд стран развитого капитализма (в основе своей – все еще капитализма) опережает СССР, страну, настаивающую на своих социалистических целях и традициях. Вся послевоенная (в том

числе и современная, конечно) история тогда пошла бы по-другому: формационное историческое преимущество социализма реализовалось бы более прямо, без причудливых зигзагов истории, без реализации через пень-колоду фактически принципов социализма, но на базе внешне антисоциалистической идеологии и т.д.

Таковыми, примерно, по нашему мнению, были гипотетические возможности развития экономических отношений в СССР, если бы все шло «по науке».

Но, конечно, еще сложнее была перспектива *политического обеспечения* продвижения России после Октября 1917 года в сторону социализма. Плановость общественного развития, в какой бы форме она не реализовывалась, существенно повышает роль субъективного фактора общественного процесса. Политическая сфера отношений в обществе и есть то пространство, где этот субъективный фактор реализуется. Поэтому ее роль в общем формационном развитии становится в каких-то аспектах определяющей.

Вместе с тем политические отношения достаточно самостоятельны, у них свои законы функционирования и развития. Характер развития политических отношений, следовательно, приобретает *формационное значение*: предопределяет, быть ли капитализму, быть ли социализму, какой быть социалистической тенденции развития и т.п.?

Может ли политическая революция, поставившая целью движение общества к социализму, ограничиться установлением в политической организации общества широкой демократии? Мы полагаем, что нет. Социализм – слишком абстрактная идея, чтобы могла «сама собой» завоевать прочное и устойчивое большинство. Эта идея не находит себе достаточно понятного и твердого места в совокупности интересов общественных классов и слоев. Только наиболее грамотная часть рабочего класса и часть интеллигенции могут быть способны на то, чтобы сознательно воспринять идею социализма как идею конечной цели социального процесса после революции. При этом надо учесть, что политическая революция – симптом недостаточной зрелости экономических предпосылок ре-

волюции. Широкая демократия в тех условиях, в которых происходит революция, снимающая отжившие феодальные формы (главное) и некоторые, особенно грубо эксплуататорские формы функционирования капитала (уже не главное в такого рода революциях), может опереться только на программу *мелкобуржуазного типа*, т.е. в самом лучшем случае на программу *эволюции* к социализму, когда революцией сняты препоны для этой эволюции (см. примечание № 12).

Для России наиболее реальным вариантом установления такой широкой политической демократии, ориентированной на конечный социалистический вариант развития, была возможность образовать на базе Учредительного собрания широкий правительственный блок партий социалистической ориентации. Интеллигентское доктринерство времен подполья – крайняя нетерпимость к любым оттенкам, к любым частным (с точки зрения формационного процесса) отличиям иной точки зрения, идеологическая эйфория партии, успешно осуществившей политическую революцию, – помешали реализации этого варианта. Мог бы он стать оптимальным? Трудно сказать. Оценка его в качестве оптимального тоже достаточно абстрактна... Реальная история Учредительного собрания в России весьма противоречива. Мелкобуржуазное большинство Учредительного собрания оказалось не в состоянии утвердить два *безусловных* декрета большевиков: о земле и о мире. Учредительное собрание могло оказаться в конце концов и союзником (вольным или невольным) дворянско-помещичьей контрреволюции. Наше сегодняшнее видение этой проблемы весьма и весьма отличается от конкретных условий политической ситуации и ее развития конца 1917 – начала 1918 года.

Смогла бы широкая демократическая власть справиться с дворянско-помещичьей контрреволюцией? Трудно дать на этот вопрос достаточно определенный ответ. Факт тот, что эта контрреволюция организовалась гораздо раньше выборов в Учредительное собрание, организация ее покоилась на армейских началах, настроена она была более чем решительно (см. примечание № 13).

Смогла бы широкая политическая платформа номинально социалистической ориентации сохранить эту свою ориентацию? Ведь социал-демократического варианта реализации социалистической программы общественного развития (на манер современного шведского) тогда попросту не существовало...

Вот почему мы нынешние (с позиций 1990 года) позитивные оценки Учредительного собрания полагаем недостаточно историчными. Они, увы, избыточно абстрактны и реальной исторической ситуации 1917–1918 годов, ее сложности и противоречивости в должной мере не раскрывают.

Реальный исторический выбор был сделан большевиками в пользу диктатуры рабочего класса. Теоретическое ее обоснование применительно к условиям 1917 года отражено и обобщено в работе В.И. Ленина «Государство и революция». Этот выбор и тогда многими сторонниками социалистической ориентации общественного развития был воспринят как не безусловный и даже как ошибочный. Не безусловным с точки зрения желаемого формационного развития он выглядит и сегодня, в 1990 году, однако в 1917 году у него были и реальные политические основания.

Социалистические конечные цели революции в условиях социально-экономического развития страны в 1917 году не могли быть совершенно добровольно приняты большинством населения страны хотя бы по такой элементарной причине, что значительное большинство вообще (даже на утопическом уровне) не знало, что такое «социализм». Ни о какой широкой демократии для реализации социалистических целей – целей, конкретное содержание которых было непонятно не только большинству населения, а как мы сейчас видим, но и плохо понятно и руководителям партий социалистической ориентации, – в этих условиях не могло быть и речи.

Каковым может быть теоретическое обоснование в этих условиях диктатуры рабочего класса:

– класс в целом непосредственно заинтересован в реализации социалистической тенденции развития и осознает ее не только как

абстракцию, но и как тот или иной свой конкретный исторический *интерес*;

– политический авангард этого класса – его политическая партия – на уровне науки, способной выстроить систему эффективных социально-экономических технологий, знает, что такое социализм и как к нему идти;

– с помощью диктатуры пролетариата как гарантии сохранения социалистической ориентации осуществляются преобразования в экономике, социальных отношениях, культуре, которые формируют у большинства населения конкретный интерес в реализации социалистических целей.

Все это создает возможность перейти от режима диктатуры к режиму широкой демократии, которая в новых условиях (созданных созидательными функциями диктатуры) обеспечивает принятие социалистических ориентаций добровольно, на уровне интереса и той или иной степени их осознания.

Были ли, хотя бы абстрактно рассуждая, возможности реализации именно такой логики диктатуры рабочего класса? Да были. Их реализация была намечена в 1921–1923 годах, частично была начата, но – после смерти В.И. Ленина – свергнута, подменена ориентацией диктатуры класса на диктатуру отдельных политических групп и личностей (см. примечание № 14). Это усугубило ситуацию, ибо в целом созидательная программа диктатуры класса прямо противоречит стремлению закрепить и ужесточить диктаторство групп и лиц: она предполагает выход в конечном итоге на широкую демократию, в которую органически заложен принцип *сменяемости* руководящих групп и руководителей персонально.

Созидательные (т.е. собственно социалистические) цели диктатуры рабочего класса пришли в антагонистическое противоречие с интересами отдельных политических групп и персонажей, направленными на реализацию диктатуры класса именно и только как своего индивидуального диктаторства (см. примечание № 15). В результате этого «смыслового перекоса» самой диктатуры класса произошла подмена такой диктатуры класса персонализирован-

ным «культом личности» – системой личной (и групповой) диктатуры, где сохранение абсолютной власти этой группы и этой личности во главе ее становится *самоцелью*.

Комплекс причин, обусловивших эту деформацию установки на диктатуру класса, активно обсуждается нашей научной и публицистической литературой. Эти причины достаточно сложны и многообразны: упрощать их (скажем, сводить только к личному честолюбию руководителей) не следовало бы. Во всяком случае, исторический опыт свидетельствует, что вырождение диктатуры класса в «культ личности» произошло в той или иной степени, в той или иной форме во всех без исключения странах, где устанавливался политический режим, теоретически обозначавшийся как «диктатура рабочего класса». Теоретически (т.е. на уровне абстракции) закономерность и целесообразность диктатуры рабочего класса доказуема, но при переходе от абстрактного к конкретному (от идей к технологиям) возмущающие факторы пока в конце концов почти обязательно сводили на нет эту целесообразность.

Мы полагаем, что на пути решительного реформирования советской политической организации, которая была начата В.И. Лениным в 1921 году, эта политическая организация, возможно, могла бы стать способной обеспечить социалистические преобразования в обществе. Это было бы очень и очень не просто, однако, как мы считаем, шанс был. В реальном историческом процессе этот шанс был упущен. Политические амбиции «вождей», их стремление к личной власти, очень быстро превратившие политическое развитие в борьбу за личную власть, увели политическую организацию общества очень далеко в сторону от реализации социалистических целей (см. примечание № 16).

Наконец, третьим важнейшим (и еще более сложным по характеру своего развития) фактором движения общества после политической революции к социалистическим целям является развитие культуры.

Ключевое значение уровня и типа культуры, развития личностных качеств человека для реализации социалистических целей

было очевидным еще для утопистов. Утописты их значение чаще всего преувеличивали, однако это было преувеличение особого рода: оно достигалось недооценкой экономических и политических факторов. Получался своего рода перекося в структуре, однако этот перекося фактически не умалял абсолютного значения фактора культуры: без определенного минимума культуры общество не теряет вообще способности к развитию, но к социализму оно может развиваться только при достаточно высоком (в историческом смысле) уровне культуры¹.

[Такого уровня культуры в России 20-х годов просто не было, что, очевидно, и предопределило именно тот конкретный исторический путь развития, который и прошла наша страна.]²

Примечания и ссылки

1. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса просматриваются две взаимосвязанные, но различающиеся трактовки формационного перехода к социализму.

В экономических работах К. Маркса социализм предстает перед нами как *продукт* нарастающего с развитием производительных сил и разделения труда *обобществления производства*: на определенном его уровне преобладание индивидуалистического принципа в организации и функционировании экономики сменяется преобладанием коллективистского принципа (особенно концентрированно эта трактовка тенденций развития общества раскрыва-

---

¹ Возможно, что рукопись не была дописана, или в связи со смертью Захара Ильича ее конец был утерян. Как всегда, статья писалась порционно и порционно перепечатывалась на машинке. Последние страницы написаны от руки, печатной версии их нет. О недосказанной в статье роли культуры в переходный период от капитализма к социализму см. работы: Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. 319 с.; Файнбург З.И., Козлова Г.П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность. Мемориальное издание / Подготовка к изданию – проф. Г.З. Файнбург. – 2-е изд., испр. и доп. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 352 с.

² Дописано в качестве заключения издателем – Г.З. Файнбургом.

ется в §7 главы 24 I тома «Капитала» и в главе 27 III тома «Капитала»).

Наряду с этим в других работах присутствует другая трактовка, другая линия анализа, где в центре находится *политическая революция*, открывающая путь к преобразованию общества. Эта линия исходит из идей «Манифеста коммунистической партии». Обе они с разных сторон отражают реальность, однако степень «пересечения» этих двух линий в творчестве классиков мы бы оценили как минимальную.

Заметим, что в предметном указателе «Капитала» отмечено только одно упоминание о *политической революции рабочего класса*, причем речь идет об экономических ее предпосылках, а не о ее роли в преобразовании общества.

2. Может быть, наиболее четко это понимание социализма сформулировал С.Б. Станкевич в кратком интервью, оценивая историческое значение деятельности В.И. Ленина. «...Социализм – это не особый способ производства, как полагали многие, в том числе и Ленин. Особого способа производства вообще не существует (он – единый, индустриально-консервативный, ориентированный на регулируемый рынок)... Социализм – это тенденция в общественном развитии...» / Газета «Рабочая трибуна». 22 апреля. 1990 г. С. 3).

3. Очень четко сформулировала суть утопического понимания социализма Н.Я. Мандельштам (Воспоминания // Юность. № 7. 1989. С. 49): «... В начале двадцатого века возникло... убеждение, что уже пора создать такие совершенные, вернее, идеальные формы социальной жизни, которые должны, обязаны, не посмеют не обеспечить всеобщего благоденствия и счастья».

4. Поразительно непрофессиональна, например, в этом отношении статья Ю. Шрейдера (доктора философских наук) «Идеология или сознание? К проблеме выбора» // Знание – сила. 1990. № 3: «... Гипноз идеологии или усилия сознания? – вот главный выбор, перед которым стоит каждый из нас» (С. 39). Автор забывает, что идеологический контекст – выражение и отношение интереса –

присутствует в каждом акте и социального, и самосознания. И стремиться создать «деидеологизированную идеологию» попросту наивно.

5. Рассматривая акционерную форму как определенный этап и отрицания старого способа производства и становления нового, этап и форму отрицания частной собственности, подчеркивая ее внутреннюю противоречивость («...как богатства общественного и как богатства частного...»), К. Маркс говорит, что это отрицание существует «...вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 25, ч. I. С. 483).

6. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 327.

7. Эта позиция В.И. Ленина отражена в ряде его работ 1921–1923 годов. И даже фактически изначально противник этой точки зрения И.В. Сталин в 1926 году трактует эту позицию В.И. Ленина следующим образом: «...в 1921 году Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом» (Сталин И.В. Вопросы ленинизма. II изд. М.: Госполитиздат, 1947, С. 153). В научной литературе того времени преобладала именно эта точка зрения.

Но уже XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 года пытается снять трактовку промышленности как госкапиталистической, объявив ее неверной, оппортунистической, угрожающей делу социализма.

8. Идея, что для социалистической революции не действительны все исторические законы формационного перехода, послужила одной из отправных точек в формировании сталинизма как системы вульгарной идеологии, псевдонауки. См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. II изд. М.: Госполитиздат, 1947. С. 111–113.

9. Феномен «предмарксизма» кратко охарактеризован в нашей статье «Какой социализм мы строили?» // Политическое образование. 1989. № 18. С. 39. Подготовлена к публикации также ста-

тя: Файнбург З.И. «Марксизм, «предмарксизм», «псевдомарксизм»»¹. Здесь, может быть, целесообразно напомнить трактовку известным специалистом в области науковедения Т. Куном самого процесса становления новой парадигмы науки: «...Первые варианты большинства новых парадигм являются незрелыми» (Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. С. 197).

10. См.: Симония Н.А. Сталинизм против социализма // Вопросы философии. 1989. № 7.

11. Кроме известных, ранее уже публиковавшихся работ см.: Певзнер Я. Конкурентный корпоративно-государственный капитализм // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 3.

12. Мы полагаем, что в истории последних десятилетий и лет есть несколько очень характерных примеров такого рода метаморфоз политической власти и ее социально-экономической ориентированности: Испания, Португалия, Никарагуа...

13. По мнению историка Г.З. Иоффе, высказанному в его книге «Белое дело. Генерал Корнилов». М.: Наука, 1989. 292 с., корниловское выступление в августе 1917 года и есть истинное начало гражданской войны. Она началась не только и не столько против большевиков и их власти – никакой власти у большевиков еще попросту не было – сколько фактически против крестьянских посягательств на помещичьи земли. Не будь продрозверстки, гражданская война пошла бы во многом по-другому, но направленность (а фактически – и уровень жестокости) гражданской войны была задана еще до Октябрьской революции корниловским мятежом.

---

¹ Эта статья была отвергнута редакцией журнала «Вопросы философии» летом 1990 года и могла остаться неопубликованной. Но к тому времени ее текст в переработанном виде был уже вставлен З.И. Файнбургом в качестве главы (очерка 3): Марксизм, «предмарксизм», псевдомарксизм... (Идейные и социальные предпосылки «культы личности») в его книгу, вышедшую в свет уже после написания этой статьи и смерти автора (10.09.1990 г.): Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. 319 с.

А в январе 1918 года, напутствуя свою армию, Корнилов требовал: «...Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать...» (Цит. по журналу «Новый мир». 1990. № 2. С. 263).

А всем тем, кто оправдывает «белый террор» существованием «красного террора» ВЧК, следует помнить, что в это время (зимой 1918 года) ВЧК вообще еще была в ранней стадии организации.

14. В работах В.И. Ленина 1921–1923 годов настойчиво проводилась мысль, что наибольшая политическая опасность успешному строительству социализма таится в том, что не сами массы строят для себя социализм, а он строится для масс – партией, государством и т.п. Отсюда следовала система мер, ориентированных на максимальное включение масс (прежде всего рабочего класса) в управление, на обсуждение и выяснение на научном уровне характера социалистического строительства, на максимальную демократизацию внутрипартийной жизни и т.п. После 1924 года все эти уже начатые реализовываться меры были свернуты.

15. «...Решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет», – писал В.И. Ленин (Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 199). Увы, мнение это оказалось не то чтобы не безусловным, но и прямо ошибочным: соединение «советского ... демократизма» с «диктаторской властью отдельных лиц» на практике означало безусловный перевес власти и силы в пользу этих самых «отдельных лиц», что довольно быстро вело в конце концов к режимам «культы личности».

16. Имеется очень большая литература, посвященная различным сторонам становления и функционирования «культы личности» (в том числе и несколько наших публикаций). Нами подготовлена в печать книга: «Культ личности: закономерное и случайное»¹.

---

¹ Книга, сменив первоначальное название, вышла в свет уже после написания этой статьи и смерти автора (10.09.1990 г.): Файнбург З.И. Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М.: Политиздат, 1991. 319 с.

Э.Б. Кошчев

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет

**В МИРЕ З.И. ФАЙНБУРГА
(НА МАТЕРИАЛАХ ЕГО ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ)**

В этой статье жизнь и творчество З.И. Файнбурга представлены с необычной стороны. Традиционному описанию научных и профессиональных занятий здесь противопоставлено описание личных интересов, художественных пристрастий и литературных предпочтений Файнбурга. Обзор книжной библиотеки позволяет увидеть его богатый внутренний мир и широкое поле для научной деятельности.

Ключевые слова: границы мира, границы языка, чтение, литература, книга, образ, архив.

E.B. Koshcheev

Perm National Research Polytechnic University

**THE WORLD Z.I. FAINBURG
(BY MATERIALS OF HIS PERSONAL LIBRARY)**

In this article the life and work of Z.I. Fainburg presented with an unusual side. Traditional description of scientific and professional occupations are contrasted description of personal interests, artistic tastes and literary preferences Fainburg. Overview of book library allows you to see his rich inner world and a wide field of scientific activity.

Keywords: borders of the world, the boundaries of language, reading, literature, book, image, archive.

«Границы моего языка есть границы моего мира», – писал Людвиг Витгенштейн в своем бессмертном «Трактате». Следуя вольной интерпретации этого высказывания, мы можем сказать, что богатство моего языка определяет богатство моего мира. Если же мой язык скуден (читай Эллочка Людоедка), то и мой мир заканчивается подле собственного носа. Что как не чтение обогаща-

ет наш язык, а вместе с ним раскрашивает мир множеством красок, снимая остроту противоречия между внутренним и внешним? Конечно, мы далеки от мысли, что чтение и литература сами по себе делают наш мир прекрасней, добрей и прочее. Но разве литература в ее коммерческих, жанровых, массовых и, наоборот, авторских, высокохудожественных и труднопереводимых образцах так уж далека от жизни?

Разве мы не пользуемся в быту определениями из литературы («Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»), разве нас не вдохновляют подвиги «рыцаря печального образа», разве мы не извлекаем уроки нравственности из опыта литературных героев («Береги честь смолоду»)? Про таких героев и их поступки мы обычно говорим, что автору удалось создать правдивый образ действительности.

На посылке о тесной связи мира языка и литературы с другими сторонами нашей жизни мы и построим свое небольшое исследование. Или, вернее сказать, отправимся в путешествие по кругу личных (главным образом ненаучных и непрофессиональных) интересов З.И. Файнбурга, которые нашли свое отражение в его литературных предпочтениях. Или – еще проще – нашли свое место на его книжной полке. Для этого мы обратимся к тому разделу каталога библиотеки политехнического университета, который принято называть «Из личного архива Захара Ильича Файнбурга». Конечно, мы не претендуем на всесторонний систематический анализ. Наша цель – взглянуть на мир Захара Ильича с непривычной, необычной стороны, отметить всю широту и богатство его личных интересов, взглядов и увлечений.

* * *

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с личной библиотекой, – это наличие литературы на разных языках. Помимо родного языка в архиве широко представлен польский и значительно реже немецкий язык. Известно, что Захар Ильич немалую часть всей литературы читал на польском языке, что открывало перед ним дополнительные возможности. К этому факту мы еще вернемся.

Ко второму по значимости наблюдению можно отнести обилие литературы, которая напрямую никак не связана с темами социологии и научного коммунизма. Именно этот сегмент и представляет для нас особый интерес.

Здесь мы обнаруживаем большое количество приключенческой и фантастической литературы, всевозможные альманахи, сборники, ежегодники под известными марками «Поиск», «На суше и на море», «Фантастика», «Мир приключений» и др. Мы хорошо знаем об увлечениях Захара Ильича научной фантастикой и литературной утопией, поэтому у нас не вызывает удивления тот факт, что в библиотеке есть книги крупных фантастов, а также критическая литература из этой области. Каждому из нас знакомы имена Кампанеллы, Уэллса, Азимова, Лема, Брэдбери и др. Все они «рассыпаны» по личной библиотеке Файнбурга. Любопытно, что среди названных имен единожды встречается и «король ужасов» – Стивен Кинг («Мертвая зона», 1987 г.).

К фантастике и приключениям тесно примыкает литература путешествий, спортивного и, как бы сейчас сказали, экстремально-го туризма. Здесь мы познакомимся с чудесами большого барьерного рифа, кратерами в огне, островами среди ветров; совершим опасное путешествие в Занзабуку, прогуляемся по Антарктиде и Кордильерам. И не удивляйтесь, если рядом с книжкой о малых социальных группах в социалистическом обществе вы обнаружите книгу Л. Воляновского «Луна на Таити». Все смешалось – ум и страсть, лед и пламень. На книжной полке все как в жизни. Кстати сказать, «Лед и пламень» – это название книжки Ивана Папанина. Ее вы также найдете в архивах Захара Ильича в соседстве с «научно-технической революцией» «между двумя океанами» (Иржи Ганзелка). Отдельно отметим, что интерес Файнбурга к охоте и рыбалке нашел свое продолжение в немалом количестве книг о спортивных занятиях на свежем воздухе.

Говоря об активном отдыхе, да еще сопряженном с приключениями и даже настоящими научными исследованиями, мы не можем обойти стороной такую фигуру, как Жак Ив Кусто. В биб-

лиотеке мы находим сразу несколько книг, сделанных при его непосредственном участии. Думается, что интерес Файнбурга к морской тематике наиболее полно воплотился в образе ученого-мореплавателя Ж.И. Кусто. А если учесть то невероятное подвижничество, с которым каждый из них относился к своему делу, то возникшая связь кажется совсем не случайной.

Наравне с Кусто можно поставить еще один, только на этот раз литературный, образ. Речь идет об одной весьма примечательной по силе своего воздействия книге – «Такова спортивная жизнь» Дэвида Стори. Это произведение, которое впоследствии блестяще экранизировал Линдсей Андерсон, повествует о сложности человеческих отношений, жестокости профессионального спорта, тяжелой судьбе тех, чьи дни проходят в грубой борьбе за выживание. Такого рода произведения рисуют жизнь не как веселую прогулку и приключение, но как суровое испытание. А по сему следует, что библиотека Захара Ильича состоит не только из «путешествий по морским глубинам да горным вершинам». Добавим, что книга Дэвида Стори на полке Файнбурга оказалась не случайно, ибо профессиональный и любительский спорт всегда входил в область его научных интересов («Спорт и личность»).

Следующий сюжет, достойный нашего внимания, – это очевидный интерес Файнбурга к секретной дипломатии и разведке, шпионским страстям и государственным изменам. Знаменитое произведение «Ставка больше, чем жизнь» Анджея Шипульского и Збигнева Сафьяна, вышедшее под псевдонимом Анджея Збыха, имеется в архиве в двух вариантах – на польском (1969 г.) и русском (1973 г.) языке. Причем на русском языке были опубликованы теленовеллы, а не сам роман. К этой книге примыкают, по сути, беллетризованные мемуары Рут Вернер «Соня рапортует: Подвиг разведчицы».

Следом – тема войны. Здесь мы обнаружим книги по истории Великой Отечественной (а также истории мировых войн), воспоминания участников боевых действий, описания подвигов советского народа, исследования отдельных страниц военного времени.

Фронтные годы Захара Ильича навсегда определили его интерес к этой теме. Вместе с историческими и научно-популярными книгами о войне здесь можно встретить и художественные произведения. Назовем лишь некоторые из них: роман Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта» и Генриха Белля «Где ты был, Адам?». И конечно, не забудем роман Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Упоминание этих произведений важно еще и потому, что они стали знаками своего времени.

Вместе с популярными жанрами фантастических приключений, морских путешествий и шпионских историй в архиве нашлось место и для детектива. Отметим, что на польском языке авторы детективов составили серьезную конкуренцию известным фантастам. Судите сами: А. Кристи, Р. Макдональд, Д. Хэммет, Р. Чандлер и др. Добавим к этому списку собрание сочинений Артура Конан-Дойля (уже на русском) и наши расхожие представления о преданности Файнбурга научной фантастике – развенчаны. Да, и на каждого сыщика вроде Шерлока Холмса в этой части архива найдется свой инспектор Лосев.

Большое место в библиотеке занимают мемуарные и научно-популярные работы, посвященные историческим личностям – полководцам, революционерам, диктаторам. Не обошлось здесь и без Эрнесто Че Гевары. Вообще интерес Файнбурга к персоналиям – безграничен. Ну скажите, зачем ему понадобились воспоминания последнего императора Китая Пу И? Ответ компетентного читателя может звучать примерно так: «Чтобы понять истоки революции в Китае».

Особый интерес у Захара Ильича вызывают не только и не столько художественные произведения, сколько их авторы. Центральная фигура в этом ряду, конечно, пан Станислав Лем. Личное знакомство Файнбурга с Лемом, переписка, обмен мнениями, работа над предисловиями и критическими замечаниями к работам Лема – все это и многое другое решающим образом определило то место, которое занял Лем в кругу личных и научных интересов

Захара Ильича. Любопытно, что книги самого Лема в библиотеке представлены на польском языке.

Помимо Станислава Лема мы бы отметили фигуры таких ярких и крупных писателей, как Дж. Конрад, К. Чапек, Я. Гашек, А. де Сент-Экзюпери, Ф. Кафка, М. Булгаков, А. Грин и др. Если говорить о Кафке, то в архиве он представлен тремя позициями: критическая работа Д. Затонского, биографическая работа Макса Брода, произведение самого Ф. Кафки. И это все на фоне большого интереса к наследию Франца Кафки, например, у тех же французских философов с мировыми именами.

Нужно ли говорить, что художественные пристрастия Файнбурга носили кругосветный характер: французская и немецкая поэзия, английская драматургия, американский роман, японский детектив, польская фантастика и пр. Логично предположить, что следующим шагом должен быть выход в открытый космос. В этом помогут работы Карла Сагана и Владимира Губарева. Впору воскликнуть: «Каких только книг не было в распоряжении Захара Ильича?!»

* * *

Боюсь, что на этом наше небольшое путешествие по книжной коллекции З.И. Файнбурга подходит к концу. Множество сюжетов, тем и любопытных подробностей ждут своего часа. Конечно, Захар Ильич был сыном своего времени, и многое из того, что вы обнаружите в его библиотеке, есть и у вас, на ваших книжных полках. Но все же сам выбор героев – воображаемых и действительных – представляет собой неповторимый взгляд и путь Захара Ильича. И самое главное: кажется, нам удалось показать, насколько богатым и сложным был его внутренний мир, находящий свое продолжение в делах и поступках. Мир, в котором он жил, не имел границ. Оттого мысль Файнбурга всегда отличалась широтой и синкретичностью, была основой его непреходящего по своей актуальности научного творчества.

Научное издание

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Материалы XIII (заочной) Всероссийской
научной конференции, посвященной памяти
профессора З.И. Файнбурга*

(г. Пермь, ноябрь 2014 г.)

Корректор *Е.И. Герман*

Подписано в печать 14.11.14. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 15,25. Тираж 100 экз. Заказ № 202/2014.

Издательство
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.
Тел. (342) 219-80-33.